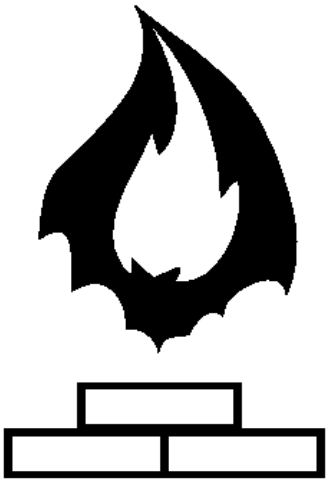
С. СОМ

КАТАКОМБНЫЙ ИТОГ, КНИГА ТРЕТЬЯ:

КЕЙВЛАЙВИНГ
В СОВКОВЫЙ И ПОСТСОВКОВЫЙ ПЕРИОД



ОГЛАВЛЕНИЕ

Тьма пещеры пред вами завесою
Киот чёрного квадрата
Пребывание-91: адаптация
Отступление спелеофилософское
Пребывание-91: оснащение
Из истории спелеонавтики
Zoolookologie
И другие совковые истории
Пребывание-91: бытие
Ритмика в недрах земли
Пребывание-91: работа
Zoolooklogie-91
Пребывание-91: завершение
Явные признаки перезанимания спелестологией
Зад менее солнца под землёй
Топографические моностихи
Месяц на троих
Вне зрения
Стресс, как норма жизни
Преамбула стресса
Спелеострессовые агенты
Фрустрации общего типа и спелестологи
Спелеофрустрации
Спелеофобии и спелеопсихозы
Физиологический дистресс
Что додику в погибель…
Закрытие — или защита?
Слово о равновесии
Человек – пещере
Пещера – человеку
Summa equinoxum
Вандалы и варвары
Вместо резюме

СОДЕРЖАНИЕ:

ЗАД МЕНЕЕ СОЛНЦА ПОД ЗЕМЛЁЙ 4
ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ МОНОСТИХИ 35
МЕСЯЦ НА ТРОИХ 37
ВНЕ ЗРЕНИЯ 59
СТРЕСС, КАК НОРМА ЖИЗНИ 79
Преамбула стресса 80
Спелеострессовые агенты 85
Фрустрации общего типа и спелестологи 86
Спелеофрустрации 96
Спелеофобии и спелеопсихозы 111
Физиологический дистресс 124
Что додику в погибель… 128
ЗАКРЫТИЕ — ИЛИ ЗАЩИТА? 129
Слово о равновесии 132
Человек – пещере 136
Пещера – человеку 165
Summa equinoxum 184
Вандалы и варвары 189
ВМЕСТО РЕЗЮМЕ 197

ЗАД МЕНЕЕ СОЛНЦА ПОД ЗЕМЛЁЙ

“Наибольшее по длительности затмение Солнца в 1999 году наблюдала группа спелеоастрономов в районе села Никитского…”

Рискну повториться:

— Можно уходить под землю на длительный срок, ставя перед собой цели медицинско-экспериментального характера. Можно погрузиться в пещеру на недели и месяцы ради изучения самой пещеры, коль понимаешь: однодневным наскоком – более схожим если не с визитом случайного экскурсанта, то со спортивным подвигом альпиниста – эту пещеру не понять. Не постичь и не измерить,–

На длительное пребывание под землёй могут позвать загадки гидрогеологии и топологии изучаемой Системы, вопросы подземной геофизики, аэрологии, карстообразования, минералогии,– etc.

Фотохудожественные или писательские экзерсизы также могут быть стимулом для добровольного заточения себя под землёй — в данном случае с полным на то основанием называемым ‘за-творчеством’.

Погрузиться в пещеру на недели и месяцы можно ради очувствования самого себя – и того Космоса, что открывается нам в безднах земли.

Можно из религиозных соображений; можно спасаться бегством от социальной, политической, экономической или ноосферной действительности поверхности.

Можно ради спелеотерапевтических целей.

Можно уходить под землю на длительный срок просто для того, чтоб отдохнуть/оторваться “от проклятого города” –

: Можно уйти на Пребывание, вообще не ставя перед собой никаких осознанных целей — а лишь потому, что *внутренний зов* диктует движения твоей души, поступки и мысли.

: Всё это будет спелеонавтикой в западном понимании (или кейвлайвингом) – и спелестологией в нашем. То есть – подземожительством. Ибо ещё никто не доказал, что геолого-карстоведческое отношение к Миру Подземли хоть в чём-то “умнее и выше” простого кайфа *ощущенья пещеры,* а спортивные рекорды и первопрохождения весомей медико-биологических исследований или экзистенциального опыта одиночного созерцательного бытия,– опыта самопознания, даруемого нам в подземной тишине и умиротворённости.

Мало того – каждый, чьё сердце связано с Подземлёй, понимает: не высокие “научные цели” (без разницы: медицинские, биологические, геофизические, карстоведческие или какие иные) влекут нас под землю и заставляют оставаться там на длительный срок — а только *любовь к Подземному Миру.* Любой, даже самый значительный и революционный “научный результат”

лишь побочный продукт этой любви. Одно из возможных следствий – но никак не цель и даже не средство в наших отношениях с пещерой.

Не будет такой любви, не будет звучать в тебе Зов Подземли – какие бы научные загадки ни будоражили твой ум, о длительном пребывании под землёй говорить бессмысленно.

– Добавлю очевидное: у искренне любящего Мир Подземли, у ловящего трепетный кайф при одной только мысли об оной не может возникнуть и тени мысли о том, что "противопоставление" Человека и Подземли "имеет место быть". Только – катарсис, слияние, единение. Только партнёрство. И коль не физическое (кому-то слишком узки пещерные проходы, кому-то причиняет естественные неудобства подземный микроклимат) — то безусловно духовное.

: Оттого история спелеонавтики на Западе, в том числе и подземные Пребывания самого "отца-основателя" этого движения переполнены горечью поражений в противопоставлении "человек – пещера".

: Оттого многочисленные "научные подземные эксперименты" наземных исследователей не блещут повторяемыми или хоть сколь-нибудь внятными результатами.

: Оттого подземные исследования археологов и историков вызывают в лучшем случае усмешку у тех, для кого слово Подземля – не просто звук.

– "И так далее".

В этой и следующих главах я процитирую дневники подземных Пребываний, проведённых в Никитском Кругу "на стыке тысячелетий". Никаких "строго научных целей" – по крайней мере, сравнимых с моими Пребываниями 1991, 1993, 1995 и 1997 годов – они не преследовали в принципе.

Если под наукой не подразумевать исследование любимой пещеры.

И самого себя, пребывающего в оной.

Последний пункт, пожалуй, является важнейшим – ибо всем участникам этих Пребываний кейвлайвинг (в русской традиции подземожительство) подарил по меньшей мере *новое ощущение мира.*

Для меня лично это привело к получению ответа на вопрос, что же такое САЯ – и что влечёт, манит нас под землю.

Не считая, конечно, большего понимания любимой Системы.

* * *

УВЕДОМЛЕНИЕ: дневниковые записи даются без какой-либо литературной редакции и правки – ибо любая 'вредакционная расправка' подобного рода текстов безусловно убивает живое слово. Но что гораздо страшнее – лакирует, искажает действительность. Превращая реальных людей в ангелков-манекенов, документальные события – в сладенький водевильный вымысел. [Жанр: "редакционная фэнтэзи".]

А потому приготовьтесь и к "непарламентской" лексике, и к сюжетной шероховатости.

Ибо как было — так оно и было.

* * *

16. 07. 99, пятница, 20.00 ÷ 24.00. Сборы у меня дома. Между 20.00 и 22.30 съезжаются: de'Fëdor, Никольский – и, наконец, Шурик [КМС] на своём "уазике". Все после полноценного рабочего дня – уставшие, как незнамо что,– но в радости от Предстоящего.

В ожидании Президента РОСС, оно же его Отца-Основателя[1], мы с Фёдором рождаем новый цикл спелеоприколов: "История спелеооткрытий в науке".[2] *Процесс пошёл!..*

: Последние созвоны, перепаковка трансов. Неизбежный визит в магазин (слава Богу – и нам, отходившим своё к Белому Дому – круглосуточный, к тому же расположенный в 50 метрах от дома) за тем, что не успели или забыли купить. Новая перепаковка. Сверка списков. Напутствия супруги. Несколько рейсов к машине во двор – мысль: как же весь этот груз мы попрём на себе по Системе?..

Причём не в относительно близкий от входа Сапфир — в самую ЖБКашную дальнюю даль…

: "Уазик" забит практически доверху.

– Однако, едем.

Поскольку практически все участники выезда астрономы по образованию, цель Пребывания вполне спелеоастрономическая: отметить юбилей высадки американцев на Луне, пронаблюдать самое длительное затмение Солнца (ибо оно должно случиться во время нашего Пребывания) – ну и пробиться, по возможности, в Ебазар[3] изнутри Никитской Системы. Если получится.

А также сделать максимально точную съёмку ЖБК, Сейсмозоны, привходовой части Никит – и поверхности. Точнее – оврага, что спелеоразделом проходит меж Никитами и Ебазаром и по мысли некоторых [не будем их называть] исключает саму возможность подобной сбойки.

: Вот такая программа. Недели на две-три. Как кажется нам.

17. 07. 99, суббота, 00.00 ÷ 7.00. Дорога, анекдоты и байки. Поиски неразбавленного бензина за 3.00. [О, времена! О, цены!..] Никитское. Переодеваемся, ритуально пересчитываем трансы и прочие носильные вещи (канистру бензина, три водяных канистры, кофр с колонками и пакет с зеленью и хлебом, купленные в последний момент перед отъездом). В 2.00 – Погружение. Свеча на месте гибели Виктора Шагала. Транспортировка до Футбольных Полей девяти двадцатикилограммовых трансов с сопутствующими вещами – через

[1] То есть Саши Никольского.

[2] Один из них является эпиграфом данной главы.

[3] Легендарная Система, граничащая с Никитами. В то время – idée fixe наших территориальных аншлюсов.

Сейсмозону, затем Чёртов Шкурник, затем почти через всё ЖБК – ‘почти подвиг’. По прибытии устанавливаем ПБЛ – мы с Никольским разравниваем спальные площадки и ставим палатки, распаковываем кухню; Шурик и Фёдор ходят за водой к Сумасшедшему Барабанщику.

Ужинозавтрак, отмечание Прибытия и Начала. В 7.00 – отбой.

Ночью снится очень скверный сон: что-то вроде давящего удара. Что, к чему – не понять. Просыпаюсь в оторопи; повторно заснуть удаётся только после выкуренной сигареты.

17. 07. 99, 17. 00 (суббота) ÷ 18. 07. 99, 8.00 (воскресенье). Приезд недостающего спелеоастронома – участника Пребывания Малыша. Подъём; я налаживаю акомы и Звук. Завтрак под весёленькие рулады Шаова. [Источник звука CD-плэер и дублирующий его плэер кассетный + специально собранный миниатюрный подземный усилитель; колонки творчества Киры Длинного. Каждая объёмом около 4 л — но для подземной акустики Футбольных Полей этого хватает. *С их непередаваемым эхом…*]

Диспозиция на день: мы с Малышом топосъёмим; Никольский и Фёдор копают (на северо-запад) ход от Красивости по-над проходом к Сумасшедшему Барабанщику. [Красивость – естественный грот гравитационно-карстового происхождения; пол и свод его – сплошные кораллиты. Возник на месте древней межпластовой расслоёнки; после обрушения штрека, пройденного под ним, стал вполне просторным для посещения. Я пробил в него ход за пару лет до описываемых событий.] По диспозиции Шурик провожает нас до места раскопок (кто-то, остающейся наверху, должен точно знать это место), затем уезжает в Москву. Ибо в воскресенье обязан быть на работе, свежий и выспавшийся.

Ни одна ещё подземная диспозиция не была выполнена так, как планировалось — но от чего-то надо отталкиваться, верно?..

Все вместе идём к шурфу, чтоб определиться с объёмом работ. Пока Никольский и Фёдор, матеря кусающие колени и локти кораллиты, расчищают будущее место работы, Малышь и Шурик ходят ‘по воду’ к Сумасшедшему Барабанщику. Благо, работаем рядом – так что раскопки естественно совмещаются с заготовкой воды.

Я в это время ползаю по окружающим щелям и шклевотинам: вдруг что проглядели в прошлый раз, во время рекогносцировки? А также за предидущие годы. “Ибо под землёй всякое бывает, а такое – особенно часто”.

– И нахожу: как бы ход, идущий от Красивости на северо-восток. Причём абсолютно-естественного происхождения. Это — идеальное направление “на Ебазар” (в отличие от северо-западного, что уводит к реке). Но поскольку Красивость вытянута в широтном направлении, раскопки ребят не обрываю: штрек, который она завалила, шёл в этом направлении и есть надежда в дальнем западном конце Красивости проломиться в его сохранившуюся часть. “А там видно будет”.

Пробно расширяю найденный проход. Присоединяются Малышь и Шурик. Ход идёт вверх/вниз по естественным пересекающимся щелюганам; с виду непроходим – но известняк мягкий. Почти мел. Копается чуть-ли ни голыми

руками. Малышь находит сбоку “ещё один вариант”; цепочка естественных гротиков тупикуется, перед тем повернув почти на 180°. “Спасибо, не надо”. Запускаем её в продолбанную с Шуриком щель (нам ещё слишком узка); пока она рассекает где-то впереди, исследуем альтернативную, вроде бы ведущую параллельно, полость. Соответственно, расширяем. Альтернатива уходит вниз под наш завал и упирается в непродолбаемый монолит.

Возвращаемся – Малыша нет. “Не видно и не слышно”. Значит, Объём. Расширяем проход. Никольский что-то орёт из своего раскопа. Подползаю.

— Классика жанра: Малышь им что-то кричит спереди. Оттуда, куда они роют. < М-да… Ещё запуская Малыша в щель, иронизировали: зайди к ним с той стороны и как следует шугани… >

: Лезем за Малышом, по ходу движения расширяя щель. За ней расширение – песчаный вывал,– мягкий, кажущийся тёплым, известняковый песок — как на Острове Сокровищ. Выползаем в колокольню охуенной высоты и красоты. Далее новая щель вниз,– прорываемся, расширяя проход. То есть пролаз.

Выбираемся в грот удивительных размеров и формы. Ни на что не похоже. Гибрид Красной и Старицы, разве что. В восхищении выкуриваю единственную сигарету < курева не взял, так как до запланированной топосъёмки должны были пройти мимо лагеря, занеся туда взятую на водокапе воду >.

– Шурик, а не пора-ли тебе возвращаться в Москву?

– С ума сошёл! До утра ещё уйма времени.

– Как же ты, после ночных раскопок и лазаний по новой системе – не выспавшись, за руль, а потом на работу?

– Легко. Не впервой.

: больше к этой теме не возвращаемся. < Подумать только – едва начали Пребывание, лишь подошли осмотреть район будущих работ, и даже топосъёмку не начали делать — а как *попёрло*… >

От грота Первый Перекур ход уголковой лесенкой-горкой падает вниз, метра на три. Направление – перпендикулярное предидущему нашему движению, то есть на северо-запад. Параллельно раскопу Никольского. По склону несколько ответвлений на разных уровнях: три влево, на юго-запад. И пара вправо, на северо-восток. Ничего искусственного – с того момента, как поднялись из каменоломенного штрека в Красивость.

Малышь прошла влево верхним, самым просторным; оттуда скричалась с Сашей и Фёдором. Никольский лезет средним; я нижним. Шурик и Фёдор исследуют другие варианты. Узко, кувырки – однако, явный пол штрека. Со следами наводнения — значит, это всё-таки не Ебазар, а Никиты.[4] Новая, заовражная часть. < Насколько она “заовражная”, покажет топосъёмка. >

---

[4] Никитское наводнение “от 1913 года”, что оставило по всей дальней части Системы свои характерные следы, по определению не могло затопить Ебазар, созданный лет на 30 позже. Так думал я тогда. Но кто сказал, что в годы существования сбойки Ебазара с Никитами не было подобных наводнений?..

Вижу щель; за ней явный грот. Мне через щель не просочиться – но впереди в гроте вспыхивает отблеск сашиного налобника. «Можешь пролезть?» – «Легко!»

Обхожу через связующий колодец. Верхний ход широк – но оканчивается непроходимым [как поначалу представляется нам] тупиком в виде серого лёссового конуса. И акустической сбойкой с первым северо-западным раскопом.

Малышь с Никольским расширяют проход в грот, увиденный мной снизу. Он ведёт на запад — но хоть куда. Тем более, что по левому борту его – щель с офигительной тягой воздуха. В лицо, навстречу нам. При некоторых условиях дуть, как мы уже знаем, может и в монолит. Но *из* монолита – никогда. А значит, *там — Система.*

Впереди вверху – небольшая колоколенка. Сменяю Малыша и Никольского, рвусь куда получается. Лучше всего получается наверх. Вырываюсь —

: Ещё один невозможно-красивый грот. Снова ничего искусственного. Но свод… Свод зримо обвалоопасный. И это настолько зримо, что…

: Половина свода огромным растрескавшимся карнизом нависает над дальней частью грота, не доставая до пола каких-то 30 – 40 см,– и добро б ещё это был растрескавшийся кремнезированный доломит! Это самая сыпучая из всех никитских пород — мелоподобный известняковый прослой, нижняя пермь. Даже чистый саблинский песок лучше: коль упал, так упал.

Но мы не уходим из него.

Слева вертикальная щель около трёх метров глубины; тяга воздуха исходит из неё. Дно трещины плоское. Впереди – откровенный юго-западный тупик. Справа, под нависающим карнизом трещиноватого свода – тектоника со старыми, закопчёнными стенами. Вроде бы непроходимая — но чем чёрт не шутит?..

Подползаю ближе, осторожно, на выдохе минуя самый низкий нависающий край свода – вижу за тектоникой плоский ход в горизонтальной межпластовой расслоёнке. Свечу вперёд – края не видно. А видно зримое его расширение. Что там: неужели искомый…

– Даже подумать страшно.

По идее, за тектоникой обвальная зона должна кончаться. Но пробиться туда – Задача. Меж стен тектоники, с Г-образным сдвигом в процессе,– под столь хлипким сводом…

“Глаза боятся, руки делают,– жопа просится на выход, сердце рвётся из груди…”

: В таком режиме работаю. Сзади меня под сводом умещается только Малышь. Осторожно, чтобы не вызвать даже лёгкого сотрясения почвы, передаю ей вынимаемые фрагменты плит и камни. Никольский, Фёдор и Шурик принимают их у неё. Фёдор с Никольским творят из передаваемых камней и тех, что сами собирают вокруг, бутовую стенку под опасным сводом. Хоть как-то фиксируя его над нашими головами.

Работаем около часа. Молча. Каждый постоянно прислушивается: не за-

трещит-ли свод.

Завал сложный – но оттого разбирать его интересней. Внутри никакого стрёма. Даже тогда, когда свод над нами с Малышом начинает садиться. Как в кино. Кусками и блоками, почти бесшумно. [Оно понятно: мел… И надо же: в тот самый момент, когда я уже вскрыл правый борт тектоники настолько, что легко могу просунуть в неё голову,– остаётся вытащить буквально пару не столь неприподъёмных фрагментов…]

“Упасть должно около 10 тонн”,– машинально прикидываю, оценив масштаб отслоёнки. Бьёт по жопе, по хребту – но мелочью. По пальцам и лучевой кости левой руки — чувствительнее. Не слышу команды “УЁБЫВАЙ!!!”,– одновременно вылетаю, группируясь и оценивая направление “улёта” и место следующего обрушения. Мысль: если б зажало в тектонике – точно остался бы жив. Но…

..: вылетаю. Вынося на себе Малыша. Под её “… и быстрее”,– но пока она это говорит, я уже это делаю. Только замешкавшись на самом вылазе из зоны обвала. “Инструменты?” – спрашивает Малышь. “Или Ж.!” – отвечаю я.

: Если бы не сотворённый ребятами бутовый крепёж свода…

— Резюме: пройдено около 100 метров новой никитской системы; завтра соваться в неё не след, пусть выстоится. А в понедельник – крепить и работать дальше.

Найденная (открытая, вскрытая) часть получает наименование КРОССавица. (Название гармонично передаёт все наши чувства, включая наименование “официальной ипостаси Никитского Круга”.) Первый шкурник, раскопанный мной и Шуриком, называем МАЛЫШЬ. Грот с сопливым потолком – УЁ!!!

: Возвращаемся в ПБЛ под рефрен “вот так потопосъёмили…” (“А Шурик – уехал в Москву.”)

В лагере на Футбольных Полях нас встречают “дорогие гости”: Светодиод, Мичман с очередными чайниками (бедняги наивно полагают, что он проводник, а они экскурсанты; мы твёрдо убеждены: Мичман – садист, они – его жертвы) и Васс – из старых домодедовских спеликов.

Мичман и чайники, как не соответствующие нашему настроению детали интерьера, уходят; Светодиод естественно остаётся. На чай. Но душа жаждет не чая – в Сапфире должна быть заначенная литровая бутыль с можжевеловой водкой. Лечу туда на последних душевных и физических силах.

Водки не нахожу.

Опустошённый в самых лучших из оставшихся чувств, возвращаюсь в грот. И падаю почти без движения.

Светодиод и Шурик “вовремя” вспоминают, что перепрятали её. Приходится идти им.

: Усталость, стресс. “Догнал-таки, собака, по-полной” – но принесённый напиток восстанавливает силы.

Ужин. Шурик уезжает в Москву; Светодиод уходит с ним. Оставшиеся разыгрывают замечательную партию в “мандавушку” под тонко подобранную эстетскую музыку и чай с водовкой. И – разговоры…

– Давненько я не слышал под землёй столь возвышенно-интеллектуального трёпа…

Отбой по лагерю происходит в 8.00.

18. 07. 99 (воскресенье). Подъём (вызванный срочным временным выбрасыванием Малыша на поверхность ради какого-то астрофизического эксперимента в Пущино, связанного с затемнением Солнца) происходит в раннюю рань [‘сраннюю срань’] – в 13.00. Причём не по Гринвичу, то бишь UT — а по ‘московскому дискретному’.

Желая поставить к завтраку Мищуков, ставлю случайно ВСВ – “Натянутый Канат”. И получается просто здорово — *давненько мы не слушали его в Никитах…* Года с 1985-ого, наверное.

– А значит, “так было надо”.

Фёдор высказывает предположение, что < по опыту вчерашней партии в “мандавушку”, явно выигранной Двуликой, а не Малышом > Двуликая нас шуганула обвалом специально, дабы показать, что мы роемся не там.

: Может быть. Очень может быть. [«Что ж тогда, однако, не показывает, где рыть надо?» – «Показывает, да ты не видишь.» – «А ты видишь?» – «Не вижу. Но и не претендую на виденье.» Такой содержательный диалог.]

На утренней диспозиции твёрдо решаем: никаких раскопок, только ТУ-ПОСЪЁМКА. Во время которой Она, возможно, и подскажет/покажет нам, куда никитско-ебазарные ветры невольно дуют.

После завтрака и дослушивания ВСВ устремляемся: Малышь на выход, мы на работу.

Первую нитку хода ведём от центрального репера Футбольных Полей – оборудованного Сержантом и Гонзой Туалета (грандиозность которого не уступает Амфитеатру). Нулевой пикет – унитазный круг. < В голову тут же приходит топографический моностих: *“Сортир оттопосъёмил в пять пикетов…”*[5] > Далее ведём маршрут через Подкидыш Сержанта, затем Неолит, Планетарий и Сель к Сумасшедшему Барабанщику.

Тщательно оттопосъёмив СумБар,– и вскрытый Хмырём в 1982 году нижний, ведущий к нему проход, и верхний, пройденный мной в 1995,– а также найденный Бородой Нижний Сумасшедший Аппендикс, уходящий в северо-западном направлении и скрывающийся под самым настоящим циклопником — как кажется нам, неразгребаемым в принципе, однако коль появится Стимул…

– неизбежно приближаемся к месту вчерашних работ. Неизбежно топосъёмим, начиная с Красивости. Во входном шкуродёре меняем 15-метровую рулетку, оптимально подходящую для съёмки просторов ЖБК, на её сокращённо-трёхметровый аналог. Что больше подходит для съёмки прочей части Никит – и отвоёванной нами вчера у сыпухи и монолита КРОССавицы.

---

[5] В дальнейшем за время этого топографически-копательного Пребывания монострочных маразмов родилось столько, что они образовали полновесный разудало-поэтический цикл,– приведу его отдельной главой.

В полуколодце после Первого Перекура обнаруживаю щель, просранную нами вчера. Как и почему просранную – не понятно. Ибо она является прямым западным продолжением этого наклонного колодца — и *с какой нечеловеческой силой меня тянет туда,* словами не описать. Примерно так же тянуло накануне в тектонику Уё… Которая, кстати, примерно в этот район и должна была выходить.

– расковыриваю. Расширяю и протискиваюсь. В голове — точно также выходил из Старой системы Лисьей в Алису,– будто спелеодежавю, движение в движение повторяется некий фильм,– и камни все лежат точно так же — настолько похоже/одинаково, что их можно разбирать без света, памятью движений пальцев и рук,–

: ВЫХОЖУ В ЗАЛ.

Который, впервые в жизни, решаюсь назвать своим именем. Точнее – всё более уходящим в прошлое ‘спелеоником’.

Ибо размеры его…

: не ника, конечно — зала…

: если это не Ебазар, то мартьяновская Система, что разрабатывалась меж ним, Никитами и Синеглазкой. С той стороны Никитского плато. То есть – Редькинская Система.

По стенам зала – карманы орт. Реже, чем на Футбольных Полях ЖБК, и как-то бессистемней. Некоторые мелкие, едва обозначенные — другие просто гиганты. От дна одной до свода зала – *семь метров высоты прописью.* В левой части зала за клином сходящейся межпластовой расслоёнкой – то самое окошко тектоники. Ведущее в Уё. *Так вот куда я вчера так ломился…* Ай, да Двуликая. Ай, да поводырь. «Фёдор был прав.»

Высота свода в средней части зала меньше его краёв: не выше полутора-двух метров – там отслоилась кровля, и то, что теперь является полом, когда-то было потолком. Однако при падении ноголомного месива плит не образовало – упало весьма аккуратно, ровно. Практически, как висело. Разом.

Правая часть раза в два выше и сложнее: три орты сходятся будто трилистником, с одной стороны к тому же вывал чёрного глиняного конуса,– странная топология наводит на мысль, что здесь под углом не более 30° сбились два штрека. Сбились при том “в полный рост” – как такое могло произойти в мартьяновских разработках, что вершились под руководством профессиональных маркшейдеров, не может понять никто из нашей группы. При этом очень похоже, что некий штрек – в данный момент перекрытый обломочно-глиняным конусом – пришёл с южного направления и врезался в мартьяновскую разработку снаружи,– *извне Никитской Системы.* После чего был взорван – либо рухнул сам. Хотя, возможно, мартьяновская разработка врезалась в него. И почему-то была брошена не доработанной, судя по состоянию орт.

Поскольку случайная сбойка с более старой, или одновременно творимой иной мартьяновской Системой вряд-ли могла “внезапно остановить” добычу камня – а то, что мы видим, более всего походит именно на внезапно остановленную выработку (в отличие от симметрично-одинаковых, геометрически правильных орт Футбольных Полей) — делаем естественный вывод: выработ-

ку остановило наводнение. Значит, здесь и был край мартьяновской выработки – тот, что оставался в разработке. В отличие от Футбольных Полей ЖБК: разработка орт которых была прекращена сознательно по достижению каждой из них определённого размера.

И значит, открытый мной зал – не часть какой-то новой Системы, но историческая часть Никит. А вот штрек, что подсекал его под странным углом — пусть и отрезанный обвально-глиняным конусом — был серьёзной заявкой на Продолжение Дальше. В Синеглазку, Редькинскую Систему, Промежуточную – что была заложена Мартьяновым в правом борту оврага, против ЖБК – или в Ебазар – кто его знает?..

– В ортовой части зала с потолка лило, как в Сумасшедшем Барабанщике. С той лишь разницей, что с прозрачно-кальцинированными, обычными струйками и каплями воды соседствовали каплепады явной железистой минералки. Правда, не газированной.

И свод в изобилии украшали грандиозные сталактиты ярко-красного, коричневого и жёлто-лимонного цвета.

: Предсказанные мне в Мокрых Галереях Цыгановым и Агафоновым за двадцать лет до этого дня. Правда, как следовало из их рассказов и топологии нашего открытия — ***с другой стороны стены, что замыкала Железный Водокап с северо-востока.***

Утвари разработчиков, кстати, тоже имелось в избытке. В отличие от следов предидущих посеттелей.

Топосъёмим открытое в полном обалдении от него. Понимая, что охры – источника минеральной водицы над нашими головами более, чем достаточно (и целые груды, горы и горищи мы видим её в “недоделанных” ортах), Зал Comandor снимаем особенно тщательно. Два раза: по центру и по периметру. Сопровождая сомнительную в этих условиях магнитную съёмку глазомерной.

Затем возвращаемся в лагерь на Футбольных Полях.

: Всё. На сегодня – хватит. Ещё ведь камералить отснятое – чтоб выявить неизбежные ошибки и переснять, пока не вернулись в город, все сомнительные места.

Обедаем под сборную кассету с Чимганской Чайханы – “Дикую Жизнь №2”. Гречка с тушёнкой на первое. Чай на второе. И манно-рыбный суп (готовлю я), так как с удивлением выясняем, что никто толком не наелся,– на третье. Затем свежий чай под “Oxygene” Ж-М-Ж.

И неизбежная камералка в моём исполнении.

С которой устаю бороться к полуночи под храп Никольского из своей палатки и Фёдора из своей.

19. 07. 99, понедельник. Просыпаюсь в 10.00. Никольский дрыхнет; Фёдор наполовину. Шурика нет. Прохора, что обещался прибыть, наблюдается “примерно столько же”.

Пока все лежат (Сашка стонет, Фёдор мрачно интересуется, какого мне не спится) записываю в дневник события вчерашнего дня. Совмещённые с некоторой топологической философией.

Планы на день: камералка, топосъёмка. Забрать снарягу из обвальной час-

ти Уё. Возможно, попробовать вскрыть Большой Обвал за Железным Водокапом.

— О! Встают…

Во время приготовления завтрака и похода Фёдора и Никольского за водой к СумБару занимаюсь под вожделенных Мищуков недоделанной вчера камералкой.

После завтрака следует поход в зал моего имени и его неизбежная пересъёмка – на этот раз планшетно-угловая. Дабы избежать вчерашних компасных глюков.[6] Естественно, по завершении оной пытаемся “в первом приближении” разобрать завал в конце зала (завал получает наименование Дорога-В-АДницу: в честь песенки Криса Ри и прочего, что ясно вытекает из данной фонемы). Я прохожу самую страшную часть с опасно нависающим недорухнувшим плитняком; после моего прохождения остатки этого плитняка занимают своё законное место метрах в трёх от конуса. Чтоб не путались под ногами. Но что дальше — полная непонятка.

Возвращаемся в лагерь; камералю отснятое, обедаем. Затем идём до Журнала: проверить, не входил-ли в Систему Шурик. Вдруг с ним по дороге что-то случилось? “И с Прохором тоже”. “И со входом”,– следует очевидное развитие мысли.

— Но нет: стоит. Как и стоял. И никаких записей в Журнале от наших орлов. “Ну и ладно.”

Возвращаемся на Футбольные Поля через Сапфир. Конечно, стоять в нём во сто крат уютней, теплее и удобней, чем на ФП — но таскаться/бегать каждый день к дальним окоёмам ЖБК…

: БРРРРР.

---

[6] Нервов, как и времени, на неё уходит, конечно, на порядок больше, чем на магнитную, и суммарная ошибка при большом числе ходов может существенно превысить ошибку при магнитной съёмке — но в нашем случае (явном месторождении железосодержащей породы над кровлей зала, причём не определимой массы и формы) ошибка предсказуемая и учитываемая при камеральной работе предпочтительней ошибки, в принципе не предсказуемой и учесть которую невозможно по определению. [Планшетно-угловая съёмка делается при помощи двух планшетов, расчерченных подобно лимбу компаса. При каждом ходе, то есть измерении, берётся угловое направление на приходящий и уходящий конец рулетки. То есть количество измерений возрастает примерно вдвое. И если магнитно-инструментальную съёмку могут вести два человека (хотя предпочтительнее трое: один ведёт обрисовку ландшафта и запись результатов измерений, один работает с компасом и один с рулеткой), то для планшетно-угловой нужно не менее трёх человек. А лучше – четыре. То, что мы умудряемся и планшетно-угловую съёмку вести иной раз силами всего двух человек, говорит лишь о геморройности нашего спелеотопосъёмочного прикола. Ну и, наверное, об определённом ‘творческом артистизме’ ходящих в Никиты. И то, и другое неизбежно следует из Топосъёмочных моностихов, приведённых в следующей главе.]

В Сапфире берём краски и кое-что из копательного инструмента.

Затем рекогносцировочно – глупо, беспощадно, злобно, бессмысленно и безрезультатно – кидаемся на завалы крайних окоёмов ЖБК (угол меж СумБаром и Футбольными Полями). Неужели “исторический проход” в сторону Ебазара закрылся “полностью и окончательно”? Самое печальное: я даже не могу найти место, где нам с Бароном в 1984 году удалось пройти заваленную тектонику почти на треть её длины. Ибо к этому месту не подойти – новый завал… Причём, судя по патине на камнях, лет ему почти столько же, сколько той нашей попытке.

Вовремя мы унесли оттуда свои шаловливо-копательные ручки… И ножки впридачу.

Если, конечно, сей завал не рукотворный — не в том смысле, что возник от нашей с Серёгой копательной деятельности, а в том, что был поставлен там для гарантии: чтоб не лезли, куда не след.

Что в Никитах такие завалы ставились – и не только по злой воле ГБ – мы теперь знаем доподлинно.

: Сами ставили, и не раз. И сильно жалели, коль закрывали “недостаточно мощно”. Уничтоженные сталактиты в Первомайском тому пример.

Ужин под “Дикую Жизнь №1”.

После Ужина неспешная беседа под ранних битлов на выше поведанные темы.

Отбой.

20. 07. 99. Вторник. Подъём в 14.00. Приходит Шурик,– по дороге его на 12 часов задержал жуткий ливень. Ехать было невозможно, дороги просто не было видно.

Из “вкусненького” Шурик принёс 0,5 C_2H_5OH. После завтрака (мои сборные с прошедшего нового года) шествуем “творчески копать” проходы из ЖБК на север, восток и запад.

: Копаем хорошо, но безрезультатно. То есть к Системе прибавляем осязаемое количество новых метров — но что до прохода в Ебазар… УВЫ.

Обед – более, чем полноценный. Под битловского “Сержанта” – специально в честь основателя грота Подкидыш, ибо наши палатки вытянулись по Футбольным Полям по обе стороны от входа в обжитую Сержантом орту.

В Подкидыше наша кухня и столовая.

После обеда мы с Шуриком, взяв краски, уходим в КРОССавицу. Подписываем названия гротов и штурмуем Тектонику, Откуда Дует. [Её называем Ветрило.] Штурмуем пробно. А потому сильно не заморачиваемся. Главное, понимаем: копать Ветрило можно. Никольский и Фёдор в это время продолжают вскрывать проход за одним из чёрных конусов, затыкающих штрек неподалёку от СумБара. Штрек идёт на северо-восток. Грот за конусом – орта; вчера мы вошли в неё, проломив первую глиняную пробку. Орта получила название МТВ – не в честь дебильного телеканала, а потому, что там сильно капает и вывалившийся блок очень походит на телевизор (даже с некой картинкой на лицевой стороне). Так что название Мокрый Телевизор приходит

само собой. Дальше, в восточном направлении идёт новый конус – вдоль которого начинают пробиваться Саша и Фёдор.

Когда мы с Шуриком приходим в раскоп их сменить – не обнаруживаем ни их самих, ни ощутимых следов работы. Гадать, куда делись, бессмысленно — “гадать = гадить”.

Если они присыпаны впереди – мы их отроем. Прочие варианты на усмотрение самих Никольского и Фёдора.

Работаем с Шуриком вдвоём. Как по маслу, пролетаем второй чёрный глиняный конус. Далее новая орта – даже, скорее, не орта — что-то мне кажется в ней *неправильным для орты* — больше походит на выход в поперечный штрек. Посаженный обвалом. Однако у половины завалов на периметре ЖБК есть верхний этаж: их взрывали изнутри (мартьяновские инженеры – чтобы остановить наводнение, шедшее через УХА в правую часть ЖБК; гэбэшные спелеоспециалисты клали своими взрывами левую часть ЖБК, чтобы отрезать Никиты от Ебазара. Впрочем, возможно, этот проход взрывали и слишком зелёные радетели пещерной чистоты: и такими были славны Никиты),– в половине случаев внутреннее обрушение кровли не затрагивало пласты над ней. Отсюда “верхние этажи” Никитской Системы.

Правда, рядом присутствует чёрный конус – свидетельство обрушения пласта практически до самой поверхности, причём по тектоническому разлому (обильный капёж подтверждает это: над нами овраг, по тому же разлому развившийся),– но конус мы уже проломили. И впереди явно не мокрый плитняк. Попытаться вскрыть который стоит хотя бы потому, что больше ничего не остаётся. < А вдруг за этим завалом – вожделенный … ?..

: “Квэзитум-фикс” нашего Пребывания. >

: Разбираем плитняковый завал снизу вверх. Суицидальное развлечение – но всё ж менее, чем аналогичная работа в чёрной глине памяти В. Шагала.

Обкапываем и выворачиваем Последнюю Мешающуюся Плиту. Отжимаем и вынимаем вверх из раскопа, напоминающего к этому времени в сечении перевёрнутую букву “П” — сто килограмм известняка… Если не больше. Вынимаю, развернувшись вверх ногами, лёжа на спине на дне раскопа – Шурик подхватывает.

: Охуительный трюк — если бы дальше там был Е…!..

После удаления этой плиты можно опустить в содеянную яму часть плитнякового свода.

А потом вынуть её – и смотреть, куда долбиться дальше. Коль вожделенный “второй этаж” не откроется от этого подвига.

Выдыхаем.

Приходят Никольский и Фёдор. Оказывается, “они заебались и ушли отдохнуть”. Окидываю взглядом следы их трудовой деятельности – и наши. И сравнивать нечего… А ведь мы ещё ковыряли Ветрило.

Естественно, ворчу: «Не вижу, где бы здесь можно было заебаться…»

Ну да ладно. Прибавили к Системе камеру размером со вполне стояночный КД и ход длиной в 3,5 метра, за которым открылся новый завал охуитель-

ных свойств и размеров,–

— знаем мы эти “завалы”. Как уже написал. Но в том-то и дело: если бы из него хотя бы дуло… Пусть не дуло,– слегка *тянуло* воздухом,– хоть туда, хоть оттуда,–

: никакой тяги.

Можно копать – можно не копать. Можно оставить “на потом”.

Возвращаемся в лагерь,– уставшие; комбезы в чёрной мокрой глине…

То, что внутри мокрых и грязных комбезов, полно “пиррового поражения”.

: СРЕДА. Не самый удачный для меня день.

Однако, спать ложимся лишь в 6.00 — ибо с 4.00 [полночь по Гринвичу] до означенного часа празднуем Ступление на Луну замечательного спелеолога, спелестолога и космонавта Н. Армстронга.

Благо, спирт есть.

И ровно столько, сколько надо для праздника.

21. 07. 99 – СРЕДА. Сон перемежается мыслями: а что дальше? Куда копать?.. Откуда???

Встаём в ~17.00 по приходу Паши[7] с толпой никитской детворы. Принесли нам свежий хлеб. Хорошо, что он их водит. Это – будущее.

Пока зреет завтрак, сражаюсь с Дневником Пребывания. Под Джетро Талл и сурдины фёдоровского модерато.

– И чего он так орёт?.. будто нельзя сказать шёпотом. Здесь ведь и так всё слышно. В прямой видимости – воистину прямая слышимость. Каждое движение, каждый оттенок Звука. А за поворот — кричи, не кричи: только бубнение.

< А главное, идиотская привычка: полагая, что я лучше услышу оттого, что он скажет не ЧЁТЧЕ, а ГРОМЧЕ — подойти и также неразборчиво проорать мне не понятую фразу в самое ухо. Причём именно в правое, контуженное отитом. Без всякой задней мысли.

А ещё – постоянные идиотские “А если…”, “Интересно…”,– и так далее. На уровне рассуждений приговорённого к смерти о том, кто к кому в политбюро как относится и кто кого ебёт. Фразы на пустом месте. Без всякой информации. Даже не трал. В трале – творчество, прикол. Отвязно-стихийная мысль.

Здесь – никакого желания подумать самому, прежде чем спросить. Или сказать что-то.

Соответственно, рвения работать физически “примерно столько же”. Придя в грот после проходки – или к месту работы (что уж совсем неприятно) – тут же садиться или ложиться отдыхать. Будто он только что сто вагонов с

[7] Паша жил в Никитском – в пещеру он пришёл со своим другом Мишей Светодиодом. Дома у Паши мы не только всегда могли найти кров (как, впрочем, и у многих других жителей села),– родители Паши и к Мише, и к нам всем относились очень по-дружески. Приезжая в Никитское на машинах зимой, мы всегда оставляем их перед их домом. С Паши началось хождение “никитской молодёжи” в пещеру – что дало нам новую генерацию замечательных никитских спелестологов.

рудой разгрузил.

: Вместо того, чтобы прежде, чем расположиться на отдых, сделать что-то. То, что делать всё равно надо – “хочешь ты того или нет”. Какая в этом выгода, я лично не понимаю. Сделай то, что обязан, без пинка и напоминания — отдыхай, сколько влезет. Никто тебе ничего не скажет. Плохого не подумает.

Ну и — забавная манера: *не есть, а жрать.*

— ладно. “Разворчался, однако”,– не иначе, как от вчерашнего трудового геморроя. И общего тупикования. В котором – что: мой персональный тупик?..

: Моя Среда,– в которую я просто теряю связь с Миром???

: НЕТ ОТВЕТА.

А потому “работаем по плану”. >

День как бы посвящается отдыху. Никаких принципиальных свершений. Завтрак “под Клячкина”,– далее хадж в Сапфир ближе к 21.00. Работы по гроту: восстановление модульного фундамента, порядок в гроте. Выход наверх с целью помойки — перед выходом в Журнальном гроте ТОЛПА летучих мышей обоих никитских видовых ориентаций. Штук 50, если не сотня. Летают в такой толчее – как не сталкиваются? Ведь каждая своим сонаром орёт, как несколько Фёдоров…

На поверхности начинается гроза.

Фёдор рекомендует “переждать”; я стою за стремительное купание. Которое и под дождём достаточно приятно. Особенно после вчерашнего героизма (кажется: не волосы на голове – сплошной шмат глины).

Выходим наверх. Шурик обнаруживает попытки взлома машины. После купания они с Никольским отгоняют её к Паше; мы с Фёдором степенно (чтоб не вспотеть в свеженадетом белье) шествуем в наш ПБЛ на Футбольных Полях. В качестве ограничения скорости по дороге “роняем плиты” и прочим образом благоустраиваем путь.

Готовим Ужин.

Приходят Никольский и Шурик. Оказывается, дождь так толком и не начался. “И летучие мыши ошибаются” – не говоря о фёдорах нашей жизни…

Ужинаем под сборную, допиваем спирт – и делаем партию в “мандавушку”. Которую выигрываю я. *Среда кончилась.*

Спать ложимся под “Хронологию” Ж-М-Ж, которую включает Шурик. На часах – 3.20 четверга.

22. 07. 99, четверг. Подъём в 14.40. Завтрак под “Собаку Павлова”.

Планы на день: попытаться расфигачить Енота – жуткое сплетение шкуродёров на северо-восточном окончании ЖБК, явно лежащем под овражной тектоникой: конус на конусе, сыпуха на сыпухе, всё до отвращения мокро и крайне изломано, узко,–

И как-то бесперспективно.

< – НЕНАВИЖУ НИКИТСКИЙ ОВРАГ!!! >

— Хотя именно в этой части ЖБК был исторический проход в Мокрые Галереи. Если, конечно, верить источникам –

причин не верить которым у меня лично нет.

Подкидыш Сержанта – орта Футбольных Полей. Край выработки в ЖБК. Остановленной, как теперь знаем мы, не случайно (оттого что начало топить Систему наводнение,– тогда бы орты были разного размера),– а по каким-то принципиальным соображениям. Нам не ведомым.

При этом дальше на север и на северо-запад добыча камня продолжалась – свидетельством чему орты Сумасшедшего Барабанщика, МТВ и Железного Водокапа: все разного размера и формы. Все – брошенные в разгар работы. Многие с оставленными деревянными скамеечками для отдыха,– на Футбольных Полях таких скамеечек не было найдено ни одной.

При этом точно также за "футбольную границу" ЖБК – минимум, на 30 метров – выступают на юго-восток орты системы УХА.[8] Безусловно, более поздней, чем ЖБК. Тащить камень из УХА в любом случае мартьяновским работягам приходилось вначале в ЖБК, а уж потом на выход. Орты УХА – столь же "недоделанные", как орты КРОССавицы.

: Какого чёрта они перестали разрабатывать прекрасный пласт прямо перед собой с прямым вывозом материала на поверхность — и полезли биться вправо и влево, будто что-то обходя???

В глиняном прослое под самым потолком орты Подкидыш естественное отверстие. Какой-то древний дренаж, теперь уже высохший. По виду естественного происхождения. Сантиметра в три-четыре диаметром, не более. А потому не посветить, не увидеть: куда выходит, что дальше,–

: ИЗ НЕГО ДУЕТ.

Подобные "сквозящие дырочки" есть и в других ортах Футбольных Полей.

Цыганов и ЮДА в один голос говорили: за тем, что мы называем Футбольными Полями, есть точно такая же система. Почти зеркальная.

– Редькинская?.. Мало вероятно. Редькинская скорее всего сомкнулась бы с УХА. И штреки УХА не выступали бы вперёд в монолит относительно Футбольных Полей.

Значит – ОН. Ебазар. Мокрые Галереи.[9]

Только соединившая ЖБК и Ебазар тектоника рухнула, и рухнули все подходы к ней. Теперь там жуткие шклевотины Енота. Как пробиться через них???

: Отправились с Шуриком в Енот на его тотальное прочёсывание. Остальные в это время штурмовали Ветрило – хотя, как следует из сделанной мной камералки, оно скорее всего выйдет обратно в ЖБК. В район Зоопарка. Так сильно загибается КРОССавица в ту сторону – почти сворачиваясь улиткой – если мы не ошиблись в топосъёмке. < Значит, придётся топосъёмить окрестности Грота На Пятерых, и УХА – тоже. >

По завершении енотолазанья прибавили к Системе около 30 м новых

---

[8] Топосъёмка, которую мы сделали на этом Пребывании, полностью подтвердила моё предположение.

[9] Кондовый идиотизм этой мысли: *как могли мартьяновские рабочие за 30 лет до создания Ебazара угадать, где его будут бить, и специально обойти это место?..*

шкурников. У ребят в Ветриле лучше: можно копать, хоть и медленно. Но там ощутимо дует, и есть микроскопическая надежда: вдруг эта щель выходит в штрек, проходящий под оврагом – и стыкующийся пусть не с Ебазаром, так с Промежуточной?

: Весь правый борт оврага, и склон холма против этого места – в провальных воронках. Рамка показывает штреки; у устья оврага – немеряные горы бута и явные порталы входов.

Тоже мартьяновская разработка. Вершилась одновременно с созданием ЖБК. Параллельно ему с другой стороны оврага — как глубоко уходит под холм, не известно. Шурф, сделанный Мичманом на месте привходового обрушения, вышел в полуприваленный штрек 20 метров длиной – и затупиковался монолитом.

Кстати: овраг тоже придётся снимать, и сводить с подземной топосъёмкой. Куча работы.

Обедаем под “Несчастный случай”. После обеда Никольский, жалуясь на здоровье, ложится спать; мы с Фёдором, исполнившись неожиданного энтузиазма, мастерим в Подкидыше недостающие сиденья вокруг стола.

Затем идём наверх.

У выхода Мичман с двумя трансами: забрасывается к нам.

Выходим на поверхность, купаемся.

— Какой же это кайф!!! Плыть на спинке под звёздным шатром в обрамлении тёмных древесных крон…

Возвращение в грот. В гроте по кружке пива и бутерброду с паштетом — и спать. Время – 6.37.

<u>23. 07. 99, пятница.</u> Просыпаемся около часа дня; встаём плавно/медленно к двум.

Планы на день: только топосъёмка. Никакого пота, никакой грязи.

Вечером ожидается приезд Херурга с Прохором. Ну и моей жены. А также Малыша – и возможно, подруги моей жены Наташи. И Рашпиля. [Бедняга уж который месяц уезжает в Штаты на новое место жительства – да никак не уедет: то одна бумажная закорючка чему-то не соответствует, то другая… А потому каждый его визит в Никиты воспринимается, как очередные проводы – этакий сериал…]

На завтрак планируется принесённая Мичманом молодая картошечка с майонезом и лучком, под…

: кстати, что? Пойду выяснять.

: Под Певзнера, вот.

А вообще день начинается обломно: когда среди ночи бегаю в туалет, “вылетает” моя запаска. Оставляя две неизрасходованные пальчиковые батарейки. “Куда их теперь вставлять?..”

Во время завтрака Мичман парафинирует свечёй мой кофе; при попытке вновь вскипятить воду выясняется: примус Никольского, выключенный перед тем Мичманом, “приказал долго жить оставшимся примусам”. < Его ведь так и попросили: – Саша, выруби примус,– и он его *вырубил*… Идиотизм содеянного, как и своеобразие мичановского юмора, не обсуждается. >

Попытки вскрытия и ремонта подтверждают летальный диагноз: разрыв иглы с одновременным забиванием ею форсунки. Планка тоже разорвана. Абзац.

“Ай, да Мичман…”

: Действительно – сукин сын.

Хорошо, что в запасе есть ещё мой “турист” и “огонёк“ Малыша (на Пребывании всего должно быть “по два, по четыре, по шесть”). Делаем новый кофе на “огоньке”; Мичман уходит на штрафные работы в Ветрило с наказом “поглядеть по дороге на серый лёссовый конус – где Малышь перекрикивалась с Никольским – свежим взглядом, и по возможности копнуть”. Ибо с одной стороны конуса — безусловно Красивость. Копать туда нет смысла. Но что с другой?..

: Мы, испив кофе под “Machine Head” Deep Purple, отправляемся “топосъёмить до обеда”.

Топосъёмим Зоолоок, Зоопарк, Бродвей, Чёртов Шкурник, Сейсмозону, Четвёртый Подъезд, Карлу Марлу и выход на поверхность; далее кидаем нитку хода со всеми, тщательно измеренными перепадами высот, до вскрытого Мичманом входа в первый штрек Промежуточной – Лагуну.

В завершение подвига берём азимуД на овраг и любуемся фантастическим закатным небом – гуашь, розовая лазурная акварель, пастельный аквамарин.

Подходим к бывшему входу Эгипед[10] – глянуть, что нового навоевал Аспирин. Побожившийся его вскрыть “в одиночку за считанные выходные”,–

: нового ничего. И слава Двуликой – было бы не комильфо узреть столь прекрасно-красивым вечером полуразложившиеся ноги Аспирина, торчащие из-под недельного завала…

– Ладно. Пора вниз. Пребывание продолжается.

Возвращаемся в грот – ни Мичмана, ни следов его возвращения из Ветрила. Что делать?

Снимаю свитер, бегу к Ветрилу. Если через 10 минут не возвращаюсь — Никольский шурует за мной с аптечкой.

У водокапной развилки в Красивости канистра с водой. < Грамотно: водой лучше заправляться перед работой – чем, уставшему, ползти за ней после. > Малышь, Первый Перекур,– в Ветриле следы *просто охрененной* работы,– Мичмана нет. Однако слева у лёссового конуса – свет. Кричу туда.

“Нет ответа”.

Ползу. Плекс. Пробитый *по периметру снизу* конус (ни разу под землёй я такого дива не видел!); вниз уходит двухметровый, если не глубже, колодец. Вскрытая трещина вертикального расслоения.

Ныряю вниз – грот. Ходы. Шкурники. Залы. В ТРИ ЭТАЖА. Меж плит и циклопических фрагментов породы.

Пейзаж сильно напоминает Большой Каньон после съёмок финального разрушения всего и вся в кинофильме “Золото Маккены”.

---

[10] Пал по весне от зимнего раскола плит потолка замёрзшей влагой и весеннего потока жидкой грязи со склона.

Мичман, выныривая из шкуродёра в конце этого исполинского циклопника, гордо заявляет мне, что назвал это место Большой Каньон. Памятуя об исторических корнях мичмановского ника, сразу переназываем это место в Большой Гальюн. “Ибо ехидный Вилков сегодня же вечером всё равно это сделает.”

Тем более, что как глянешь на эти навороты – машинально возникает желание покакать. И как можно быстрее.

– Хватит вкалывать, пошли в грот. Завтра будем здесь всё осматривать, расширять и топосъёмить. А сейчас – есть и встречать гостей.

: Забавно, как утренний виновник становится “виновником торжества”. Ведь именно в этом направлении бились из Красивости Никольский и Фёдор — а удалось…

«Свежий взгляд»,– ставит вердикт Федор.

И традиционное: никогда не стоит брезговать покопать всё, что можно покопать. Даже если на первый взгляд в этом нет ни логики, ни смысла.

Праздничный Ужин – рис, рыба, майонез, салат из редьки, зелёный лук, укроп, петрушка — и два литра моего Домашнего Пива. Вполне отстоялось в оптимальных для дозревания никитских условиях после транспортировки по шкуродёрам Сейсмозоны.

К Ужину – Битлз. “Белый альбом”, часть первая.

Что никто из обещанных гостей не явился – ни один из нас не жалеет.

И так всё славно/здорово.

: Усилиями Мичмана — хоть какой-то прорыв.

Причём пока не затупиковавшийся.

И отчего-то совсем не хочется прихода “гостей”…

24. 07. 99, суббота. Просыпаюсь окончательно в 11.00. В палатке Мичмана горит свет,– бедняга так наломался вчера в КРОССавице, что не нашёл сил вырубить коногон. “Так и без света остаться не долго”,–

Выползаю из спальника, из палатки,– выключаю мичмановский коногон,— раз уж соизволил вылезти, навещаю сортир. После чего совершаю все свои действия в обратном порядке (исключая касание мичмановского органа света) и заполняю Дневник. Остро не хочется, чтобы припоздавшие гости нагрянули прямо сейчас. Пусть уж – коль суждено – их принесёт нелёгкая ближе к вечеру. А сейчас хочется откушать блинчиков. < Жену, конечно, хочется больше блинчиков,– паче чаяния, утром — но то, что мы больше всего, как правило, ценим в наших жёнах,– особенно на Пребываниях — уместно лишь вечером-ночью. А не на глазах и в соответствующей акустической близости дающей советы толпы.

В идеале сегодняшний день представляется так:

Аня приходит с Малышом и подругой; Прохор приносит транс изысканной жратвы (в спелестологии вполне допустимо такое словосочетание) и ящик потрясающего бухла (тем более) – и, оставив всё это у Чёртового Шкурника с нашей стороны, уходит. Ибо какие-то срочно-важные дела – скажем, Вилков, притащивший на выход пару прекрасных, но шугающихся пещер чайниц, одну

для себя, другую для Прохора — не позволяют ему дойти до нашего лагеря на Футбольных Полях. Далее я с Малышом и Аней топосъёмю – Фёдор, Никольский и Мичман копают. При этом каждый занимается тем, что у него получается лучше: Никольский руководит, Мичман копает, Фёдор отдыхает за всех.

Подруга печёт блины.

Затем я – согласен и в одиночку, и с дамами – перетаскиваю презенты Прохора до грота. И следует ПРОСТО РОСКОШНЫЙ СПЕЛЕОПРАЗДНИК — *потому что Никольский, Мичман и Фёдор* (не всё ж мне одному открывать?.. Явно не всё) ***пробились в Ебазар…***

На худой конец – в Мичманскую Промежность. То есть в Промежуточную Лагуну.

: Это оптимистический вариант.

В противном случае —

— Прохор, пропихивая бухло и жрач (просто бухло и просто жрач) через Чёртов Шкурник, принимает немерено и засыпает в оном. Практически невытаскиваемо, потому что это – ПРОХОР. Шустрый Вилков (шустрость которого в Никитах известна не менее, чем ехидство) облетает препятствие через Сапфир и Ирукан, выпивает и съедает всё, что может съесть и выпить (что не съедает – понадкушивает) и засыпает в Гульбарии поперёк стола. Как ударник Джимми Хендрикса на утреннем выступлении в Вудстоке лежал поперёк своей ударной установки.

Трансы моей супруги и её подруги разрываются при транспортировке их по Сейсмозоне (Сейсмозона и не такое вытворяет с оказавшимися в ней предметами),– приходится собирать всё потерянное и перетаскивать на Футбольные Поля через Сапфир и Ирукан. В обход тампонированного на десяток колов времени Чёртового.

Ни на топосъёмку, ни на копание времени не остаётся. Все устали и вымотались. Но желание оторваться и откушать блинчиков побеждает всё,– переодеваемся в цивильно-праздничную одежду, накрываем В Высшей Возможной Степени Праздничный Стол,– я включаю наиболее подходящую моменту Прекрасную Музыку —

– подруга моей жены начинает печь Вожделенные Блинчики,–

...как тут у неё взрывается примус и начинается метеорная клаустрофобия,– а на Футбольные Поля хрен-знает-откуда вываливается орда пионеров: самого акустически убойного возраста, штук 40… >

: В сравнении с этим самоличное приготовление блинчиков на завтрак в отсутствии гостей представляется крайне радужным вариантом. А потому встаю и, пока не нагрянули гости, начинаю готовить. Не сразу, конечно – ибо что-то подсказывает мне, что пара колов времени у нас точно есть — а после первого “тренировочного завтрака‘: селёдочка с лучком, молодая картошечка, моё домашнее пиво. И Битлз – второй диск “белого альбома” без “Революции №9”, дописанный битловской стороной “жёлтой подводной лодки”.

Под приготовление блинов в гроте разыгрывается ураганная по количеству

жертв со всех играющих сторон партия в “мандавушку”. Временами на поле то нет вообще ни одной шашки – то плохо видно свободные клетки. Не доска, а тест Роршаха.

Едва блины готовы (и мы с Никольским просто чудовищным усилием почти выигрываем у Мичмана с Фёдором), появляются Первые Гости: Малышь, Аспирин (живой и целый, потому как временно раздумал ковыряться в Эгипте) с подругой и Женя-Эхолокатор. Гости привносят десятилетний дагестанский коньяк. Кизлярского розлива. 0,5 л.

Едим/пьём,– под Шульца. “Коньячные блины”, да с хорошим сыром и лимонным вареньем — м-да…

Новости дня: на поверхности Рашпиль с семейством; с ними Прохор с Вилковым. Встали на скальнике вместо того, чтобы прийти сюда. В двух километрах от Системы. < Может, оно и лучше?.. Бо шуму от семейства Рашпилей обычно…

: Нам тут и Фёдора хватает – выше крыши. А теперь ещё и Мичман. По громкости с Фёдором вполне сопоставимый. По интеллекту и сравнивать нечего — зато копает, как сотня Фёдоров. А то и тысяча. >

Признаков моей жены ровно столько же, как и её подруги.

Малышь сообщает Никольскому, что тому срочно нужно в город. Никольский собирается и уходит. В сопровождении Аспирина и к^{o}.

Мичман, Фёдор и Малышь отправляются копать Ветрило и разбираться с Большим Гальюном.

Я сажусь за камералку. Для облегченья восприятия неизбежных нестыковочных моментов выпиваю ещё коньяка; ставлю “Эквинокс” Жана-Мишеля.

Камералю под Жаре. Стараясь не думать об отсутствующей супруге.

Приходит Светодиод, приносит хлеб. Светодиод вооружён фотоаппаратом – а потому оставляю на столе всё, как есть – иду показывать то, что отрыли.

: Фотосъёмим КРОССавицу и работающих в Ветриле. Спускаемся в Б. Гальюн. Пока Миша фотографирует его чемоданы, изучаю/раскапываю несколько перспективных шкуродёров. Ухожу за циклопический завал примерно на 4 метра вдоль бывшей левой стены штрека. В принципе, можно идти и дальше – но что-то зовёт в лагерь.

– Возвращаемся. В лагере *толпа Хозяев.* Принесли аж 0,5 л водки (и больше ничего. Будто у нас тут фонтан изобилия хлещет),– врубили плэер, допили коньяк — сидят. Радуются жизни под Шаова.

Будто на экскурсию в зоопарк прибыли.

Одна радость – пришла Аня. С полным трансом всего. Но рюкзак подруги, за отсутствием транса, остался в КД. < Сколько заранее ни представляй – реальность завсегда превзойдёт самые жуткие о ней домыслы. >

: Беру пустой транс, лечу в КД. Провожает Светодиод, идущий на выход.

В КД перекладываю в транс вещи подруги; тащу в грот. Чёртов Шкурник забирает привычную дань – порцию хорошо темперированного мата.

У ходящих в Никиты его название уже давно не персонифицируется с Гришей – все полагают, что оно точно отражает его пропускные свойства.

Прохор и Вилков, усовестившись, всё-таки уходят копать. Уже лучше.

Делаем перекус для первой смены копателей; Рашпиль принуждается к гитаре.

: Хоть что-то.

– Поёт. Чуть пьём.

Возвращаются ‘геморрои копательного труда’: выбились в результате своего подвига из Большого Гальюна под Сель. То есть обратно в ЖБК. Теперь в КРОССавицу два входа — “а оно нам надо?..”

Меня утешают: новый вход таков, что не каждый его осилит. А для точной топографической привязки кольцевой маршрут – первое дело.

: Сам знаю. Нет худа без добра — как и наоборот.

Веду Рашпиля, Аню и её подругу в Железный Водокап. Прохор и Вилков с Мичманом остаются работать по правому завалу в Гальюне; мы возвращаемся через новую сбойку КРОССавицы с ЖБК (названную в честь первопроходчика Вилы). По дороге расширяя и одновременно укрепляя её — ибо в этих обвалоопасных шкуродёрах нам ещё топосъёмить и топосъёмить…

: Гитара. Водовка. Песни. С видом на красивый пейзаж подземного палаточного лагеря.

Приходят/возвращаются все остальные.

Допиваем, трендим.

И вожделенно ложимся спать.

Во всех истосковавшихся смыслах. С радостно-светлым ехидством напоследок: тем, кто стоит наверху, до своих спальников и подруг ещё ползти и ползти,– а затем идти и идти…

Возможно даже – под дождём. А что? Судя по поведанной погоде – вполне возможно. Да.

25. 07. 99, воскресенье. Утро. У моей палатки – источник моего домашнего пива и картофельной соломки. Зачитываю кое-что из своих последних приколов,– в основном написанных здесь, во время этого Пребывания.

: Народ внимает с одобреньем – соломке, пиву и стихам.

Завтрак (по времени поверхности – ужин) делают девчёнки.

Затем провожаем их на выход и топосъёмим овраг. Тальвег и склоны.

Приятного в топосъёмке крапивно-черёмуховых буреломов мало.

Но приходится.

Возвращаемся в грот. Усталость от всего. Недосып. (О коем мечталось…)

— СПАТЬ!!!

26. 07. 99, понедельник/вторник. “Наше утро = вечер поверхности”. Мичман уезжает в город; одновременно приходит Кис-Кисыч. Только что вернувшийся из очередной предвыборной командировки в Иркутск.[11] А потому

[11] Кисыч профессиональный политолог; живёт в Домодедово. Причём недалеко от вокзала – что крайне удобно как ему для визитов в Никиты, так и нам для визитов к нему. В Никиты впервые пришёл в славной компании с Серёжей Лещиной и Сашей Барканом. И с тех пор не прерывает своего общения с Нашей Любимой Пещерой.

угощает нас сибирским пивом “на пантах”.

Завтрак. Две партии в “мандавушку”. Топосъёмка “хвостов” и свежевскрытого. В Первом Перекуре начинает рождаться песенка – точнее, очередная спелеопеределка – с поистине фаталическим началом:

Вечная ночь —
Здесь не в силах чичаке помочь
Ни одна капитанская дочь,
Ни спасатель проворный…

: воспитательное значение будущего шлягера года самоочевидно.

По возвращении в грот следует перекус. Затем ещё две партии в “мандавушку”. Одна разыгрывается под “Вояджер” Олдфилда, вторая под мою запись Коли Якимова, сделанную во время работы на “Радио АЛА”.

Светлое и радостное чувство: всё так хорошо, так уютно, спокойно и радостно… И старые записи вызывают не ‘тоску по ностальгии’ – светлое и радостное ощущение Времени.

В 5.30 Кисыч уходит домой; мы ложимся спать.

27. 07. 99, вторник/среда. С утра (то есть где-то в шестом часу вечера по поверхности) приезжает Мичман. Фёдор не находит в себе сил встать и заняться ремонтом своей развалившейся обуви – “на фига она мне невыспавшемуся?” – бурчит он в ответ на наши потуги разбудить его (сам же просил накануне!),– и спит ещё около трёх часов. К девяти, однако, встаёт.

Завтрак варганит Малышь (гречка с тушёнкой, и получается на диво вкусно) в сопровождении Л. Коэна. После завтрака Малышь и Мичман уходят копать Дорогу в АДницу; мы с Федором остаёмся в гроте. Я камералю снятое намедни, Фёдор чинит ботинки.

В удивительно-спокойной тишине.

Обедужин (макароны с тушкой + приправы) делаю я – Федор, испытывая починенную обувь, идёт за Малышом и Мичманом.

Обедужинаем; Малышь и Мичман жалуются, что мёрзнут в раскопе. То-ли там сильно дует, то-ли вяло работают. То-ли и то и другое, вместе взятое – сколько людей, столько версий.

После ужина Мичман, жалуясь на усталость и на наш “временной сдвиг”, ложится спать; вскоре Фёдор следует за ним.

Мы с Малышом камералим под Медведенко и Треггера. То есть я камералю, Малышь обучается.

Результаты работы весьма интересны: например, подтверждается “трилистниковое разветвление ходов” ЖБК в районе Зоопарка, что я обнаружил ещё во время своей съёмки в 1996 году; также становится ясно, что из Ветрила можно пробиться в сторону Грота На Пятерых, а в Ебазар — лишь пробивая монолит в Железном Водокапе или в одной из орт Футбольных Полей. Или вынимая из Енота всю заполнившую его обломочную породу. На самый крайняк — из Дороги в АДницу (что представляется мне не более лёгким).

По завершению разглядывания карты – то есть первого, чернового её варианта – в 6.30 ложимся спать.

28. 07. 99, среда/четверг. Подъём в 18.00. Делаю завтрак в компании Мичмана и Фёдора,– Малышь спит: устала после непривычной для астронома бессонной ночи. Завтракаем в сопровождении Криса Ри (в качестве сравнения/сопоставления с вчерашним вариантом ‘от Коэна’). Завтрак на диво хорош,– вообще такой контраст против Пребываний начала девяностых… Буквально во всём: еда, Звук, наша подземная снаряга, свет и прочее — одних компакт-дисков и кассет на две недели взято около сотни; сидюк дублирует кассетный плэер. И акомного запаса энергии столько, что можно не экономить. Опять же: все приправы, что хочет Господин Взыскующий Вкус – присутствуют; свежая зелень – каждый день; рыба (уже без надобности называть сорта, поскольку слюноотделение данные слова пару лет, как не вызывают),– тушёнка, сыры, колбасы, паштеты — *впереди ясно светит Пребывание с переносными компьютерами размером не более кейса,– не сбиваемые никакой охрой гирокомпасы, лазерные рулетки и угломеры – компьютерная топография! – и цифровая обработка информации, поступающей с датчиков физиологической параметрии — тут же в гроте, по месту Пребывания…*

: Новые сверхёмкие металл-гидритные аккумуляторы. Практически вечные светодиоды вместо неэкономичных и хлипких лампёшек накаливания. Газовые горелки и петромаксы, видеокамеры и цифровые фотоаппараты (англичане хвастаются в ‘нете’: *удалось осуществить устойчивую радиосвязь на 200 км между группами, находящимися в разных пещерах…*) —

: только бы не сорвалось. Только бы власть чего-нибудь не удумала, не оттопырила, не учудила…

Мичман уходит раскапывать/расширять шкурник вдоль правой стены Большого Гальюна; мы на топосъёмку Енота. Корячимся по его мокрым шклевотинам часа три.

Затем контрольно переснимаем кольцо ФП – Стометровка – Зоопарк – Зоолок – ФП.

Ибо камералка не сошлась в районе Зоопарка почти на десять метров. < Ошибку находим меж Зоопарком и Зоолоком. >

Возвращаемся в грот; делаем чай. Бутерброды с паштетом и зеленью. Фёдор идёт за Мичманом.

Ленч проходит под Блэк Сабат ’76 и Лед Зеппелин ’73.

: В полный отрыв.

После него народ уходит за обещанным нам никитскими ребятишками хабаром (обещали поднести к Журналу); я остаюсь камералить снятое и переснятое.

Повторная камералка переснятых участков исправляет несколько ошибок (в том числе самое большое расхождение контрольного кольца), но ставит новые вопросы. Очевидно, в некоторых участках ЖБК охра существенно влияет на компас.

Что ж: коль будет нужно, по-новой переснимем и контрольное кольцо, и весь Бродвей. Пересняли ведь Железный Водокап и зал Имени Меня три раза?

И не развалились.

Радует мысль: как славно, что камералку я делаю тут же, по месту съёмки. В режиме Пребывания – а не воскресных выходов/наскоков: полдня тащишь туда/обратно трансы, полдня отходишь от города и въезжаешь в Систему (за столь краткое время въехать в неё по определению невозможно – но об этом лучше не думать),– час корячишься шкуродёрами до места работы, час ползёшь после до грота…

– и сколько остаётся на Работу? НИСКОЛЬКО.

В городе камералишь – и видишь ошибку. Переснять этот ход сможешь только через неделю. А то и две. При этом: зрительная память,– понимание пройденного маршрута,– держатся в тебе день-два, не более. То есть те самые дни, когда ты в городе до вожделенной камералки по определению добраться не можешь: надо разобрать, помыть и очистить снарягу, и работа занимает твоё время и мозги не менее, чем отложенные на “потом, после выезда” домашние дела.

А потому умозрительные попытки исправить в городе обнаруженную кривизну камералки ближе к фантастике – чем к реальным результатам топосъёмочной работы. При соединнии с “умозрительно исправленным” вариантом данных следующего рабочего выезда (даже если они идеально-точны) запульсирует ЛАЖА. И либо ты соглашаешься с ней, и продолжаешь своё фантастическое рисование — либо возвращаешься, и переснимаешь одни и те же маршруты снова и снова.

— СКОЛЬКО ЛЕТ В ТАКОМ РЕЖИМЕ ПОНАДОБИТСЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ АДЕКВАТНОЙ КАРТЫ НИКИТ???

: ВЕЧНОСТЬ.

– ЕСЛИ НЕ ДВЕ.

Потому, если некто скажет вам, что он полностью и адекватно оттопосъёмил Никиты, да ещё не в режиме постоянного пребывания, а наскоками-выездами — можете смело послать его на хуй.

: Никиты – это вам не Сьяны. Тут одних шкуродёристых лабиринтов километров на десять. И столько же более просторных ходов,– что, конечно, снимать на порядок быстрее и легче – да вот беда: кабы не охра…

Под эти мысли готовлю ужин – полный котелок риса, остатки зелени. Рыбу. Народа всё нет. Отслушал во время камералки Терскол’66, Флойд’73; ставлю “Вишь ю…” – на средине альбома появляются, сгибаясь от тяжести трансов. Спрашивается: и как нам всё это съесть за оставшиеся 2,5 дня???

Ужинаем под Поля Маккартни ’74; ложимся в 8.00.

29. 07. 99, четверг/пятница. Встаю около 15 часов – на время не смотрю, потому что во сне посетила моностиховая родственница музы, и это нужно срочно записать. Пока звучит в голове.

На завтрак молодая картошка в мундире; к ней зелень, салат из морковки с редькой и тушка. А также Пёрпл’71. Который (которых), не взирая на катахрезу – а быть может, благодаря ей – сменяет Туриянский.

: Ясное дело, беседа вьётся вокруг Куваева и Тура.

После завтрака – топосъёмка: все хвосты и огрехи прежних маршрутов. В процессе работы наступает странное помрачение – я путаюсь на знакомых местах, пропускаю ходы и теряю пикеты… Какой-то кошмар. Морок. Примерно, как на Пребывании'85.

Тем не менее, замыкаем нужные кольца и переснимаем всё, что было запланировано переснять. Ценой просто кошмарных усилий.

Возвращаемся в лагерь одновременно с Мичманом.

Он копал Жупел – шкуродёр вдоль правой стены штрека, продолжения Большого Г.,– там сильная тяга, пламя свечи практически ложится на бок.

Показываю Саше камералку и объясняю, что этот ход, скорее всего, сольётся с Ветрилом. У самого Грота На Пятерых – там, где в сторону Уё и его топологического продолжения – зала "имени меня" – от Зоопарка отходят следы шпал. То есть это был откатной штрек, ясно читаемый на карте. По той же карте хорошо видно: зал "имени меня" – прямое продолжение зоопарковского "откатника". Есть смысл делать их новую сбойку? КРОССавица и так сбита с ЖБК в двух точках.

Однако: Мичману невозможно что-либо доказать. Упёрто твердит: «копать надо потому, что именно так Я прорвался в Большой Гальюн!»

Объясняю медленно и два раза подряд: в чём разница того и другого случая. Потому что в первом был "отложенный на потом" не столь опасный для вскрытия конус; куда могла привести его правая часть – неизвестно. Оттого и указали "посмотреть и копнуть".

Попутно объясняю Саше, что местоимение "Я", да ещё с нажимом, при такого рода подвиге этически недопустимо. Ибо не скажи мы ему в приказном порядке осмотреть этот конус и не пробей к нему предидущей дороги — о чём говорить?.. К полной моей оторопи, Саша упрямо заявляет: «НО ВСКРЫЛ-ТАКИ **Я!!!»**

: понимая, что об этике говорить "по техническим причинам" поздно, возвращаюсь к главному вопросу – ибо во втором случае, благодаря дважды проведённой топосъёмке, хорошо видно: что и куда выйдет.

В ответ на это: «А ВДРУГ???»

"Вдруг" там может быть лишь в борт оврага. В случае откровенно мистической удачи. После 20 метров сулящей суицид обвальной отслоёнки.

Это рассуждение следует туда же, куда прочие. А потому прекращаю спорить.

Забираем из КРОССавицы инструмент и закрываем её. В оставшиеся дни нужно заниматься только Енотом – и топосъёмкой правой части ЖБК. И УХА. Если успеем.

Пышно обедаем – гречка, тушёнка, зелень. Затем – Клаудерман, Папетти, блины и партия в "мандавушку".

На Фёдора находит новый прикол – выводит на поле всего одну мандавушку и никуда её не двигает. Просто стоит и ждёт, когда кто его съест. Или кого получится съесть у него. И всё. При этом весьма удачно заранее объявля-

ет, сколько точек у кого когда выпадет на кубике.

: Человека “пробила Подземля”,– это видно не вооружённым эниологией взглядом,– но зачем же обламывать всем Игру?..

Лучше бы походил, посмотрел – где перспективнее войти в Ебазар.

Чем заниматься от счастья обретения телекинеза (или прогностики) мелкими пакостями.

: По единодушному решению прочих присутствующих в гроте Фёдор пожизненно лишается права играть в “мандавушку”.

У нас на каждого экстрасенса найдётся хороший лом.

Чтоб отомстить Фёдору, играем просто фантастическую партию: нас трое – вместо четвёртого игрока некий виртуальный партнёр. Каждый по очереди кидает кубик за него, представляя себе Образ Системы. Как он его видит, как чувствует.

И ЭТОТ ОБРАЗ ВЫИГРЫВАЕТ У ВСЕХ НАС.

Около восьми утра ложимся спать; Мичман уезжает в город. Совсем.

По его отъезду все непроизвольно выдыхают – что поделать, Пребывание часто ставит “точки над е”. Как копатель, он безусловно хорош. Прочее вызывает постоянный диссонанс с нами со всеми. Особенно в области ВНД – интеллектуальная скудность которой у Мичмана с лихвой компенсируется просто дубовой упёртостью. Но даже чтоб “тупо копать” – нужно немерено думать.

И ещё думать.

И ещё.

И до, и во время, и после копания.

Тут даже Фёдор с его страстью к отдыху и игровым приколам много ближе.

Хотя тоже, конечно, не комильфо. Вряд-ли я с ним ещё хоть раз в жизни соглашусь на пребывание под землёй.

А вот с Малышом, Никольским, Шуриком, Светодиодом и Кисычем — сколько угодно. Хоть на пожизненный срок.

30. 07. 99, пятница/суббота/воскресенье. Просыпаюсь в 16.30,– и больше не могу уснуть. В голове мешанина из музыкальных кусков, фрагментов, каких-то строф, мыслей – где копали, где не копали, что снимали, что не снимали,– вперемежку Шаов и Ледзеплы, Визбор и Юрай Хип, строки из Венечки Ерофеева и моих “Робинзонов”, Юза – и “Эпитафии”.

Тут же – мечты, планы на будущее – и какие-то картинки/эпизоды из прошлого…

Выхватывается пара словно продиктованных строф – хватаю рабочую тетрадь, записываю.

Глаза тут же полуслипаются. Но так и не засыпаю. Сон – не сон; явь – не явь. Тысячи голосов сразу и тысячи музык — со всех сторон вперехлёст.

– Имеет-ли это отношение к моему “полувыпадению из Системы” при давешней пересъёмке?.. И что это, кстати, было за “выпадение”?..

А к пробитию Фёдора на экстрасенсорный дар это отношение имеет?

: Мы с ним единственные в нашей компании, кто провёл под землёй более двух недель. Правда, с выходами на поверхность. С тремя у каждого, один выход от силы на час – один на полтора часа и один часа на три. Или четыре.

— Впрочем, сроки и выходы наверх ни при чём. Выходы были слишком незначительны, от Системы на реальный срок никто из нас не отрывался. Ходили по-над ней, в мыслях только о ней. Города не касались. Ритмов его тоже.

И срок Пребывания в две недели – херня. Знаю это по собственному опыту. Коль за три месяца Пребывания со мной ничего не случилось,– и за месяц уринотерапии… Здесь же, в Никитах. В Сапфире.

Наверное, дело в перевозбуждённости. В излишнем эмоциональном напряжении – как и физическом – этих двух недель. А что под землёй “на раз” можно размазаться не то, что по своему же неокортексу — по всему Миру — знаю уже наверняка.

: исчезнув в одной точке пещеры, мгновенно появиться в другой,–

: были случаи. Вопросов в достоверности не вызывающие,– причём не только одиночные.

… Общий подъём следует в 20.15. В город никому не хочется — но “надо, Федя, надо”.

Лично мне больше всего на свете хочется лечь спать – снова закутаться в спальник – и сутки, двое, трое — лежать, лежать, лежать… Читать и спать. Спать и читать.

Затем писать.

Не то, что писал о Подземле и Космосе раньше — иное. Строго документальное.

: Перерос свои наивные аллитерации былого спелеобытия? Появилось, что сказать самому – личное, очувствованное и пережитое совсем иначе,– новое понимание Подземли, не сопоставимое с прежним?

: Новое не только для меня самого — принципиально новое. О чём не говорил и не писал ещё никто до меня. Из касающихся нашего подземного мира.

– Кажется, да. И сказать об этом, по-видимому, дано только мне. Вне зависимости от столь банальных результатов нашей физической спелестологии, как вскрытие каких-то продолжений подземных лабиринтов и их топосъёмки…

Определился: **страшно не хочется выходить на поверхность.** Мысль закольцовывается — желание остаться здесь (перейдя при этом в любимый Сапфир, Обитаемый Остров моей судьбы), чтобы Пребывание перешло в незримо-тихое, незаметное Подземное Откровение, дающее понимание Мира и Слово — это желание перевешивает всё прочее.

Фёдор что-то бубнит/напевает,– отвратительно-радостно так… < Отвратительно потому, что нет слуха – а не потому, что мне это отвратительно. Мне даже приятно слышать, что он поёт. Впервые у него такое проявление внутреннего настроя. >

Завтрак – как обычно, роскошный.

После завтрака топосъёмим дорогу от Стометровки (которая после тщательной пересъёмки “съёжилась” до 65 метров) до Сапфира. Через Ирукан. Она была уже отснята мной в 1996 году – значит, третий раз переснимать не придётся.

Попутно относим в Сапфир весь камнебойный и глинокопательный инструмент.

Это движение словно вычёркивает нечто из каждого,– как в финале “Зоолока” выключаются инструменты, и выключается, звук за звуком, Музыка.

Отнесли ломы и лопаты – “щёлк” – выключили “копательную часть” Пребывания.

Ленч-перекус. С тем же успехом называемый нами файф-о-клоком. Чай, бутерброды, зелень. Музыка – спокойная, тихая. Сорок минут мягкой гитары Гойи; сорок минут Юрия Иосифовича.

Затем топосъёмим линию Острова Сокровищ. И Дубль-стометровку, замыкая ещё одно кольцо по совершенно жутким, нехоженым шклевотинам. Хорошо, что сухим.

: Камералить эти последние маршруты буду уже дома. < А хочется – истошно хочется! – ЗДЕСЬ. >

Обед: жареная картошка. Сайра. Салаты. Зелень. Последняя бутылка моего марочного домашнего тёмного пива. На плэере звучит Окуджава. Затем сборная семидесятых годов.

Прибираемся в лагере. Распределяем остающиеся продукты: что не портится, нужно отнести в Сапфир. Ещё один “щёлк”.

Встаёт вопрос: ложиться спать – ибо на земле уже утро – или “до упора” топосъёмить УХА.

Единогласно постановляем: использовать последние часы Пребывания для сна – нонсенс.

Отправляемся на топосъёмку.

Топосъёмим УХА. Замыкаем три кольца общей длиной где-то около 500 м. Много это – или мало? По кораллитовым плитам, что распускают/полосуют комбез на ленточки,– по шкурникам, половина из которых настолько не топтана, что ловля “гостинцев от свода” становится привычным делом,– по гротам, проходы в которые открываются только после кантования (и квантования вручную, без инструмента) недоброго звания булыганов,—

— по нашей усталости, в общем,–

На мерной ленте уже просто не разобрать делений. Практически ровный слой грязи.

За гранью усталости возвращаемся в лагерь на Футбольных Полях.

“Ещё один обед”. Фоном ставлю Марека-и-Вячека — дабы отогнать усталость и сон. Выдаю каждому (себе в том числе) двойную порцию ‘кока’. УХА вымотала, высосала последние остатки сил – но нужно перетащить оставляемые продукты в Сапфир…

: Многие орты УХА – столь же “недоделанные”, как орты КРОССавицы. Ещё одно подтверждение нашего общего мнения — Мартьянов остановил разработку ЖБК по каким-то, нам не ведомым, принципиальным соображени-

ям. И повёл дальнейшую разработку камня справа и слева от Футбольных Полей – фронтира ЖБК. Хотя технически и экономически это было менее выгодным шагом, чем продолжать двигать линию разработки от Футбольных Полей дальше – вперёд, вглубь массива.

: После обеда перетаскиваем в Сапфир – “щёлк, щёлк” – базовый запас продуктов и консервов. Подземная кухня – примуса, бензин, каны.

Группы выемки во главе с Шуриком Карякиным всё нет.

В УХА, кстати, крутилось, несмотря на ночь, просто огромное количество летучих мышей. Что они делали там: в то время, когда им полагалось охотиться наверху?.. Почему не летели на выход?..

Приходим к общему мнению: на поверхности – полный метеорологический банзай. Тайфун, цунами. Потому и нет группы выемки. [Оказались правы на 100 %.]

— Но как эти мыши чувствуют непогоду наверху – за несколько километров лабиринта? Ведь даже не летели на выход…

: Колебания влажности под землёй крайне ничтожны. Как и температуры. Уже на расстоянии в 200 м от входа,– по крайней мере в лабиринтах типа Никитского. И от колебаний атмосферной влажности точно не зависят.

“Щёлк, щёлк” – выключается звуковой комплекс, с честью выдержавший двухнедельное испытание высокой влажностью Футбольных Полей. Складываются в специальные защитные коробки кассеты, диски, плэера, усилитель, рем-набор и прочее. Колонки пакуются в отдельный кофр.

“Шёлк. Щёлк. Щёлк” – снимаются наши палатки. И Футбольные Поля разом пустеют. Будто кто-то вычёркивает нас оттуда.

– А как славно/сказочно выглядел наш лагерь с десятью светящимися изнутри разноцветными капроновыми домиками во время экспедиции посещения!..

“Щёлк, щёлк, щёлк”. Собраны “выходные трансы”.

И всеобщая печаль повисает в гроте.

– Пошли что-ль, в сторону выхода,– предлагает Фёдор. – Ну просто невозможно здесь сидеть, оставаться…

: Пошли. Что нам – вес наших шмотников? < Одних аккумуляторов килограмм на двадцать… > Челночными переносками в широких местах – и передавая по “никитской цепочке” с рук на руки в узких, следуем к выходу из ЖБК: Чёртовому Шкурнику.

Распределившись в его узкой клоаке – Малышь у входа, на подаче,– ещё в ЖБК,– Фёдор перед выходом из первой верхней трубы; я ниже, в Аляске — протягиваем имущество. Затем на такт смещаемся вперёд.

Я уже в Старой системе. На приёме.

: Выходим из ЖБК.

Опустошение — на грани нервного срыва.

Большой водокап, Че-Гевары.

Поворот на Райские Сады. В Сейсмозону.

У меня из-за пазухи начинает валить белый дым. Вначале не понимаю: что за дым, откуда этот волок — потом чувствую некий перегрев,– распахиваю комбез и вынимаю аккумуляторный блок. Очень горячий.

: дымится он. ‘Коза’ в проводах – непонятно, где,–

— “Система не отпускает”: обычное дело, да,–

: ножом обрезаю плавящиеся и дымящиеся провода. Отсюда до выхода я могу и без света. К тому же у Фёдора и Малыша он вполне работает — хватит их сполохов сзади.

В Райских Садах – традиционное место перекура, отдыха. А потому поудобнее располагаемся на трансах.

Я выкуриваю сигарету. Уходить не хочется.

– В принципе, даже если группа выемки по какой-то причине не приехала – можно в ожидании их выкупаться в Рожайке. Постирать одежду. Трансы. И вообще: продуктов у нас ещё полно. Палатки при себе — что нам отсутствие группы обеспечения? Поставим лагерь. Запалим костерок… < Уговариваю сам себя оторвать жопу от транса. >

При словах о костерке Фёдор чуть не кричит: – Не томи душу! По коням!!!

— И тут на нас со стороны выхода начинает сыпаться группа обеспечения.

– А на поверхности, ребята, всю ночь и полдня *такое творилось* — вы себе не представляете! Но теперь у нас классный лагерь в березнячке на рашпилевской стоянке, костёр полыхает, как вулкан Кракатау — и все ждут вас. Шурик машину к самому входу подогнал, Рашпиль специальную песенку написал и именные подарки приготовил – сидит у костра, приветствие репетирует.

– Летучие мыши были правы,– замечает Малышь.

* * *

На поверхности действительно наблюдаются последствия ночного метеокатаклизма. Одно из которых: начисто размытая колея от входа в пещеру до лагеря Рашпиля.

: УАЗ Шурика ныряет в Рожайку –

– лишь чудом удержавшись от финального переворота с купанием на последней осинке.

: ещё дно неторжественное возвращение в мир Наземли из подземного,–

— впрочем: были иные? Не помню.

Адаптируемся к наземным реалиям, вызволяя машину из беды. И поминая, что “чем круче джип – тем дольше идти за трактором”…

Хорошо ещё, что в Никитском у нас – все друзья. Помощь приходит достаточно быстро.

А потом – вечерне-ночной костёр, и прочее.

На другой день возвращение в город.

Первая новость, которой меня встречает супруга: у нас спиздили мой любимый велосипед.

— Но не будем о грустном…

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ МОНОСТИХИ

РОЖДЁННЫЕ В ВЕСЕЛЬЕ И СКОРБИ НА СПЕЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКОМ ПРЕБЫВАНИИ 1999 ГОДА:

“Шпаро же, инвалидов развлекая,
Повёл в Никиты их на топосъёмку...”
“Был Мальцевым отбит при топосъёмке
Никитский сталактит цензурной формы...”
(Из цикла “НИКИТСКИЕ ХРОНИКИ”)

Топографы нестройною толпою к пещере с инструментом подошли...

– Геодезист взмахнул своим прибором...

Геодезист загадочнее йети: чем занят он, когда топограф спит???

— МАРКШЕЙДЕР ШЁЛ, ЗАВАЛЫ РАЗГРЕБАЯ...

..: Что хорошо маркшейдеру Петрову —
то *додику Петрову* просто смерть!..

... Когда же *он* откамералил Бяки...

– Как знать: когда б снимали без пол-литры —
такой бы получили результат???

– Здесь вам не ЗАГС: кольцо не переснимешь!..

– Чтоб ты весь день ЕНОТА топосъёмил —
— и на ночь камералил Сейсмозону!!!

По штреку полз пикет. *Топограф спятил...*

Кто на ночь глядя топосъёмить сможет
иль утром сесть за камералки лист

И провести на нём хотя б прямую —
— Тот полный и законченный герой!

“Придавлен был пикетом (сразу насмерть),
когда крепил его на шатком своде...”

... Сортир оттопосъёмил в пять пикетов…

– Он пыхнул. После сел за камералку...

Для облегченья сложной топосъёмки
срезал углы (кайлом, лопатой, ломом)...

На десять метров, в шкурнике отснятых,
ушло всего два литра водки!..

... Откамералив снятое намедни,
за завтрашний маршрут порой садился...

... Когда ж последнюю поставил точку,
сказал *такое* — что вспотели стены.

Маршруты не сходились. *Даже с ломом...*

— Когда б Никиты трезвые снимали...

... Он компасом выделывал ТАКОЕ,
что не под силу многим мудрецам!..

... Итак, берём обычный средний угол,–
– *и дальше две страницы по-латыни...*

... А чайник, что запутался в рулетке,
буссолью был побит по голове!

... Когда ж на обрисовку посадили
художника-порнографиста сдуру...

Для камералки требуются:
ластик, стакан, портвейн и крепкий карандаш.
(А транспортир с линейкой не берите:
лишь портят идеальный результат...)

... тащили додика на мерной ленте.

— Завал мешал прекрасной топосъёмке!..

– Коль компас горный к охре поднести,
иного вентилятора не надо!

... Чтоб лишку не снимать, взорвали входы.

– Полезли по пещере баб снимать!

Пикеты пахли кровью, потом, водкой,
портвейном, шмурдяком, денатуратом...

Топограф Петерсон на камералке
Упал лицом на острый карандаш…
Сводя три дня два чайничьих маршрута,
топограф Иванов стал заикаться...
Топограф Сидоров на топосъёмке сломал замок.
И вот — попал в больницу.
Топограф Кузнецов на обрисовке сошёл с ума —
: В больницу был доставлен...
Топографа Петрова на маршруте хватил инфаркт,–
: Топографа Смирнова соблазнила
больная *азимудом* группа чайниц...
А с компасом работавший Андреев...
— ТАК ВОТ ТЕПЕРЬ КАКАЯ ТОПОСЪЁМКА!..

Нетрудно сделать безутешный вывод:
: Что значит быть топографом пещерным…

— Легко-ли топосъёмкой заниматься,
Не будучи по жизни идиотом?!

МЕСЯЦ НА ТРОИХ

«ПОВЕРХНОСТИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ!!!»

СОМ:
02. 04. 01. Предварительная заброска.[12]

[12] Дневник этого Пребывания представлял собой, по сути, постоянно творимый мной и Чудовищем журнал-маразматку: ежедневные записи, что мы вели в одной тетради параллельно, вне зависимости друг от друга, чередова-

Сгибаясь от тяжести просто неприподъёмных шмотников, топаем с Чудо пешком до Никитского – ибо опоздали на какую-то жалкую минуту на родной автобус №21.

К дыре подходим (доплетаемся) в состоянии полного нестояния. Одно радостно: оттепель ещё не началась, и вход в идеально-чистом состоянии. Сухой.

Перегружаем в трансы месячный запас консервов, круп и прочего; кассеты и книги уже упакованы в коробки, перетянутые/загерметизированные скотчем.

Дилемма: если забрасываем весь этот груз до Сапфира — не успеваем вернуться сегодня в Москву. Решение: забрасываем всё только до Ёна и там шхерим.

Слава Двуликой, в минувшие выходные Глеб с Фёдором забросили нам газ, акомы и свечи. Если бы мы пёрли сегодня и их — эти строки писал бы кто-нибудь, более крепкий.

: забросив в Ён под сотню кГ всего, необходимого нам, выбрасываемся.

03. 04. 01. ‘Заброска в Понт’ –

Доехали, слава Двуликой, на автобусе. “Как белые спелестологи”. Но в компенсацию удобства дороги – Оттепель. Всё течёт, и преимущественно во вход. «И в это самое нам надо лезть???» – «Там наша Родина, брат…»

: Вплюхиваемся. Я занимаю позицию в луже в первом расширении входного колодца; Чудо под потоками невялотекущей суспензии закрепляется в самом колодце и передаёт мне трансы. Через 30 секунд мы мокрые насквозь; грязные наполовину.

Затем сместились “на такт движения” — Чудо занял мою позицию в нагретой луже, я принимал у него трансы и плавал с ними [“грязь-серфинг”] до Журнала.

Перл: *Молодым в гавно у нас дорога, старикам в гавне у нас почёт!*

Затем попёрли всё привнесённое + ~ столько же налипшей на всё это $H_2Г$ до Сапфира.

Пока пёрли, согрелись – но не высохли. В качестве отдыха долго искали нычки с заброшенными в Сапфир Глебом и к^{o} свечами, акомами, горелкой и газом. Нашли всё, кроме свечей – которые прятал лично Глеб. Приходит понимание: Глеб способен не только отыскать под землёй то, что никто более найти не может (даже в течении 20 безуспешно-поисковых лет: например,

---

лись с приходящими обоим ‘откровениями от маразма’ (стихотворными, графическими, афористическими и прочими), а также записями, что оставляли в той же тетради наши друзья, когда приходили к нам в грот – и не заставали нас на месте [большее время Пребывания мы работали в Системе]. Ну и результатами наших температурных и гидрологических исследований. Поскольку полноценная публикация этого Дневника возможна лишь в факсимильном варианте, попробую ограничиться теми цитатами, что передают событийную канву. Надеюсь, Читатель самостоятельно вообразит-домыслит прочее.

трёх-с-половиной-километровый фрагмент Системы под именем Мартингал) – но и запрятать нечто так, что… ладно. На поиски ещё месяц. Может, и найдём. [В январе Никиты посетила сьяновская гопота, пограбили гроты – в том числе и Сапфир. Что удивительно: не столько обшарили сам грот, сколько разворошили всё дерьмо в сортире – очевидно, привыкли там прятать заначки водки, и того же ждут от других. А потому Глебу было сказано: заначь свечи как следует… *И он это сделал.*]

Перл: *Для настоящего спелестолога сортир не преграда, а источник заначенной водки.*

Чтобы высохнуть, побежали в Ён за позавчерашним хабаром.

По возвращении в ~~Сортир~~ Сапфир – ужин под Шаова для поднятия духа. (Наладку аппаратуры описывать не буду.)

ЧУДО:

Всё перенесли, сидим и охуеваем. Скоро начнём осознавать, где мы и насколько. Модули стоят, жратва почти распакована. Звук поёт.

~ 5. 04. 01. Время сознательно задвинули. У обоих часы, но мы на них не смотрим. Сидим, слушаем музыку, жрём. Играем в мандавушку и привыкаем.

СОМ:

Выспались замечательно. С окончательной заброски прошло около двух суток – но время решили похерить. [Спали, посыпались, пили чай, перекусывали, читали – и снова спали, отходя от суки-города и доставшей высотной зимней работы.] Условное окончательное утро включило в себя лёгкий завтрак (кофе, сыр, шпроты, сигареты и прочее) и партию “мандавушки” под Кусторицу.

Перл от Чудовища: *НЕ МЫ КИДАЕМ КУБИК — ОН КИДАЕТ НАС!!!*

Под угрозой водяного перемирия с Системой всё-таки нацепили уже просохшие комбезы и совершили хадж за водой.

На обратном пути расфигачили Задний Проход в Сапфир – нашу Водяную Трассу. А то как-то узковато было с канистрами… [Задний Проход был пробит накануне этого нашего Пребывания, выходит в Дальнюю систему точно против Протуберанцев. Что также недавно усилиями Чуда, Мичмана, Фёдора, Глеба и меня наконец-таки сбили ЗаппаДню с Дальней системой.[13] Наш источник воды

[13] Ещё на Пребывании 1991 года я бился в направлении ЗаппаДни из Дальней системы — интуиция буквально толкала меня туда, хотя в том году ни о какой ЗаппаДне и речи не шло: Дальняя казалась стабильно-непробиваемым периметром Никит. Бился один, а также с Глашей и Кузей. Затем, после открытия ЗаппаДни (я проломился в неё из ЖБК сквозь чёрный глиняный конус в 1996 году всего за 20 минут работы сапёрной лопаткой по чёрному глиняному конусу), мы со “Свалкой” неоднократно пытались пробиться во встречном направлении: из ЗаппаДни в Дальнюю – все понимали, что ЗаппаДня и Дальняя топологически заходят друг в друга,– попытки эти также окончились ничем. И вот зимой 2001 года Чудо, Фёдор и Глеб докапывают в одном из наших раскопов всего полметра, в другом мы с Чудовищем проходим до сбойки не более одного. А на следующий год с Длинным Кирой и Склизским

– новый, оборудованный в ЗаппаДне Немой водокап.]

Сейчас слушаем первых и вторых Квинов. Готовим Обедужин.

О! Готово!!! Разведу малость C_2H_5ЕГО — и в бой!!!

~ 5. 04. 01, вечер. Адаптируемся к Подземле. В антракте меж партиями в “мандавушку” снова ходили искать свечи, заначенные Глебом. В поисках свечей увеличили длину Ирукана ~ на 70 м. (Свеч не нашли.) Можно копать и дальше — но на пуркуя? Вряд-ли там есть свечи. Иль тень отца Глеба…

На ночь читаем: я – Брэдбери, Чудо – Джерома на английском. (Хохочет по-русски.)

ЧУДО:

~ **5. 04, вечер.** Решили, что мы перешли на 30-часовую систему исчисления времени.

~ 6. 04 – ХМУТРО!

Третий день – “а нам в натуре снились чмары…” Пора начинать работать. А то ведь случится Садом полный и небольшая Гоморра…

[Далее следует несколько стихов и рисунков на очевидную тему.]

СОМ:

~ 6.04. Утро. Классный завтрак, рассчитанный на Очень Тонкого Эстета: гречка с килькой. Чудовище перебухал гречки, пришлось откладывать лишнее в кружку. Кстати, сам, гад, почти и не ел. После завтрака обыграл меня в “мандавушку” два раза: и в простую, и в спиральную.

… Ага: начинаем глючить – на звук, будто кого-то слышим, и на запах (курева).

После завтрака пошли лечить Немой водокап от ‘англины’. Вывозились в вялотекущем селе “по самое не могу” – оба снова мокрые и грязные с головы до ног. Льёт с вершины конуса просто жутко, и всё время течёт глина серого цвета. Очевидно, чёрная уже кончилась. Значит, скоро потекут садовые домики с напиханным в них инструментом.

ЧУДО:

Полезно для оборудования гротов.

СОМ:

Обломались в реакции восстановления. Я сложил на 2/3 бут, чтоб хоть как-то притормозить гавнищи. Нужно делать упор из брёвен – но Чудо отказывается. Мол, даже если сделаем, он всё равно будет бегать за водой к Шкварину – потому что суше.

Затем ходили к ванне у Че Гевары; забрали оттуда остатки воды и почистили ванну.

Ужинали просто офигительно-роскошно, под Башакова. Традиционную поисковую прогулку за свечами похерили: комбезы мокрые, противно влезать.

Змеем соединяем ЗаппаДню с Дальней ещё в двух местах… Что, конечно, не только повышает уровень безопасности находящегося в ЗаппаДне и достижимость самой ЗаппаДни – способствует более точному нашему топологическому восприятию Никит. И конечно, более точной топосъёмке их окраин — без которой немыслимо мечтать о движении за Новый Периметр Системы.

На часы не смотрим третий день.

Только что задул сквозняк; до того воздух был статичен. Кто-то вошёл в Систему?...

Перл: *ЖИЗНЬ РАДИ КАЛА…*

~ 7. 04. 01. Спали хорошо; и мне, и Чуду снилось по два сна. […] практически без баб. Особенно мне. Четвёртый день – должна попереть адаптация (не путать с акклиматизацией!),– и кажется, прёт.

Общий перл: *НЕ ХОТИМ ГОСТЕЙ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!*

ЧУДО:

Сегодня сотворили Великое Дело – пробили седьмой вход в ЖБК. То есть соединили Некрополис и Сапфир прямым ходом. Почти штреком. Теперь в Некрополис можно ходить в цивиле. Вечером весь вымылся – хотя изначально хотел только подмыться.

Стало чисто и тепло.

[рисунок моющегося под землёй Чудовища]

СОМ:

Добавить нечего (в смысле слов) – кроме того, что помойный Чудо пахнет во всех смыслах лучше,– а вот я на сегодняшнем трудовом подвиге серьёзно провонял собственным потом…

Сидим, красиво отужиновши под беднягу Холдера — и гадаем: где это наших виртуальных КМСов спасатель Чёрт носит???

МИЧМАН:

~ 19.00. Пришёл проведать наших пациентов, в гроте не застал. Убедился, что газовую горелку они нашли, причём применили тяжёлую технику. [“Голова Чудо” – прим. С. Сом. *“Жопа Сома” – прим. Чудо.*] Перед спуском под землю побегал по поверхности. Паводок на полтора метра, Синеглазку не заливает, хотя вода стоит вровень с бывшими входами. Надо сплавать в Мартин – глянуть, что там и как.

Мичман! В солдатском котелке гречка (должно быть, остыла); сало на столе. Как видишь. Мы уходим в себя. Если уйдёшь до нашего просыпа: современный уровень входов Синеглазки выше реального на полтора метра. Вода прокачивается по сыпухе.

КМС! Будить, раз придёте, обязательно.

Чудо-Сом.

МИЧМАН:

~ 5.00. Копаясь в Сумасшедшем Аппендиксе, поймал 200-килограммовую плиту в виде двух фрагментов: на чайник и на колено. Плита не успела разогнаться, а потому (вроде бы) обошлось. Таким как мы, везёт. Поползу наверх, Гарри на машине, добросит до города. Главное, вынырнуть из входа — он полное Г Х З, много хуже, чем вы заныривали. И ко всему идет дождь.

ОТ ЧУДА:

А были б мозги — было бы сотрясение мозга… Ком вчера тоже, когда делали сократиловку в Некрополис, на полторы секунды разминулся с аналогичным предложением.

PS. Бабы не снились: прогресс!!

ОТ СОМА:

– Или регресс??

8. 04. 01. Утро, плавный подъём. Воскресный завтрак – пюре, селёдочка, клюковка от Мичмана, Марек&Вячек, Дикая жизнь в ОКР. Наводим порядок: Чудо моет посуду, я пишу Отсутствие, слава Двуликой, Событий (типа налёта пьяных гостей – которые в виде невменяемого Гарри и толпы его чичак носились вчера полночи по Системе,– но мимо Сапфира их, слава Двуликой, таки пронесло); сейчас сяду делать чудовищный свет (был зверски разъёбан вчера хозяином-носителем).

КМС! Если приплывёте – ищите нас на Балконе и за ним влево (или вправо, не более трёх оборотов даже для Мичмана[14] *).*

А вообще тактика съёбывания от гостей в Систему – положительная. Только вход в грот при этом ещё нужно затыкать – от греха. А подарки и приношения пусть рядом сваливают.

До вечера копали/работали в Некрополисе и в Полинуре/Ксуре.

Цитатный перл: *“ТАМ НА ТАНКЕ ТЕПЕРЬ ВПОРУ КАТАТЬСЯ!..”*

Однако, Чудо чуть не остался без ног.

После классного ужина (рис, специи, том. соус, тушка, томатерный срок, клюковка, сыр) играли с Чудом в стоклеточные шашки. Пока выигрывал я. Под игру слухали Сабатов с Цеппелинами; под ужин и его приготовление “Дикую Жизнь в ОКР”. Отходили от пережитого.

– Интересно, что Двуликая дала Чуду чёткое Предупреждение: вначале в гроте видел НЕЧТО (пусть пишет об этом сам),– затем в процессе работы. В самый её разгар, когда уже мало на что стороннее обращаешь внимание [и вынимание] — чуть не остался без ног. Еле увернулся от здоровенного булыгана кг на 400, который плавно/медленно, как в замедленном кино [как мне казалось, на самом деле — за доли секунды, конечно] начал заваливаться на него со склона Обвальной Горы… Глянули на свод, куда эта паршивая гора упиралась — чуть не обгадились хором. Больше, чем от свалившегося булыгана. *А мы там транспортную магистраль творить вздумали… БРРРРРР!!!!!!!!!!!!!!!!!!*

: Нет уж. Лучше пробьём боком-низом другой ход. Пусть и через монолит.

Перл перецитатный:

“ВСПОМНИ, ЧТО СЕБЕ ОТРЕЗАЛ
ОБЕЗУМИВШИЙ МЕРЕСЬЕВ!!!”

[перецитата из Башакова сопровождается очевидным граффити]

ЧУДО:

~ 9.04. в ~ 9.04. Встал раньше – разбудили мыши. Насрали в наши кружки, мы им этого не простим.

По поводу Хозяйки. Раза три видел загогулину белого цвета *[параллельно*

[14] Мичман – эстонец; в результате нашей с Чудовищем деятельности мы соединили Некрополис с Сапфиром аж в двух местах – так что появилась заманчивая (для некоторых) возможность бегать по кругу, не сильно теряясь при этом.

тексту – рисунок],– проходит она там, где мне (или нам) делать нечего. В Полинуре я её не видел — значит, там есть, что нам делать.

СОМ:

Но там был намёк в виде плиты, рухнувшей тебе на ноги. И потом: ты её видел и в Сапфире,– что ж нам теперь, отсюда съёбывать?

09. 04. 01. Утро/день. Я встал позже – около 11.00, но ночью просыпался от вконец обнаглевших мышей. Видел три сна — цветных, гипернатуральных. Все три помню также отчётливо, как события вчерашнего дня. Нет, даже лучше. < Сейшен с Папой Римским и классной девицей, с её дочкой и Барканом в Ирландском посольстве; компакт Визбора, записанный в Терсколе в 1967 году; лабиринт с секретным выходом в подвал дома… >

Завтрак – ‘а ля вчерашний ужин’ с изменениями/дополнениями; в полутьме наощупь нашёл кассету, врубил – оказалось J-M-J, “ZOOLOOK”…

: “Вторчались в Систему”,– ну да, после вчерашнего…

Так что ели под него, родимого,– и вообще: решили каждое утро начинать иначе. И пока следуем этому разнообразию.

После завтрака под токкаты Баха в исполнении Гарри Гродберга играли в стоклеточные шашки. Чудом вырвал у Чуда победу. Он с каждым разом играет всё лучше и лучше. В “мандавушку” он уже безусловно выигрывает у меня,– теперь и в шашки…

Сейчас допьём чай и пойдём за крепями в новую часть Ирукана. Затем будем делать новые нары в Обитаемом Острове[15]. А Обвальная Гора Полинура пусть выстоится. Там есть чему падать

На “19.30” должна приехать Ольга. Просто кошмар – лезть в этот вход… А если к тому же не приедет, опоздает автобус?..

: Тогда – беда…

09. 04. 01, вечер/ночь. Встречали Олича, вышли на час раньше – чтобы почистить вход. Пока Чудо бегал в магазин и потом рубил дрова для костра, работал по “входным гавнищам”. Олич приехала вовремя, но не на автобусе, а на такси. Привезла “оболонь” и вкусной рыбки (копчёной горбуши) к ней. Один флакон решили внутрь не тащить, схарчить тут же, под горбушку, у тёплого костерка. Перед входом. Сидели у костра до темноты и кайфовали, глядя на несущиеся мимо мутные воды вспучившейся Рожайки. А также на фигачивший по небу закат и смеркание света. Паводок в полном разгаре – Родник притопило на метр, если не на полтора,– из оврага хлещет нечто вроде Ниагары. При попытке перебраться через него Олич плюхнулась задом прямо в воду…

..: А у нас – Первый костёр в этом году.

Из тонких гибких хлыстов изготовили пару удочек – чтоб можно было мерить температуру мартингальной обводнёнки, не купаясь в ней при этом.

Закончив сушить Олича (также допив и выкушав), пошли внутрь. Домой.

---

[15] Обитаемый Остров [“2ХО”] – к тому времени гостинно-спальная (центральная) часть системы гротов Сапфир.

Ужинать. Спать.

В Системе *просто Кайф* — никого, кроме нас — и *это* так здорово ощущается…

10. 04. 01. Утро – в 15.00. Сдвинулись! Ибо после вчерашнего праздничного ужина легли в 6.00. Перед завтраком я полностью помылся – эх, здорово!..

День: посиделки за столом, работы по гроту – складывание новых нар, ремонт стола, кухонных полок и прочего.

ЧУДО:

10. 04. 01. Ольга принесла херовые новости из Альма Матерь. БЛЕВАТЬ ТЯНЕТ И ХУЁВО НА ДУШЕ.

–Что делать???

[графическая композиция, посвящённая службе в армии]

СОМ:

11.04. 01. С утра встал пораньше прочих,– сгонял на Немой за H_2O… Боже! По конусу текут сразу три ручья!!! Просто жалко до жабы, сколько воды “за так” уходит в землю… А потому после завтрака безумная Идефикс №2 вновь овладела гротом < Идефикс №1 – найти заначенные Глебом свечи >: обустроить Немой водокап. И пошли. И обустроили. Стали снова по уши в грязи и сырости – все трое.

Но вроде, сделали: 3 полиэтиленовых рукава свели в одно русло, из которого хлещет. Как из не запирающегося унитазного бачка,– и звук точно такой же, да! Главное, чтоб глиной вновь не присыпало. Четвёртый рукав протянули от сталактитовой части. Воды даёт меньше, но в нём она кристально-чистая.

Затем, дрожа от холода, натянули полиэтилен под сводом. Ещё два каплесбора. А потом пошли в Мартингал на разведку – греться… ПСИХИ.

У Шкварина в Колизее я чуть не утоп — он, блинн, оказался на полметра заполнен абсолютно прозрачной водой. Такого в Никитах ещё не было!

В Мартингале: упала Смертельная Плита на входе М-13 (на-конец-то!),– затоплен Мартингал на 1/3 по меньшей мере. Без болотников или гидры делать нечего. Хоть Ихтиандра зови. Или гада-рыболова-Кирина с моим ОЗК, оставшемся у него в городе.

Перл гидрологический:

– ТАК ВОТ ТЫ КАКОЕ, ЛЕГЕНДАРНОЕ НИКИТСКОЕ ОЗЕРО!!!

Просто перл:

“ГЕРАСИМ – НЕМАЯ УКОРИЗНА КРЕПОСТНИЧЕСТВУ!..”

По многочисленной просьбе Чуда дописываю: 5 раз купался в мартингальной водице на разное погружение тела – в целях измерения водной температуры и случайно, при измерении оной с берега.

В части Мартингала, ближней к входам, вода практически прозрачная; в дальней от входа части на поверхности сор и пена, вытягивающиеся согласно турбулентности течения; вода мутная.

Измеряли температуру, глубину и площадь обводнёнки – сколько смогли измерить, не сильно купаясь при этом.

Первый результат исследований: обводнёнка зримо делится на три части –

1) Паводковая зона – прямое затопление с поверхности (пока не ясно, откуда именно. Ибо в ту часть не пробиться без риска заполучить воспаление лёгких),– вода мутная, с пеной.

2) Прошедшая из этой зоны дальше в Систему под наворотами камней (обрушениями свода) – чище, прозрачней, но с плёнкой на поверхности. Этакий "полуфильтрат".

3) В глубоких ортах по всему Мартингалу и даже в системе Шкварина – абсолютно прозрачная, насыщенная CO_2 и Ca^+ стоячая вода без видимых притоков. Судя по всему – "выжатая вверх" гидростатическим давлением (подпором) грунтовка. Отфильтрованная известняковым монолитом. (Артезианский эффект). При просвете вдоль – голубовато-дымчатая, как и положено пещерной водице.

По возвращении ужинали под Шаова, вскрыли ольгину "оболонь" (второй флакон),– ибо как слушать Шаова без пива? Шаов – провокатор.

ЧУДО:

~ 12. 04. 01. Сегодня вынимаюсь на поверхность на день – дико неохота, но такова се ля ви. Иначе — сапоги. Стрёма нет, есть брезгливость ко входу и выходу. Тащить придётся обратно целую гору всего…

СОМ:

– Ну, не такую уж и гору…

12. 04. 01 – кстати, 'чуть вверх'. Чудо командируется на поверхность для разборки то-ли с родными и близкими, то-ли с институтом, то-ли с военкоматом. С чем именно, не понять – но истерика у Мамы Жени верняком 12-бальная. Вернётся завтра; на крайняк – послезавтра. Возможно, с КМС.

План на сегодня: подтащить крепи из/от ЗаппаДни для новых нар; завтра я их сделаю. Специально для Шурика и Марины.

После весьма приличного завтрака ходили в ЗаппаДню за крепями и за водой; на Немом водокапе вода хлещет, как из крана. Даже "технические ручьи" – что текут с глины – почти прозрачные.

Пилили/рубили крепяной бурелом на двухметровые жлыги, затем ошкуривали тыльной стороной пилы. И пёрли всё это в Сапфир. Как индийские слоны.

В 17.00 вернулись в грот; отобедали под Армстронга. Чудо собрался и полетел на последний А№21; мы с Оличем делали новые нары. К 23.00 всё закончили; крепей хватило "тютелька-в-тютельку". Олич снимала работы на камеру.

Сделали классный ужин – жареная картошка, сало. Ужинали под мою сборку "Зимовья Зверей".

Затем я отрубился; Олич ещё читала Лондона. А у меня на этом Пребывании чтение что-то не идёт – всё время какие-то дела, заботы. Или усталость: фраза распадается на слова, слова распадаются на буквы,– книга выпадает из рук…

Вообще очень активное получается Пребывание – ни дня без выхода из грота, без работ по крепям или камню. И всё никак не приблизимся к основной задаче №2: Гигиене.

— А ведь планировал Пребывание, как

отдых от доставшего города… (И ребята настраивались точно также.) С неспешной в принципе гидрогеологией, да видеосъёмкой. Да любимой музыкой – которой набрали… да любимыми книжками, и книжками, “всё никак не прочитанными” – которых тоже [аналогичное замечание],–

Но столько, оказывается, всего накопилось —

: каждый день возникают какие-то новые надобности. То одно сделать. То другое. То водокап. То сократиловка к Чуду в Некрополис. То этот проход слишком узкий – то тот. И так далее.

: Славно, что хоть паводок мартингальный мерить начали.

И завтра, кстати, снова туда идти.

То есть уже сегодня.

13. 04. 01 – ‘пьяница’. Прискорбно – но могут явиться гости. Этакие разудало-пьяненькие, агрессивно-радостные все из себя вдрызг,– громкие, как…

: КРАЙНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ.

С утра (наступило в 13.00) имел Акт со Звуком: оба плэера задурили,– был вынужден разбираться, как персонаж Егоров с кейсом.

Сейчас вроде всё наладил (врал чудовищный плэер, плохо протягивая ленту, наперекосяк,– оттого кассета, раз на нём прослушанная, “плыла”). Слушаем Джетро Талл – концерт 92-ого года в Стамбуле,– будем завтракать пшеничную кашу со шпротами.

Планы на день: сходить в Мартингал; на обратном пути завернуть в Африку за хранящимися там досками, починить прогнивший пол в Модуле. < На этом реставрационно-благоустроительные работы по гроту должны быть закончены. >

ЧУДО:

13. 04. 01. На поверхности бушует весна-грязна. С домашними всё выяснил – побесились и успокоились.(Шухер устроили только для того, чтобы проверить: не случилось-ли чего тут со мной.) Взял у Кирина комовскую гидру для штурма обводнёнки, в магазинах всё, чего нам не хватало. На выходе из Системы долго боролся с выходным колодцем, когда победил его, попал под дождь. Приехав обратно, собрал все вещи в транс – и понял: забыл свет дома. Пришлось бежать в Сапфир за светом и помощью. Растревожил там устоявшихся Сома и Олича – сейчас всё, однако, снова устоялось/успокоилось, сидим, слушаем Колю Пещеру и играем в стоклеточные Шашни. Думаю проиграть Сому, чтоб задобрить за шухер.

СОМ:

13. 04. 01, день-и-вечер. После завтрака отправились в Хадж: Сапфир – Железная Дорога – Че-Гевары (забрали последнюю воду) – Чёртов Шкурник – Гульбарий (там временно оставили канистры с водой) – Гигиена (осмотр будущего места работы) – Бродвей – Зоопарк – Зоолок – Сумасшедший Барабанщик (измерения температур и уровней обводнёнки) – Футбольные Поля – Шестидесятипятиметровка (бывшая 100) – Зоопарк – Бродвей – Гульбарий (забрали оставленные канистры с водой) – Улитки – Собор – Некрополис – Балкон – Сапфир. Мнение: даже от Зоопарка до Сапфира много удобнее идти через Бродвей (во весь рост свой), Гульбарий и Некрополис –

чем по “сократиловке” через Ирукан (раком, раком,– затем ползком, ползком,– и снова раком, затем снова ползком,– и так далее до самого грота). От Че-Гевар до Сапфира через Чёртов Шкурник и ЖБК также много быстрее, чем через Дальнюю. Если разнести пару узких мест и зафиксировать Обвальную Гору в Ксуре/Полинуре – проход из ЖБК в Ирукан можно закрыть “полностью и окончательно”. И наглухо запечатать “исторический вход” в Сапфир из Дальней системы — а то *просто достали* разные чайники...[16]

Невероятно, но факт: Бродвей практически высох — и это во время паводка-то!..

По дороге сделали кое-какие камнерезьбовые работы, оценили водокапы в Зоопарке. Против ЗаппаДни – херня, и заморачиваться не стоит.

Только покурили, отдохнули в “2ХО” – Чудо. Явился народу без света, но с сильным фосгеновым трассиром. Как хвостом кометы. Похоже, пёр по Системе на хлорциановом плексе. < Светом ЭТО всё равно назвать трудно. >

Сходили на выход за вещами, затем к Немому за водой. Воды – хоть жопой ж…

Затем попёрлись на очередные измерения в Мартингал. По пришествию к обводнённке выяснилась Гадость: контрольный особо точный термометр стряхнулся,– так что точность наших измерений…

Придётся все данные округлять во избежании лажи до 0,5^{o} С.

: ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНО.

ИЗМЕРЕНИЯ ТЕМПЕРАТУР В СИСТЕМЕ НИКИТСКАЯ (апрель 2001 года):

1. Воздух на поверхности в 18.00: +4,5^{o} С
2. Вода в Рожайке: +2° С
3. Воздух в Дальней системе и в Предбаннике системы Сапфир: +7,5^{o} С
4. Обитаемый Остров: +8,5^{o} С
5. Обитаемый Остров при готовке пищи: +9,5^{o} С
6. Жилой модуль в Обитаемом Острове: +8° С
7. Модуль с горящей внутри свечёй: +10° С
8. Грунт (бут): +8° С
9. Вода на водокапе Сумасшедший Барабанщик при отрыве со свода: +8° С
10. Вода на водокапе Сумасшедший Барабанщик на полу: +7,5^{o} С
11. Воздух в Сумасшедшем Барабанщике: +7° С
12. Вода в Колизее в системе Шкварина (поднявшаяся грунтовка): +8° С
13. Вода в Мартингале (фильтрат): +6° ÷ +7° С
14. Вода в Мартингале (прямое поступление в верхней части): +4° С
15. Воздух в Мартингале: +6° С

---

[16] С открытием мной Ирукана, а затем сбойки Ирукан/ЖБК Сапфир превратился в самый настоящий проходной двор — вначале команда Сержанта начала бегать через нас из ЖБК в Старую систему (и обратно, с нанесением сокрушительных “визитов вежливости” в любое время суток),– затем об “ируканской сократиловке” узнали разные чайники… В результате чего грот был естественно ограблен.

[измерения по гроту Сапфир проводились в отсутствии людей]

Вечером устроили Праздничный Ужин в честь прибытия Чуда – ну и чтоб поднять настроение, опущенное Дерьмометром. (Пиво, копчушка, гречка и пр. под Ника Кейва.)

“Суббота, 14”. Утренний завтрак с Чудо на двоих – Ольга отлёживается в Модуле после вчерашних бегов по Системе.

Пили кофе с бутербродами (маасдамский сырок, копчёная колбаска), играли в шашки. Затем – гречка с тушёнкой под Чимганскую сборную. Сейчас побазарим за топологию и пойдём работать в Некрополитен. После чего — все на очистку родного сортира!!!

(А то в него уже заходить страшно…)

Перл рефренный: *ТОЛЬКО БЫ НЕ ПРИШЛИ ГОСТИ!!!*

(Ясное дело: к Глебу и КМС это не относится. А относится ко всяким СЛУ*ЧАЙНИКАМ.)*

Сом & Чудо!

Вот свечи, которые вы не смогли найти. Надеюсь, что их отсутствие не привело к большим проблемам. Сейчас 14. 04. 2001, 20.30. Я оставил здесь свой транс, а сам побрёл в Мартингал с фотоаппаратом.

Заранее извиняюсь, если разбужу вас утром, когда приду за вещами (завтра утром я выбрасываюсь).

Если не встретимся, то желаю вам отличного Пребывания и семь футов под килем в Мартингале. [Глеб]

ЧУДО:

14. 04. 01 – ‘слабота…’ Приходил Глеб, принёс искомое – ХА!.. Заначил “на самом видном месте” и нарисовал поверх закладушки такой натуральный монолит…

: СПЕЦИАЛИСТ.

Сегодня был День Ассенизации — вычистили сапфирный сортир и оборудовали новый в Некрополисе. Сделали пластическую операцию Балкону (оно же – перепланировка ландшафта). Предчувствую первые слова Кирина по явлению в родное, с любовью оборудованное балконное гнёздышко:

– Где я? Где мой любимый Балкон?? ГДЕ ЭТИ ТВАРИ???

В Некрополитене проходческие работы по созданию Транспортной Магистрали Сапфир/Гульбарий прошли половину Ксура (нижним ходом). Проходку остановили по усталости и чтоб дать выстояться тому, что наворотили.

СОМ:

Добавить нечего. Жаль лишь, что не довели НекроМагистраль до Собора,– но… (см. выше). Одно славно: с сортирами, наконец, разобрались. И жалко, что с Глебом разминулись на 20 минут. < Однако – ожидает его в Мартингале… >

Глеб – вот уж кого было бы здорово увидеть. А не один транс. К тому же не очень чистый.

Сейчас Ольга варганит нечто съедобно-праздничное,– пойду разводить C_2H_5 OH.

… Ольга сготовила дивный плов. Оставили порцию Глебу. Ужинали под

“Зимовье Зверей”. Потом Чудо убежал искать по Системе чайниц (всё ж суббота – хоть и четырнадцатое…); мы с Ольгой заваливаемся спать.

Глеб!!!

1) ОБЯЗАТЕЛЬНО РАЗБУДИ, КАК ПРИДЁШЬ!

2) В сковородке для тебя еда, ставь на медленный газ, как на обычной плите; в заварном чайнике – заварка, вода в большом.

3) ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОЕШЬ!!! НЕ СКРОМНИЧАЙ!!!

4) Как тебе обводнённа у Шкварина???

В 3.30 пришёл Глеб. Разбудил меня – Ольга не спала,– встала и шила недоделанный хайратник для налобника. Накормили Глеба, долго сидели, пили чай и рассуждали о САЯ, паводке в Никитах и прочих завораживающих вещах. Очень красивый антракт в ночи.

В 6.30 Глеб пошёл на автобус.

15. 04. 01, ‘вострясение’. На завтрак макароны с тушкой и вторая сторона “ЗЗ”. Хлеб приходится экономить, так как в голову не может прийти *выходить из Системы.* Даже за хлебом.

: Из этого, столь славного *бытия Пребывания,–*

— И вообще:

ТАК БЫСТРО ВРЕМЯ ИДЁТ
КОГДА НИКТО НЕ ЕБЁТ…

(Перл непарламентский, но точный)

Однако, половина времени Пребывания “тю-тю”,– а нереализованных мечтаний и планов —

1) Доделать проход под Ксуром и транспортную трассу до Гульбария.

2) Минимум пару “мокрых выходов” в Мартингал и столько же “сухих” для обследования правых его окоёмов (“есть мнение”: коль проломить один из тамошних обвальных конусов – выйдем в Систему Звёздочка, что разрабатывалась Мартьяновым одновременно с ЖБК и Мартингалом).

3) Запечатать наглухо проход из Полинура в ЖБК – от случайно шатающихся чайников.

4) Аналогично поступить со сбойкой Ирукан/ЖБК.

5) Закрыть как можно капитальнее традиционный вход в Сапфир из Дальней системы.

6) Пробить, коль получится, прямой проход из Ирукана в ЗаппаДню.

7) Пройти вертикальным шурфом снизу вверх Гигиену.

— ладно, собираемся на видеосъёмку и очередные гидрологические измерения в Мартингал. Оснащение:

Гидра сухая – одна на троих.

Шлёпки для рассекания/купания голышом – аналогично.

Термометр.

Удочки для измерения температуры воды без непосредственного купания в оной.

Видеокамера “Sony” (с ночным режимом съёмки, светодиодным прожектором и прочими прибамбасами).

Около 3 кг плекса для создания должной подсветки снимаемого.

Пятилитровая канистра палёного бензина для создания “огненной воды”.

И всякие мелочи – типа дополнительных коногонов подсветки, полотенец, запасных тёплых штанов на всякий случай (ибо мы с Чудовищем знаем эти случаи – как и свои купально-прикольные притяжения),– перекус и так далее, на целый транс.

… Вечер. Вернулись. Уровень воды за два дня упал на 25 ÷ 35 см. I и II Колизеи высохли. Ходили с Чудо по очереди в Вентиляционный Штрек — основной претендент на затопление Мартингала.

: Ничего определённого. То есть видно, что вода текла – но слабо. Возможно (даже наверняка): основной поток шёл по бывшему дну штрека, под севшими (отслоившимися от кровли) плитами. По которым сейчас лазаем мы, аки по полу.

Мнение ‘от Мичмана’, что вода поступает в Мартингал с песчаных конусов (их в зоне затопления около четырёх штук), участники нашей команды полагают вздорным. ИБО:

Краткое резюме о динамике затопления системы Мартингал в апреле 2001 года:

На 11. 04. 01 было затоплено около 500 м штреков, гротов и залов шириной от 3 до 10 м; глубина затопления до 2,5 м. Объём затопления оценен в 2.500 м^3. Реально поступившей в Систему воды было больше, ибо за сутки падение уровня воды, отфильтровывающейся в почву, составляет 0,1 ÷ 0,2 м. Величина эта не постоянная, так как зависит от заполнения естественных коллекторов-дренажей, уровня грунтовых вод и уровня воды в Рожайке.

[Схемы затопления системы Мартингал по состоянию на 11. 04. 01, 13. 04. 01. 15. 04. 01, 17. 04. 01, 19. 04. 01 и 21. 04 01 приведены в четвёртой книге “Катакомбного Мэйнстрима”, глава “Арт-Рок-Джаз и Классика”].

Поступление воды длилось 3 дня (8. 04. Мичман ходил в Мартингал и воды в нём не было). Судя по всему, пик паводка пришёлся на 11. 04.

С учётом поглощаемой пластами воды за три дня в Систему поступило около 3.000 м^3 – то есть в день около 1000 м^3.

— Какой песчаный конус выдержит столь мощный поток – и останется конусом?..

К тому же основная масса нивальных вод скатывается с плато в Рожайку по поверхности; грунт оттаивает позже (подтверждение: Немой водокап, питаемый грунтовыми водами, начал активно течь после окончания паводка на Рожайке, спустя ~ 3 дня.), а песчаные конуса в Мартингале как стояли сухими – так и стоят.

По окончании гидроизмерительных работ устроили ОФФ-ФИГИТЕЛЬНЫЙ БЕНЦ: разлили по поверхности воды канистру бензина. И подожгли. Чем нанесли вполне достойный укор “гнилому Голливуду”.

Чуде было строго указано: зашхериться меж складок местности и не отсвечивать — но отвязная любознательность панка победила инстинкт самосохранения. В результате чего роскошный “ирокез” Чуда чуть было не был сбрит огненным валом, что пронёсся над нашими головами под сводом штрека. Чудо бежал от огня, как Сильвестр Сталлоне.

Олич снимала всё это из укрытия.

После прогулялись по правой части Мартингала, рекогносцировочно осмотрели тамошние, ограничивающие Систему, завалы. В двух точно можно пробиться куда-то дальше,– но сейчас там сильно льёт, и плитняк крайне сопливый. Если копать/разбирать — то только летом. Вскрыть для удобства достижения Эгипед (работы на день-два) – и ходить через него. Поковырялся в мокрухе — и наверх, отогреваться. И купаться в Рожайке.

За ужином в гроте случился лёгкий шухер из-за мнимого скончания чая: Ольга не разглядела, что большую банку с заваркой мы с Чудо ещё не трогали.

После ужина – бытовуха. Чудо точит и чинит инструмент. Ольга моется в Предбаннике,– я пишу. Слушаем самый грандиозный и потрясающий альбом Марка Болана [T/.Rex] – «You Slake Me To The Dead». Записанный, как водится, в 1975 году — когда все замечательные команды того времени записали свои самые лучшие альбомы,– *и положенный уважаемым Мастером "под сукно". То есть в сейф. С указанием опубликовать/издать в случае его смерти – причём не сразу, а через пять лет.*

: Что и было выполнено его безутешной вдовой. В стандартных каталогах творчества Марка Б. этот альбом, естественно, отсутствует.

На компактах — не издавался.

А мы вот сидим в гроте под землёй — слушаем, замирая от восторга.

: Кроме Олича, которая моется и которой творчество Марка Болана немного до фени.

: Каждому свой 'едем дас зайне'.

16. 04. 01, 'понудельник'. Завтракаем под "Реостат'86" – традиционно любимую в Никитах команду. Ещё со времён нашего партнёрства в кусте "Яуза". Завтрак воистину пуританский: макароны + тушёнка. Затем кофе мне и Чуду; Оличу чай. Ибо кофе Олич не жалует.

После завтрака сушили чудовищный спальник – сильно отсырел. Потом пошли доделывать Ксур и курочить проход дальше. Первым делом попробовали опустить сопливый свод над Обвальной Горой: вставили в расслоение газовый баллон 0,5 л на запально-разогревающей плексине…

– и никакого эффекта не получили. Баллон жахнул, вылетев из расслоёнки,– свод как стоял, так и остался стоять. То есть висеть. Но положительный момент-таки произошёл: раз от взрыва баллончика ему ни хрена не сделалось, то и работать под ним можно.

А потому "поработали на славу" —

Перл:

«ВСЁ ШИРЕ, И ШИРЕ, И ШИРЕ
СТРЕМИМ МЫ ПОЛЁТ НАШИХ КРЫШ…»

: теперь от Гульбария до Сапфира, кроме двух, специально оставленных шкур, хоть во весь рост ходи.

Ну, чуть пригнувшись местами.

На радостях ломанулись в Ирукан – не заходя в Сапфир, через чудовищную сбойку в Некрополисе (по дороге запечатали "весьма наглухо" Полинуровский шкурник, выходящий в ЖБК) – и рассекли Ирукан на две части: одна

теперь относится к ЖБК — другая к новой системе Сапфир. Далее запечатали традиционный вход в Сапфир из Дальней системы.

На месте бывшего входа в Сапфир оборудовали новый сапфирный туалет – раза в четыре роскошней и вместительней старого. Двойной нагруженный завал + сортир: должно *это* остановить непрошенных гостей? Чудо полагает, что вовсе не обязательно. Ибо настоящему спелестологу смертельно нагруженный завал – не помеха. Что же до ‘презренной сьяни’ – так тем сортир вообще нечто вроде продовольственного шкафчика. Они там не только водяру и бензин — даже хлеб закапывают, “чтоб никто не догадался”.

Однако: теперь получается, что Сапфир находится не в Дальней системе Никит — а в ЖБК. Раз официальный вход в него – только оттуда (не считая Заднего Тайного Прохода).

“Перекройка границ” та ещё…

Сейчас слушаем ВСВ, Ольга варганит лососевый супец.

17. 04. 01, “фторник’. По поводу вчерашних аншлюсов и разделений [разделяй и властвуй, да!] – Праздничный Завтрак: пюре натуральное с маслицем и молочком, салака копчёная, пиво (чудом сэкономили!); после – кофе и сыр (мне и Чуду). Чай и печенье – Ольге.

После завтрака играли с Чудом в стоклеточные шашки (я прозевал все хорошие ходы и бессовестно продул подряд две партии) и слушали Мирзаяна. Ольга дрыхла в модуле.

Сейчас отправимся на очередную гидрогеологию в Мартингал; на обратном пути завернём в Африку за заначенными там досками.

ЧУДО:

В ночь с субботы на воскресение бегал по Системе в поисках Прекрасных Чайниц – ни одной не нашёл. Нашёл около 150 г водки – которую выпил без удовольствия, но с радостью.

В воскресенье выбрил затылок огненным смерчем (без удовольствия и радости, но с испугом).

В понедельник отборные слоны Ганнибала дошли между Ксуром и Собором до Последней Мешающейся Плиты под ногами — и так как она по форме крайне напоминала Африку, разнесли её Большой Сапфирной Машкой (весом в 5 кг без сварной металлической ручки) вдребезги пополам следующими ударами:

1. Удар по Нигерии, Сенегалу и Нигеру.
2. Удар по Гвинее-Биссау.
3. Удар по территории ПОЛИСАРИО.
4. Удар по режиму апартеида.
5. Удар по Анголе, которую Сому было особенно жалко.
6. Удар по реке Конго разделил Африку на два мельчающих на глазах континентика.
7. Удар оправдал теорию рифтового разлома.

– Последние бессильные удары я нанёс по ненавистному по семейным обстоятельствам Тунису.

И одной Африкой в Никитах стало меньше.

Далее перекроили границы глобуса Никитской Системы и расхабарили в оставшейся в Никитах Африке дровяной склад. Перед тем, избежав ритуального купания в Мартингале, ловили на термометр слепых пещерных рыбок — но ни одной не поймали. Наверно, наживка не та. А если ловить на видеокамеру?...

Ночью снился БГ с семью сосками на двух грудях. Пел “Теперь ты в армии” Калугина – очень жалостливо. Поллюции не вызвал.

— К чему бы ЭТО???

СОМ:

18. 04. 01. ‘сри, да’. Сегодня начинаем работы в Гигиене. В январе Сержант пытался её подорвать – но даже 100 г аммонита вырвали из глиняного купола Гигиены кусок не более двух кулаков. Причём моих, а не сержантских.

Копать эту спрессованную мерзость – адова задача. Уж коль взрывчатка её не берёт… От удара кайла откалывается кусочек не более спичечного коробка; лопатой работать не легче. Поработав лопатой, понимаешь: кайлом было удобнее. Поработав кайлом, доходит: всё-таки лопатой было легче.

И Задача Задач – удержаться в распоре под куполом. Чья высота относительно пола Никит/ЖБК согласно аж трём, не противоречащим другу съёмкам, 8 м.

— А сколько до небушка?..

По нашей с Бароном съёмке – не более пяти метров.

Сколько на самом деле – ХЕЗ. Теодолитной съёмкой высоту Никитского холма ещё никто не мерил. А остальное – гадание на кофейной гуще. “± 10 метров”.

: Мотивация нашего нелёгкого труда скорее прикольно-психоделическая, чем вербальная. Ибо рассуждение, что нам нужен некий “запасной вход/выход” – который, пробив, заначим, как заначили в своё время Старьёвщик – рассуждение сомнительное. [Власть вновь обратила внимание на наше существование, а потому нужно быть готовым к возможному новому “официальному закрытию” Никит.] Понимаем: вертикальный вход в Систему – не комильфо и по удобству его преодоления, и по климатическим особенностям. Ибо какая тяга разовьётся в оном, представить не трудно. Как и что случится ближайшей зимой с нижними “историческими входами”, когда мы распахнём эту аэродинамическую трубу.

Но создание незаметного входа в овраге пока более проблематично. Тем более, что он окажется точно такой же вытяжной трубой – пусть и наклонной. А копаться на речной склон – копаться под очи тех, кто может взорвать существующие входы.

: Увязаем в пучине дебатов – но роем.

Эзотерически это важно лишь мне одному: расквитаться с чёрной глиной за смерть Виктора Шагала. Сделать то, что не удалось ему.

Мотивация сомнительная — но раз все трое повелись на неё, значит какой-то прикуп Системе случится. Какой – пока никто из нас не представляет.

Копаем, раз нечто изнутри повелевает: КОПАТЬ ЗДЕСЬ!

И точка.

Перед сном всех в гроте (когда уж зашхерились в спальники) посетила Муза Маразма – часа два хохотали, со всех сторон обыгрывая тему новой газеты. Лень-матушка, что родилась вперёд спелестологии (и держала свечку при её рождении) шептала: утром всё вспомним, и всё запишем.

– Хрена! Полчаса вспоминали, над чем укатывались со смеху… И насилу вспомнили лишь жалкие фрагменты-обрывки. Типа:

ПЛЁВОЕ ТЕЛО (название).

“Плевать на всё!”, “Что наша жизнь? Плевок!” – эпиграфы.

ЗНАЧЕНИЕ ПЛЕВКА В ЖИЗНИ СОЦИУМА – пословицы, обычаи, поговорки.

ПЛЕВКИ БЫВАЮТ… (имитация серьёзного физиологического исследования)

ПЛЕВОК, КАК СРЕДСТВО ПОХЕРИВАНИЯ НЕПРУХИ И ПЕРЕХОДА ИЗ АДА В РАЙ, ТО БИШЬ НА ЛУЧШУЮ МИРОВУЮ ЛИНИЮ – исследование эниологическое.

ДЕВСТВЕННАЯ ПЛЕВА; ПЛЕВАКО; ПЛЕВНА; ПЕЛЕВИН – и так далее, до бесконечности.

ХРОНИКИ ГИГИЕНИЧЕСКИХ РАСКОПОК:

СОМ:

18. 04. 01. Третья неделя Пребывания. Завершив гидрологические исследования в Мартингале и хозяйственно-топологические работы в системе Сапфир, пришли сюда. Цель — увидеть свет в конце тоннеля.

Прошли около метра. Каждые 10 минут меняемся с Чудо: один долбит свод чёрного купола, другой отгребает надолбаное вниз, к Воротам Гигиены (узкая щель в разрыве известнякового пласта шириной около 25 см),– Олич транспортирует продукты нашего геморроя дальше и распределяет их покомпактней в нижних гигиенических объёмах.

Если бы не Ольга – мы с Чудо засыпали бы себя снизу, как сьяновские додики в 1992 году.

Ноу-хау: наибольшую скорость проходки получаем, если вначале истыкать свод острым концом лома или монтажки – а потом подсекать это дело сапёрной лопаткой.

19. 04. 01. Прошли ещё около 1,5 м. Работали до обеда – после обеда мы с Чудо бегали в Мартингал, мерили температуру и уровни отступающей обводнёнки. Олич заслуженно отдыхала.

Перед окончанием раскопок я ясно услышал, как наверху пролетел самолёт. Понимаю: даже при самой оптимальной оставшейся высоте услышать это было не реально. Но — ясно слышал.

: Может, глюк. Может – экстрасенсорика. Ибо постоянно настраиваюсь “на поверхность” – понять/очувствовать, сколько до неё осталось… И отчего-то никак понять это не удаётся. Впервые у меня такое. Сколько вскрыл входов и продолбил завалов – всегда представ-

лял/ощущал объём работы. И результат.

А тут вот полная неопределённость.

Значит, как-то не так настраиваюсь. Не на то.

: а на что надо настраиваться, как не на поверхность?..

Перед окончанием работы глина пошла более рыхлая. Даже жалко уходить…

20. 04. 01. Вновь мы здесь.

Перл вопросительно-цитатный (из Бродского):

«КТО ЗНАЕТ — СКОЛЬКО ТАМ ЕЩЁ ОСТАЛОСЬ?...»

Чудо в забое, заваливает нас с Оличем матёрыми глыбами чёрной глины. Тем не менее я пишу, а Олич снимает на видео. Из-за того, что стены после Щелевых Ворот сплошь чёрные, снимать очень трудно.

Изматерившись, Олич оставляет съёмку и начинает отгребать. А то Чудо навалил < … >…

– Пойду, сменю нашего героя. Пока он с разгону не вылетел наверх — метра на три выше внезапно приблизившейся линии горизонта…

ЧУДО:

Меня сменили, добавлю немного отсебятины, а то отъеготина смотрится не очень. Забавляет, что мы ещё не сделали выхода — а уж завели Журнал, как у действующего входа… И взяли деньги на водку – бежать в магазин, как продолбимся. Но ни неба, ни звёзд, ни солнышка, ни даже старого прошлогоднего кострища с консервными банками на наши головы…

Есть много сказочно-прекрасных (и не очень) мечтаний,– как-то:

1. Пробиваем последний слой земли — и мне в объятия падает Прекрасная Чайница [положительная эмоция].[17]

2. Пробиваем последний слой земли — и на нас падает Хмырь с ящиком палёной водки [эмоция, положительная во второй своей части].

3. Пробиваем последний слой земли — и на нас падает Склизский Змей со спущенными штанами, присевший погадить и полюбоваться весенней распускающейся природой [отрицательная эмоция].

При этом лом окрашивается красным. Я – коричневым. [Крайне отрицательная эмоция.]

[далее несколько рисунков очевидного содержания]

СОМ:

В 17.00 ушли на обед; в 20.00 вернулись с Чудом. Насрав на усталость. Прём дальше вверх по четвёртому метру. Когда же кончится эта проклятая глиняная погань?

Перлы раскопочные:

РУЛЕТКА – АЛЬТИМЕТР ВЕРТИКАЛЬНОЙ СПЕЛЕСТОЛОГИИ.

---

[17] Выйти на поверхность, согласно топосъёмке, должны были неподалёку от верхней стоянки Склизского. Так как наверху уже должен был открываться наземный стояночный сезон, подобный вариант представлялся вполне естественным.

... А МОЖЕТ, НАД НАМИ НАСЫПАЛИ КУРГАН???

НАДПИСИ: «СОМИК & ЧУДИК БИЛИ ЗДЕСЬ»; «ПОВЕРХНОСТИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ!!!»

ПОВЕРХНОСТЬ – ЭТО ВООБРАЖАЕМАЯ ПЛОСКОСТЬ, БЕСКОНЕЧНО ОТОДВИГАЮЩАЯСЯ ПРИ НАШЕМ ПРИБЛИЖЕНИИ К ОНОЙ.

В 23.30 уходим спать.

21. 04. 01. В 11.30 пришли на пару часиков в это проклятое место Сом и Чудо.

Перл философско-пораженческий:

– А ЕСТЬ-ЛИ ПОВЕРХНОСТЬ???

: КАЖЕТСЯ — KEIN.

Тем не менее роем. Шестой метр пошёл – ***а свету ни хуя!!!***

Уходим под грузом вопросительных знаков в Мартингал.

И по дороге – к “Трём Охотникам”, в которых остановился (ради близости к Мартингалу) фотосъёмящий Мартингал Глеб.

У Глеба сегодня День Варенья.

Несём подарки – полные комбезы чёрной глины.

Чудо говорит, что больше он сюда не вернётся ни за какие коврижки.

Чёрная глина в волосах, в нательном белье и в обуви способна свести с ума.

22.04. 01. Пришли вчетвером – Сом, Олич, именинник Глеб и чуть было не дезертировавший из Гигиены Чудо. < Вчера, прежде чем идти к Глебу, устроили капитальную помойку всех себя — “стало легче”. >

: Копаем. Глина пошла хорошая, лёгкая. Скорость проходки такая, что Олич с Глебом еле успевают отгребать её внизу. Спускаюсь на помощь.

Все нижние каверны и щели забиты результатом нашего геморройно-скорбного подвига (задвига),– приходится транспортировать осыпаемое сверху Г. дальше, в следующие гроты. Один обваливает наверху пласт за пластом,– трое отгребают лопатами и ногами.

На восьмом метре Глеб сменяет Чудо. Глина пошла совсем лёгкая – достаточно пары тыков лопатой, и сама вываливается вниз.

Шурф из-за этого расходится кверху воронкой — но так хоть как-то можно удерживаться на его стенках (работаем, опираясь на крест-накрест воткнутые в стены длинный лом и большую лопату).

Иду менять Глеба, ибо копать становится слишком опасно.

Поднимаюсь наверх, перемещаю опорные лопату и лом выше, утверждаюсь на них,– и наношу по своду в стороне от себя Последний (как выясняется) УДАР.

С характерным “У-УХХ” мимо меня падает около кубометра чёрной юры — и надо мной открывается…

: Вначале просто непонятно что. Но – объёмное. Тяги воздуха нет, как нет ни звёзд, ни солнечного отсвета.

Врубаю налобный свет на-полную,– перемещаю лопату и лом выше,– и созерцаю сквозь пролом Каверну.

Свод купольного типа – явный серый четвертичный лёсс. Высота купола

от 1,5 до 3,5 м. Ширина ближней части каверны – от 3 до 5 м. Дальний край уходит вперёд этакой каплей.

: Естественная полость в глинах, на разделе пластов. Возникла в следствии обвального просасывания гипсовой юры в штрек ЖБК.

: Явление, “более чем редкое” даже в не страдающих однообразием естественных пещерах. Тем более, что на полу каверны – призматические, со стороной грани в 0,5 метра, “кубики” сверкающей антрацитом глины. Этакие псевдо-мега-кристаллы.

Вопрос “копать иль не копать дальше” даже не ставится. По очереди любуемся открывшимся естественным приращением Никит – насколько удаётся в него заглянуть снизу, ибо без лесенки туда не подняться – и уходим в Сапфир.

* * *

Поскольку лестницу нам сколотить не из чего, последние дни Пребывания заслуженно отдыхаем. И топосъёмим свершённые нами топологические изменения с подошедшей четой Никольских. С ними же выходим на поверхность.

Затем следует ритуальный майский хадж Никитского Круга в Старицу —

: К теме Гигиены возвращаемся только в июне. Кто считает, что её нужно взорвать – чтобы открылся выход, до которого уже явно не 8 метров породы (дай Бог, чтоб хотя бы три, и народ просто опасается ходить по этой части леса из опасения рухнуть в сотворённый нами верняком 18-метровый колодец),– другие полагают достаточным поставить в глиняной каверне радиомаяк и запеленговать его сверху.

Специалистов в области радиосвязи в НК не меньше, чем в области ВВ.

Третий вариант: забить в серый лёссовый купол трёхметровую трубу. Если она не покажется на поверхности – запеленговать миноискателем.

Мы с Алхимиком идём в Гигиену снять размеры во всех вариантах необходимой лестницы.

Поднимаясь по раскопу к каверне, я первым теряю сознание.

Пытаясь подняться после меня, Алхимик не достигает и половины моей высоты.

Внизу перед подъёмом ясно чувствуется присутствие H_2S. (Собственно, оно чувствовалось и во время раскопок – но когда это чёрная гипсовая юра благоухала “шанелью”?)

В раскопе никаких посторонних запахов не ощущается.

Никитские геологи начинают ломать копья домыслов.

«Чёрная глина – гипсовая, так что H_2S неизбежен. И ясно ощущается внизу.»

«А почему его нет выше?»

«Если концентрация H_2S выше 2 %, он наркотизирует обонятельные рецепторы – читайте Глинку!»

«Какую: серую или чёрную?» – ехидствуют оппоненты.

«Там явный метан, ведь чёрная глина – безкислородно разложившиеся болотно-морские останки!»

«А где были ваши газы, когда они её копали?»

: Между прочим – копали при свете плекса и свеч. Так что, “был бы метан – или сероводород в количествах выше 2 % – этих строк вы бы никогда не прочитали”.

— Как практик, я без лишнего трендежа пытаюсь выжечь эту погань. Хотя невиданный в других пещерах аттракцион набирает силу: *ну просто дивное развлечение охватывает всех молодых никитян — кто поднимется в нашем раскопе выше всех…*

: чумовой прикол. Хорошего в котором…

Однако выжечь заполняющий шурф газ не удаётся. Не то, что фитиль – плекс гаснет при приближении к раскопу. Хотя человек ещё дышит.

Заполнивший шурф и каверну газ оказывается азотом.

Гадать, откуда он там взялся – и почему его не было в шурфе, когда мы работали там, я не намерен.

Молекулярный вес азота лишь немногим меньше веса воздуха при +20° С и нулевой влажности.

В условиях почти стопроцентной влажности при +8° С эта разница чуть больше.

: вполне хватает, чтобы попавший в вертикальную ловушку азот “своим ходом” покинуть её уже не мог.

* * *

В результате этого Пребывания вертикальные размеры Никит возросли до уважительной величины: 22 метра.

К Никитам прибавился не только успешно пройденный *снизу вверх* 18-метровый вертикальный шурф в чёрной юрской глине – копать которую, вопреки расхожему мнению, всё-таки оказалось возможным < разумеется, при соблюдении тех норм раскопочной безопасности, что соблюдались нами > —

— Никиты получили приращение в виде естественной пещеры весьма необычного и действительно редкого генезиса.

Теория существования вторичных гравитационно-суффозионных полостей над каменоломнями получила зримое подтверждение. Между прочим, одно из следствий этой теории – крайне важное для сведения топосъёмки поверхности и находящейся под ней каменоломни: ***расположение воронок на поверхности не обязано соответствовать находящимся в каменоломне провальным конусам*** – конус может образовать над собой каверну без вороночного отображения на поверхности; воронка, в свою очередь, может быть следствием прососа породы в тектоническую трещину, с Системой не связанную – и может быть смещена относительно конуса на десяток-другой метров.

: Господа спелеоаэрологи и геохимики получили очередной хороший вопросительный знак.

Никитские оторвиголовы — абсолютно безбашенную развлекуху.

: и так далее.

: Полагать нашу попытку вскрытия Гигиены после этого глупой и никчемной может только тот, кто просто не понимает, что же такое спелестология.

Оно же — *спелеонавтика по-русски.*

Или подземожительство в самом точном значении этого слова.

ВНЕ ЗРЕНИЯ

“Чтобы смотреть, надо видеть.”

: Ф. Г. Лорка

У истории этой несколько частей. И хоть пребывания, о которых пойдёт речь далее, “длительностью не страдали” – значение их для спелеонавтики и кейвлайверства переоценить сложно.

Начнём с интернетного сообщения IVVVA – спелестолога из Тамбова[18]:

Мне показалось, что эта история интересна и поучительна...

Исходное сообщение в моем блоге:

[http://www.liveinternet.ru/users/ivvva/post125021552/]

Начнём с экскурса в далекий 2005 год. Привожу цитату из моего блога, касающуюся поездки в С-Петербург.

«Про Карину скажу отдельно, ибо встреча с ней меня в некотором роде потрясла.

Дело в том, что до этого мы виртуально общались уже больше года. Причем временами довольно активно, перебрасываясь многокилобайтными письмами. Мы встретились на ст. м. Площадь Восстания. Карина (в миру Катя) была с мужем. Гуляючи, мы добрались до Таврического сада, где присели на лавочку, дабы продолжить беседу. Разумеется, я и её муж начали хвастаться друг другу своими цифровиками... я предложил Кате посмотреть на снятые картинки... И тут выяснилось, что она СЛЕПАЯ! Сразу возникает вопрос, кто из нас более слепой? Может быть я, что за полчаса общения ничего не заметил? С другой стороны, способность видеть является столь естественной, что для усомнения в ней необходим явный повод. Я был в шоке, вспоминая все наши рассуждения о чисто визуальных вещах, о рыбах, о дивных видах, о ночной подсветке аквариума и т.п. Мне довелось посмотреть, как люди с

[18] Памятуя о важности свидетельств непосредственных участников События, их отчёты об оном даю лишь с самыми минимальными сокращениями и стилистической корректурой. Надеюсь, к столь пространным цитатам читатель отнесётся благосклонно — “ибо они того стоят”.

нулевым зрением работают на компьютере. Оказывается, всё просто: проблема решается установкой банальной говорилки, избавляющей от Брайлевских книжек и дорогого тактильного монитора. А потом до меня дошло, что она, должно быть, испытывала, читая начало от моей книжки, что я когда-то ей присылал. Наверное, введённая мной в сюжет слепая девочка, рисовавшая виртуальные картинки, задела Карину за живое...»

После описанных событий мы долго не виделись, Карина переезжала из города в город, разводилась и выходила замуж. Последний раз её занесло аж в Магадан, потом она вернулась в родной город в Смоленской области, а теперь вот приехала в Москву на курсы аранжировщика. Таким образом, у нас появилась возможность вновь пересечься. Причем воплотилась она в весьма неожиданной форме. Общаясь по аське, я, разумеется, много рассказывал Карине про пещеры и каменоломни, как оно там внизу, что я испытывал. И она попросила сводить её под землю.

Небольшая пауза на осмысление. Стандартная реакция людей, всегда имевших зрение и при этом никогда не бывавших под землей, выглядит примерно так: «А зачем ей?», «Что она там увидит?», «Зачем тебе лишняя проблема?». К счастью, у меня самого таких вопросов не возникало, ибо я вполне представлял себе, что Карина сможет испытать под землей.

Таким образом, 17 апреля 2010 г. я прибыл в столицу нашей Родины Москву.

Встречу мы назначили на ст. м. Пушкинской.

Карина появилась, ведомая неким случайным гражданином. Здесь она передала функции поводыря мне, сложила палку, и мы направились на Домодедовскую. Учитывая её опыт слепохождения, водить её оказалось очень легко, и мое озвучивание попадавшихся на пути препятствий (лестница, ступенька) было на самом деле необязательным.

В автобусе она достала внешний GPS модуль для смартфона, легко определила наше местоположение, и в дальнейшем периодически «прикладывалась к трубке», сообщая мне подробности о нашем движении. По её словам, с помощью GPS она стала неплохо представлять себе окружающее пространство. Я порадовался, увидев перед собой пример использования высоких технологий для действительно полезного дела.

Дорога до п. Володарского заняла у нас 40 минут. Мы зашли в магазин, где я купил кваса и бананов. Карина, как оказалось, с некоторых пор перешла на исключительно вегетарианскую пищу. Пахру пересекли по всё ещё закрытому для машин новому высокому мосту. Далее хорошо знакомый путь через поле до оврага. Над полем носился свежий ветер и сумасшедший жаворонок, глядя на которого создавалось впечатление, что его чириканье и взмахи крыльев также взаимосвязаны, как вращение колесиков и повороты головы у игрушек, которые дети катают за веревочку.

Вот знакомая свалка и спуск в овраг. Здесь пару раз я начинал тупить, ведь впервые оказался в этой местности не зимой. А без снега всё выглядит по-другому, и тропинки обозначены не так отчётливо. Так что пару раз мне приходилось оставлять Карину караулить вещи и отправляться на разведку.

Заветный колодец мы благополучно нашли. Переоделись в подобающие одежды и приступили к спуску. Здесь, опять же, никаких проблем с Кариной не возникло. Оказалось вполне достаточным подвести её к краю колодца и словесно немного корректировать её спуск. Первый раз она спустилась, обнаружила вход в шкурник и поднялась обратно, т.к. первым всё же решил лезть я. С некоторым замиранием сердца я заглянул во вход, ожидая увидеть там глубокую лужу ледяной грязной воды, через которую нам пришлось бы проползти, ибо теперь уже никакая лужа не заставила бы нас отказаться от задуманного. К великому моему облегчению, лужи не было. Осталась только густая влажная глина. Грязная, но вовсе не такая страшная.

Предметов клади у нас оказалось три. Икейский пакет я дал Карине, а сам пополз вперед, толкая перед собой строительный мешок и таща ногой транс. Так мы легко преодолели путь до Журнала. Ритуальная посиделка перед журнальным камнем. Записываемся как Ivvva и Satori. Согласно журналу, предыдущие люди забрасывались аж неделю назад, а на текущий момент в системе находились только мы вдвоём.

И тут появились они: летучие мыши! Их было две, они вынырнули откуда-то со стороны забутованного прохода в Лукоморье, поносились в прижурнальном пространстве, едва не цепляя нас крыльями, и умчались в темноту. Я им обрадовался, как родным. До этого в Володарах видеть мышь приходилось только раз, она промелькнула где-то на пределе видимости и исчезла. Объясняется это, опять же, просто: раньше я никогда не был здесь в тёплое время года, а зимой мыши неактивны.

Карина, а вместе с ней и я, окончательно поняли, сколь правильна была моя мысль захватить с собой каску. Количество раз, которое моя попутчица посчитала головой самые разные препятствия, думаю, выражается трехзначным, а может и четырехзначным числом.

Всё наше дальнейшее пребывание сопровождалось моими комментариями типа «чемодан справа», «чемодан слева», «идём по такой-то стенке», «снижение потолка», «каменюки», «лужа», «пригнись», «ниже», «ЕЩЁ НИЖЕ», «ползём». Хотя, на самом деле, польза от этих комментариев была довольно условна. Разве что, они немного ускоряли продвижение и чуть сокращали количество ударов каски об потолок. Зато я привык всё комментировать, и потом некоторое время пытался предупреждать зрячих людей о различных препятствиях.

С вещами мы добрались до развилки у колеса. Сначала возникло у меня желание остановиться в Старом Замке, как обычно, но я решил иначе. Старый Замок тесен и предполагает во многих местах передвижение по ракоходам и шкурникам, а учитывая особенности некоторых из нас, это было бы неудобно. Поэтому мы просто бросили вещи на развилке и отправились исследовать систему. И мне это было снова интересно, т.к. в этот раз я забыл про карту, и приходилось полагаться только на память и на “обум”. Впрочем, Володары словно специально созданы для ориентирования без карты – заблудиться здесь проблематично.

Я пронаблюдал за Карининой “эхолокацией”. Она действительно довольно

чётко угадывала боковые ответвления, расширения и, иногда, предметы. Бывали, правда, и ложные срабатывания, когда она переспрашивала «а что там?» про места, где не было, вроде бы, ничего.

Вышли в Алису, немного повалялись на расстеленных там пенках. “Немного” по пещерным меркам – это примерно такое количество времени, через которое коварный подземный холод начинает явственно заползать под одежду. В среднем, думаю, это минут 10-20. Вариант встать в Алисе был принят к рассмотрению.

В Золотой Осени был бардак и откуда-то издалека несло туалетом, так что её мы отвергли.

Кит расстроил: какие-то уроды устроили здесь сортир на самом проходе и немного попортили одну из изваянных в камне морд.

В итоге выбор наш пал на Платоновщину. Здесь было дивно, почти не намусорено, хороший стол и спальня с пенками. Вернулись к вещам, попутно закрепив в памяти путь до развилки, перебазировались, разложились, обосновались. Вымотанные переездом, утеплились и сели пить чай. Т.е. чай пил я, Карина же только клевала бананы, превратившиеся в процессе транспортировки в банановую кашу, которую она наощупь приняла сначала за колбасу и долго не могла понять, откуда она у нас?

Поиграли дуэтом на хомусах-варганах, поснимали видеоролики, затем уселись “немного посидеть”. Здесь “немного” оказалось весьма длинным, потому что были мы уже утеплены, и холоду не так-то просто оказалось нами овладеть. Накатила подземная лень, когда не хочется делать уже вообще ничего, даже раскладываться на сон, и если б не холод, можно было бы просидеть так много часов. Но холод – не тетка. Поэтому спустя какое-то время мы все-таки совершили совместное волевое усилие и направились гулять.

Погуляли продуктивно. Пролезли в Лукоморье через Кеглю, затем в Тавровую, в Микитавр и, разумеется, в музей, где Карина смогла ощупать и заценить Ёжика в противогазе.

Здесь начала сказываться усталость. Присаживаясь «немного» посидеть, сидели мы с каждым разом все дольше и дольше, и вставать было все более и более лень. Вернувшись на базу мы расстелили ковры и спальники и приступили ко сну.

Условное пещерное утро. Карина встала первая по зову организма. Вот здесь я и понял, каким правильным было решение встать здесь. Путь от грота до ближайшего туалета однозначен, хотя и проходит по ракоходу, так что я смог спокойно долеживать в теплом спальнике, в то время, как Карина самостоятельно добиралась до нужного пункта и обратно.

Утренняя пещерная лень. Самая тяжелая, потому что надо собираться, паковаться и идти на выброску. Процесс этот был долог, сопровождался питьем чая и собиранием мусора в пакеты, ибо взялся я очистить Платоновщину до блеска. Дотащили вещи до выхода. Последний раз посидели, слушая шелест крыльев носящихся вокруг летучих мышей. Выписались из журнала, входной шкурник, выброска. Огромный строительный мешок с мусором даже не прорвался при вытаскивании через шкурник, что было прекрасно.

На выходе, как водится, долго переодевались, перепаковывались, собирали мусор (последнее, по понятным причинам, делал только я). Обратный путь через поле, пронизывающий ветер, автобус до Домодедовской. Здесь я доехал с Кариной до её оранжевой ветки, и мы расстались.

Что я еще могу сказать про Карину? Она удивительный человек. Ее энергия и интерес к жизни поражают, но при этом не подавляют. С ней легко и приятно общаться. Разговор идет сам, без неловких пауз, темы словно приходят извне, никакого напряжения. Она совершенно самостоятельна во всем, в чём можно обойтись без зрения, в том числе активно пользуется такими благами цивилизации как компьютер, смартфон и GPS. Определяет себя как визуала (осознавая при этом, что ей было бы выгоднее быть кинестетиком), постоянно оперирует в разговоре различными визуальными понятиями, описаниями предметов, цветами, из-за чего часто забываешь об отсутствии у нее зрения.

По случаю нашей заброски она купила себе спальник. В дальнейших планах (сейчас некоторые воскликнут «зачем это ей?!») ходить в походы. Очень впечатлилась она моими рассказами про Дивногорье и Костомарово, теперь собирается посетить.

Вот несколько роликов:
http://www.youtube.com/watch?v=8WgD1nUDFAc
http://www.youtube.com/watch?v=0-ZqPsIEFb4
http://www.youtube.com/watch?v=_LQ1eayAiqw
http://www.youtube.com/watch?v=bqGTcZVV678

А теперь – рассказ о том же самом главной участницы События:

С 17 на 18 апреля 2010 года с ночёвкой я и Саша ака Ivvva из Тамбова забросились в подмосковные каменоломни, что близ пос. Володарский, называемые в народе Володары. С Сашей мы знакомы аж с 2003 г., с тех пор, как у меня появился инет. Нашлись, переписывались, общались за жизнь. Ivvva много помогал мне в интернет-проектах, которые я делала, соколиным оком отмечая мои мега дизайнерские баги :) Мы много юморили, философствовали, радовались и даже грустили через много букаф и аську :) Встречались мы всего два раза. Впервые – в 2005 г. в Питере прогулялись по центру, заглянули в гости к нам с Андреем. И второй раз в 2010 в Москве – для заброски в Володарские каменоломни.

В Володарах Ivvva бывал неоднократно, о чём в его блоге есть несколько заметок. Ещё в 2009 г. удивил меня тем, что в подмосковье пещеры бывают, хоть и искусственные. Я, конечно, возмечтала побывать там... А тут случилось мне собраться в Москву на учёбу, о чём я другу и рассказала между прочим. И вдруг он, как мне тогда казалось, пошутил: «Приедешь в Москву, пиши, я подъеду – в пещеры вместе забросимся». Ну я решила поверить в серьёзность и реальность происходящего, сказав, что обязательно забросимся! Но перед этим несколько раз спросила: правда ли, что мне можно на эту заброску рассчитывать? Получив утвердительный ответ, задумалась :) А потом волчком закрути-

лась: «Крууууто!!!» В пещерах побывать – это вам не картошку сажать на майские праздники :) Хотя, как знать: вдруг у вас под дачным участком неисследованные пещеры? :)

Из дома, конечно, ничего для пещер не взяла, да и в Москве сначала столько было событий и впечатлений, что не сразу написала Саше о своём там житии и о том, что было бы отлично до каменоломни добраться вместе. Условились с ночёвкой с 17 на 18 апреля. А у меня нет ни спальника, ни пещерной одежды, ни даже тёплой одежды, чтоб в десятиградусный плюс в пещерах при стопроцентной влажности не промёрзнуть насквозь. Начала туристический сезон покупкой спальника, потом сгоняла в секонд хенд и взяла на развес курточку и штаны типа непромокашка. А потом – с миру по нитке, в буквальном смысле. Однокурсники и добрые люди снарядили счастье-туриста в поход. Коля дал тёплые носочки и кофту, Марат – олимпийку, Надежда Леонидовна модную шапочку принесла, Лёша предложил спортивную форму, в которую вместилось бы трое меня :) Остальной инвентарь обещался взять для меня Ivvva. Особенно обсуждалась необходимость строительной каски, над чем я всё время посмеивалась. Но зато впоследствии убедилась, что для меня это была самая ценная, вернее даже бесценная вещь в московских пещерах.

Итак, сразу с учёбы я поехала на встречу Саше, который к тому времени уже успел посетить любимый макдак и магаз спец.одежды. С рюкзаком, набитым до отказа, к которому был привязан спальный мешок и с пакетом, где лежала моя пещерная еда: апельсины и яблоки, и конечно, с самой собой :) я прикатила на ст. метро Пушкинская, где мы и встретились. Может Саше было бы сложно узнать меня, так как за последнее время со мной произошли значительные изменения, но белая трость – отличный индикатор для таких встреч.

Встретились, как давние друзья и бывалые пещеролазцы :) Я сразу зацепила сашин транс. Не в смысле, что он в трансе был, а это такой непромокаемый рюкзак, похожий на длинный круглый сосуд – мега вещь – и спецом для пещер. Легко доехали до ст. Домодедовская, и, сев на 367 автобус, отправились к месту назначения. Я включила gps-навигатор и отслеживала, где мы сейчас находимся. С отличной базой Москвы это было занимательно, но гораздо интересней складывался наш разговор. Саша рассказывал о пещерах и о других местах, куда он путешествовал. Я слушала с мыслью, что туризм в моей жизни, кажется, только начинается, но мне не хочется, чтоб он закончился. Было здорово общаться с человеком просто и открыто – это нечасто бывает, наверно, когда есть общие темы и точки соприкосновения в восприятии этих тем, но в то же время абсолютно разный опыт жизни. Автобус довёз нас до места назначения как-то быстро, незаметно. Здесь мы заскочили в магазин докупить еды. Поскольку я питаюсь овощами да фруктами, то заявила, что бананы – это самая пещерная еда, над чем впоследствии долго смеялись мы оба, так как пещерная еда превратилась в кашу в результате таскания её по камням через шкурник в пакете. Саша купил квасу да хлеба, после чего мы схватили вещи и пошагали. До колодца идти где-то километра четыре через мост и поле – прекрасные места, дивные виды, как говорит Ivvva.

Река Пахра, верхний и нижний мост через неё, сюрреалистическая фабри-

ка и просторное поле. А ещё над нами кружили птицы и ветер. И было так здорово идти с быстрой скоростью, ощущая вес рюкзака за плечами и свежий ветер в лицо!

После некоторых сомнений (так как Ivvva был здесь только зимой) нашли колодец – спуск в пещеру.

Скинули рюкзаки, достали "пещерную" одежду и переоделись. Потом сложили всё покомпактней, так что с собой нужно было тащить транс и два пакета. Я натянула каску – подругу всех незрячих спелеологов :))

Послушав природу и вдохнув свежего воздуха, полезла исследовать спуск, поскольку вползать мне предстояло вслед за Сашей. Сначала тупо не могла понять, где там оговариваемая лестница и как вообще спускаться, но постепенно всё нащупалось и уяснилось. Итак, Ivvva полез первым, я за ним. Прощай, природа и ветер, встретимся скоро, надеюсь. Из колодца пахнуло сыростью, но так маняще пахнуло :) Спустившись, я встала на четвереньки и сунулась в шкурник; оттолкнулась, легла на живот и поползла по-пластунски. Каска спадала, поэтому приходилось ловить её головой или придерживать рукой, в зависимости от ширины шкурника – увлекательное занятие :) Впереди слышался голос пещерного шамана... Вот он уже присел в темноте за воображаемый столик и раскрыл Журнал регистраций. Я же доползала свою часть шкурника, волоча пакет. Наверное, такие ощущения испытывает рождающийся ребёнок. Особенно интересно чувствовались узкие места туннеля, где нужно, отталкиваясь от скользящей грязи только ступнями и ладонями, перемещаться вперёд. И, о благо, свет фонарика, как свет поезда, едущего навстречу с того желанного конца туннеля.[19]

Вот я выползла к Журналу, счастливая и довольная, вся в грязи плюхнулась на бок – как клёво просто так помеситься в грязной луже с ног до головы! Сбываются частично нереализованные детские желания :) Привыкаю к темноте и к необычной плотной тишине.

Саша читает Журнал. Выясняется, что на этот раз, кроме нас, в пещере никого нет. Вписываем свои имена на скрижалях и двигаемся дальше. Дойдя до колеса-развилки, оставляем вещи, чтобы прошвырнуться по каменоломне и выбрать место стоянки, хотя, у меня чёткое ощущение, что мы просто неопре-

[19] Из чего следует: свет Карина видит. Но не более… [С. Сом]

делённо прогуливаемся. Остановились и повстречали летучих мышей. Сначала я их не услышала, но потом уж не пропускала. Перепончатые крылья рассекают воздух, мыши летают в нескольких сантиметрах от нас, носятся по пещере, аки гонщики, а потом садятся неведомо где на стены и прихорашиваются. Всё время забросками мы этих мышек подкарауливали и радовались, когда они пролетали мимо. Многие говорят – страшно, а по мне так очень здорово! Кажется, они тоже нами интересовались :) Любопытно, как у них эхолокация работает отлично. Слушала я шум их полётов и думала, что надо бы мне такую развить, чтоб в пространстве с помощью отражений звука ориентироваться лучше, чем умею сейчас.

Родная моя строительная каска :) мне не приходилось контролировать крышу, чтоб её не снесло от удара о ближайший чемодан, сиречь каменный выступ, потому что чудо-шляпа отлично амортизировала удары. Голова ничего особого и не ощущала, только слышала: «Бах-бух». А я шевелилась, шла за Сашей на свет фонарика, стараясь ничего в ощущениях не упустить. На какое-то время фонарик выключился. И мега пещерный человек решился пройтись хоть и с открытыми глазами, но без фонаря, чуть-чуть почувствовать себя в моей шкуре. Каски у Саши не было, но всё обошлось. Минут 15 я шла вслед за ним в пещерной темноте, которая, на мой взгляд, не была такой уж абсолютной, какой я привыкла видеть темноту. Ivvva впечатлился такой бесфонарной ходьбой. Кажется, что-то в этом есть :)

Иногда мне нравится смотреть в центр темноты. Абсолютная темнота, она, как дыра или глубина. Ощущение бархата в ней присутствует. И нет просветов, даже галлюцинативных. Но когда я привыкла к темноте пещерной, она казалась мне рассеянной, с проблесками свечения. Иной раз мне на пути попадались такие участки каменных стен, в которые я всматривалась, различая некую их самосветимость или блики-искорки. Таких участков было довольно много, поэтому впоследствии я перестала тормозить на них ход своего движения. Но ощущение пещерной самосветимости осталось во мне, как неопровержимое знание чего-то необычного. Да и вообще, темно не было в том смысле, как я привыкла понимать кромешную темноту. И так было при выключенном фонарике и без свечей. Самое забавное, что в обычном подвале такой светимости не вижу.[20]

Ещё я старалась использовать в полную мощь навык эхолокации, но иногда меня глючило, и я принимала одно за другое :) Иной раз предполагала повороты и лазы там, где их не было. Вероятно, это просто впадины в камнях давали такой эффект. Предстоит мне ещё внимательней изучать данное явление. Вот породнюсь с летучими мышатами...[21]

---

[20] Курсив мой – С. Сом. Потому что считаю этот момент в описании Кариной своего подземного хаджа основополагающим.

[21] Как следует из этого абзаца, несмотря на некоторое “виденье света”, основная ориентация Карины в окружающем пространстве — звуковая. Но под землёй она начинала давать сбои, конфликтуя с эниологической ориентацией (тоже не стопроцентно-точной). [Прим. С. Сом.]

Мы прошлись почти по всем гротам первой подсистемы. Каждый из них вызывал определённые ощущения. В Алисе сразу захотелось остаться. Мы улеглись там на пенки, и провалялись бы, наверно, до следующего дня, если бы не пронизывающий влажный холод, который проникает сквозь слои одежды уже через 10 бездвижных минут. Решили не оставаться в Алисе на ночь, потому что спать на полу под сквозняком не улыбалось. В итоге решили остановиться в гроте Платоновщина, где есть очень уютное местечко Трезвон, названное так, наверное, за звенелки, висящие на потолке. Платоновщина и Трезвон мне по энергетике очень понравились. Это были места пещеры, где чувствовалась безопасность и уют. Видимо, хорошие люди здесь бывали часто.

Определившись с местом стоянки, вернулись за вещами к развилке через чувака, который, словно йог, сидит на распутье в медитативной позе и не реагирует на приветственные поглаживания перчаткой и объятия. Кстати, чувак этот мне очень по душе пришёлся: не буйный. Я с ним всё время здоровалась, похлопывая по условной коленке. А ещё недалеко от выхода из Платоновщины стоит камень, через который можно перелезть, только огладив его какой-либо частью своего тела. Мы предпочитали садиться на него пятой точкой и перекидывать ноги. Камень, почти наверняка, свалился с крыши в поисках человеческого тепла. И вот теперь – не проходи мимо. На нашем пути ещё встречался водокап: плёнка, натянутая таким образом, чтоб собирать капающую воду, которую можно брать для приготовления пищи.

Перенесённые вещи мы разложили так, чтоб хоть что-то можно было найти, спальники положили в нишу для ночлега. Саша достал свечи, чайник, примус, газ, сходил за водой и поставил чай. Я зарылась в пакет в поисках самой наипещерной еды: бананов. Ощупывая содержимое, долго не могла врубиться, что за колбаса. Оказалось, это всего лишь помятые в кашу бананы, сохранившие условно банановую форму благодаря кожуре. Что ж, надо съесть, если уж притащила.

Усевшись на каменные пеньки за каменный стол со свечами и шумящим чайником, я принялась за бананы, а к тому времени и сашин чаёк подоспел. Как чудно мы трапезничали, сидя друг против друга! И свечки отбрасывали свет по каменным стенам грота.

Сложно вспомнить суть нашего незатейливого разговора, но зато ощущения – лёгкости и простоты.

После спуска под землю сразу заметила очевидные перемены в сознании и восприятии. Если идёшь, то хочется идти и идти, не останавливаясь, есть какой-то непонятный стимул двигаться, действовать. Но стоит присесть – и можно просидеть, кажется, вечность. Течение времени искажённое, наверно, из-за пещерной статичности.[22] Всякий раз, когда мы, приходя в некое место, садились на камни, встать и двинуться дальше было нелёгким занятием. Влажный холод пробирался сквозь одежду, но состояние оставалось как бы трансовым, гипнотическим. Краешком сознания я фиксировала происходящее.

[22] Опять же: важнейший момент в восприятии Кариной Подземли. [С. Сом.]

Большая моя часть уходила внутрь, в медитацию, растворялась, тело как бы обездвиживалось – всё это напоминало просоночное состояние, будто попадаешь в плен невидимых сетей. В этих ситуациях сознание отслеживало даже некое опасение остаться так вот сидеть на долго, потерять ход времени и забыться. Чтобы выйти из этого состояния и куда-то пойти, требовалось прямо нечеловеческое усилие. Ничего подобного на поверхности земли я не испытывала. Часто хотелось залечь между камней поглубже и застыть.[23]

Пещерный климат тоже своеобразный. Когда двигаешься – жарко, когда обездвиживаешься – холодно. Это вроде как естественно, но только почему-то движение согревает мгновенно, а вот статичность охлаждает постепенно. Какая-то стрёмная ассоциация с незаметным охлаждением тела, с очень постепенным замораживанием и анабиозом. Вот так мы и охлаждались, сидя за столом. Через некоторое время кому-то из двоих пришла-таки умная мысль одеть всё, что есть. Тут-то пригодились кофта, олимпийка и шапка. Кстати, шапка – мега вещь, так как тепло уходит через макушку. В общем, я даже спала в шапке. Забавно козырёк из спальника торчал :)

И тут Ivvva достал варган (как я потом выяснила, се есть венгерская доромба). Я тоже раздобыла свой алтайский хомус, и зазвучала музыка!

[23] Ещё один важный момент, напрямую связанный с нашим “сенсорным голоданием”: у человека, оказавшегося под землёй “вне зрения”, оно на порядок выше, чем у оснащённого светом и зрением. Причём даже если Карина, “по жизни” привыкшая к условности зрительных наших рецепторов, ощутила действие этого разрушающего психику фактора по полной программе — можно представить, как этот фактор влияет на человека, априори привыкшего к доминанте зрительного восприятия мира. [С. Сом.]

О, как благостно разливались звуки двух варганов по пещерному гроту, как великолепно звучали инструменты в малую терцию! :) И хотелось играть, играть, главное, чтоб никуда не двигаться. Музыка завораживала, но вместе с тем оживляла гипнотическое пространство. А потом из-под какого-то камня крыши грота, которая у него – у грота – очевидно, чуть съехала, на нас снизошёл дух креатива, пещерный муз с элементами шаманизма. Саша достал фотик, разыскал штатив, художественно организовал пространство и сделал необходимые светооформительские штуковины. Тем временем я училась по-настоящему шамански варганить, делать страшные грозные глаза пещерного шамана с пометкой "пьяный", правильно лежать в камнях и восставать из них с грацией столетнего крепкого пещерного жителя.

В то же время, вместе мы над всем этим ухохатывались :) свершая магические пассы на все восемь чудес света. Итак, наше видео, копирайты и копилефты которого защищены всеми пещерными духами и шаманами мира, пойдёт на конкурс чукотских клипов, однако :) рассчитываем на призовые места :)

Вдоволь накреативившись, пошаманив и усмеявшись всласть, мы решили вдохнуть свежего воздуху, тем более, Ivvva сообщил, что вылезти из пещеры в ночь, услышать природу и учуять ветер — это прекрасно и незабываемо. Взяв мобильные телефоны, мы отправились на улицу. По дороге встретили летучую мышку, рассевшуюся (или зависнувшую) на стенке. Хотели сфоткать, но мой мобильник не справился с задачей. Ах, вылезти на улицу было, действительно, благом! Не зря говорят: всё познаётся в сравнении. Посидели на скамейке, позвонили друзьям, подышали – и нырнули обратно. Приземлившись у Журнала, слушали шелест крыльев летучих мышей, которые летали даже через шкурник с огромной скоростью. Потом, добравшись до Платоновщины, посидели немного, а затем пошли исследовать Володары. Это была самая

большая моя экскурсия по каменоломням. Странно, но я не уставала совершенно, хотя заманчиво было где-нибудь присесть и отдохнуть, что мы периодически реализовывали. Но в пещерах очень тяжко начинать движение, о чём я уже рассказывала. Саша сказал, что тоже не устал, потому что мы ходили с небольшой скоростью: с такой, чтоб я могла переступать неожиданно появляющиеся на пути камни, опционально обходить лужи и выруливать на четвереньках или на пузе в низких местах каменоломни.

Володарские пещеры состоят из трёх подсистем, и мы посетили их все. Особенно мне запомнились великолепные шкурники, именно те места, где рука не сгибалась в логте, и невозможно было держать каску. Из гротов запомнились музей Ёжика и Микитавр.

В музее Ёжика поделки из глины, которые пещерные "проходимцы" ваяли своими руками и творческой мыслёй. Почему Ёжика? Потому что центральная фигура, из-за которой всё и случилось – большой ёжик в настоящем противогазе. У этого товарища даже колючки вылеплены очень здОрово! Такой себе ощетинившийся ёж во время газовой атаки :) Я и дотрагивалась до него очень осторожно, чтоб колючки не пригладить и самой не уколоться :)

Второе место – грот Микитавр – самый высокий грот каменоломни, произвёл на меня тяжеловатое впечатление. Акустика в нём иная, вероятно, из-за размера пространства. Мы с Сашей зашли и уселись на каменные пенёчки за низкий большой троличий стол. И тут на меня нашло нечто. Понимая, что ни за какие ковришки не хочу здесь оставаться, что это место явно не для ночлега, потому что оно излучает некую неизъяснимую опасность для моего внутреннего мира, я начинаю входить в просоночное состояние, приближаясь ко сну. Прямо так и крутится ассоциация: «Ваши веки тяжелеют, тяжелеют, тяжелеют... Глаза закрываются... Вы полностью расслаблены, тело расслаблено... Вы засыпаете, засыпаете, спите...» Даром что было уже далеко за полночь, но место явно накладывало свою печать на моё состояние. Наблюдающий краешек сознания начинал тонуть в просоночных галлюцинациях. Голова улеглась на ладошку, глаза закрылись под ощущением тяжелеющих век. Не знаю, сколько времени мы молча сидели в стенах Микитавра, но – один рывок – и мы поспешили вернуться в нашу шаманскую заводь: в Платоновщину.[24]

Проползая все шкурники, я умудрилась извозиться в грязюке от всей души, чему несказанно радовалась моя скучающая по озорничанью душа. Как хорошо шлёпать по грязи руками, потом влезать в грязевую лужу коленками за неимением альтернативы! В Платоновщине Саша зажёг свечи, поглядел на меня и романтишно произнёс: «Мечта поэта». После чего схватился за фотоаппарат, чтоб мечту не упустить :) […]

Посидев немного, мы вылезли из верхней грязной одежды, расстелили в нише пенки, забрались в спальники и отошли к морфею. После такого насыщенного дня сон был крепким, но прерывистым. Я умудрялась чуть-чуть замерзать, точнее зябнуть. Но интересная штука обнаружилась ближе к

[24] Обращаю внимание читателя на очувствованную (и хорошо переданную) Кариной связь подземного пространства и шаманизма. [С. Сом.]

условному утру, потому что утра, как такового, не было. Моё тело ждало услышать утренних птиц, увидеть, как светает, обнаружить хоть какие-то приметы зарождающегося дня – но ничего подобного не происходило. Понимая, что нахожусь в пещере, я открывала глаза и ждала чего-нибудь похожего на рассвет. Ожидания не оправдывались, и какая-то часть меня стояла на стрёме. В пещере всё совсем иначе, чем на поверхности земли. Разум это понимал, но другая моя часть всё равно не могла так быстро приспособиться к гномьей среде обитания.

Утро наступило, когда магическим движением руки Ivvva извлёк огонь и зажёг свечи! Потом поставил чайник, затем испил чаю. Я мужественно точила фрукты, чтоб не тащить их на землю. Потом мы начали вялотекущие сборы в обратный путь. Сборы сопровождались феерией огня, разливающегося из газового баллончика по каменному потолку, вспыхивающего огромным шаром вверх и змейкой вертящегося на полу.

Ivvva собрал весь мусор, что был оставлен кем-то в Платоновщине, также взял тот мусор, что валялся по пути к выходу. Итак, мы добрались до шкурника. Вписали дату и время выброски в Журнал. Посидели немного в обществе летучих мышов. На этот раз я вылезала первой. Шкурник кажется бесконечным, когда не слышишь и не видишь впереди ползущего. Но вот в лицо мне подул свежий ветер, я учуяла запах травы и земли. Ураааааа!!! И снова это сравнение, когда начинаешь остро ощущать и больше ценить тот кусочек пространства, где есть этот ветер, птицы, зелёная трава, небо и солнышко...

Вот я стою на дне колодца, слышу, что происходит вверху. Из туннеля свет фонарика, но это не проходящий поезд, а выбрасывающийся на поверхность земли шаман. Лезу по лестнице вверх, и вот я уже сижу на краешке колеса и дышу глубоко.

Следом Ivvva, который, кроме всего прочего, помог поднять мой пакет наверх, потому как у меня на этот подвиг уже сил не хватило.

Довольные и счастливые мы фотографируем эту выброску, потом переодеваемся, пакуемся и собираемся в дорогу окончательно. Выясняю, что умудрилась даже оставить свою парадно-выходную одежду чистой, так что сменить пришлось только обувь. Фото в цивильной одежде, и мы отправляемся в обратный путь.

На этот раз идём молча, сворачиваем пережитый пещерный опыт в одно переживание, перевариваем. Снова поле, сильный прохладный ветер. Ivvva решил провести меня по нижнему мосту через Пахру. В очередной раз удивилась быстроте этой реки. Постояли на берегу, Саша запечатлел сей момент на фото и видео.

Я ощущаю усталость тела и бодрость духа. Конечно, тело с непривычки, после долгого времени работы за компом немного не в теме было, но хватало сил, чтоб двигаться и нести вещи. И ещё – радоваться всему происходящему в настоящий момент. Снова 367 автобус, московские пробки, но такая благодать! И вот мы в метро. Проводив меня до Кольцевой, Ivvva поехал своей дорогой, а я в гостиницу, где обитаю всё время обучения. Снять усталость и пермонентную мерзлявость помогли горячий душ и ребята, которые ждали меня с радостью и которым я рассказала всё то, что написано выше.

Вечером из поезда позвонил Ivvva. Так хорошо было перекинуться парой слов с человеком, с которым вместе было мега приключение :) И снова хочется куда-нибудь двинуться в его дивном обществе. В общем, продолжение следует. Саша приглашает в гости в Тамбов, и я обязательно доберусь к нему на каких-нибудь московских выходных. Похоже, у нас много непереговорённых тем и необхоженных дорог, пещер и других зачётных мест :) Сказать, что я бескрайне счастлива = ничего не сказать... Саша сделал мне подарок, который никогда не забудется. И чтоб уж довершить сентиментальную нотку, взмахиваю магиче-

ским мечом и колдую: «Пусть в нашей жизни свершаются всё новые и новые совместные мега вылазки! Да будет так!»

А теперь, от своего имени, я поведаю о продолжении этой истории:

Прочитав выше поведанные отчёты, я списался по Инету с Сашей; он с Кариной.

Естественно, для второго посещения Подземли я предложил им любимые Никиты.

Предложение сопровождалось очевидной оторопью: Никиты – сложнейший пересечённый лабиринт,– и по топологии своей, и по трудностям перемещения с Володарами не сопоставим.

– Тем не менее, предложил.

И ребята согласились.

Выбрали день — он совпал с отмечанием в нашем верхнем лагере ДР одного из основателей Никитского Круга, Длинного Киры,– нашего Главного звукооператора.

Встретились утром в субботу на ст. метро Чертановская, загрузились в мой УАЗ и поехали. На выезде из Чертанова отказало зажигание. 30 минут непредусмотренной паузы, 30 минут ремонта.

: Едем дальше. М2, стяжка Домодедово/Подольск,– Никитское, наш Верхний Лагерь.

Много народу. Представляю Карину и Сашу.

К Карине у всех чуть ни отеческие любовь и забота. Особенно у наших девочек. Рыжий оснащает Карину своей личной петцелевской каской. Добровольную группу сопровождения (уже готовую, если понадобиться, обеспечить срочную выемку на поверхность Карины) рассеиваю железным:

– Надо будет — позовём. А пока сидите и пейте. То есть, пойте.

После кострового общения и естественого ‘обедавтрака’ спускаемся вниз: я, Карина и Саша.

Наши психологи стонут, что им не позволено сопровождать воочию гуляние Карины по Никитам. Но группа более трёх человек для Никит – нонсенс. О понимании, очувствовании пещеры,– посещаемой при том в первый раз в жизни – в такой группе можно забыть.

Вход; Журнал. Ноголом привходового грота, шкурник МИФИ. Далее 40 метров прямого никитского хайвэя – можно даже бежать, если согнуться полураком и придерживаться рукой свода: в паре мест он очень предательски выпирает углами просевших плит.

Старательно комментирую каждое своё движение для Карины, двигаюсь очень медленно. Предупреждаю о каждом выступаюшем со свода угле плиты, трещинах и валунах пола.

Поворот на Четвёртый Подъезд; экскурс к месту гибели В. Шагала, постановка ритуальной Свечи.

Мой рассказ о тех далёких событиях в качестве адаптации к Никитской пещере. Посещение двухэтажного гостевого КД.

И начинается самое важное: хадж по относительно стандартному чайничьему маршруту с заходом в Сумасшедший Барабанщик.

: Маршрут стандартный – для физически крепкого чайника. Оснащённого светом.

И понятное дело — зрением.

Идём,– точнее, движемся – вначале через шкурниковое сплетение Коммунизма. Я в любой момент готов повернуть обратно.

Описываю каждое движение руки и ноги – понимая при этом некоторую бесполезность своего описания: ведь я описываю каждое *своё движение* – то есть движение человека с 30-летним опытом никитского бытия.

И соответствующего сознания.

И осознания нашего подземного пространства тоже.

А Карина и Саша – чайники. Причём один из них… как бы это сказать… В общем, движется без света. И свет наших налобников ему нисколько не помогает. Разве, иной раз, ‘сильно беспокоит’ – ибо свет Карина видит, и наш электрический свет ей только мешает.

Дезориентирует в подземном пространстве.

К моему удивлению, шкурники Коммунизма Карина преодолевает практически с той же скоростью, что и я. Конечно, я не тороплюсь –

Но даже моё неторопливое движение по родным Никитам много быстрее движений пыхтящего чайника.

А тут меня догоняют, да ещё просят: так часто можешь не комментировать, я вижу-чувствую всё.

«КАК???»

«А так. Вижу, и лучше чем на поверхности…»

: очередная загадка экстрасенсорики.

После шкурников Коммунизма вырываемся в ЖБК.

«Ух-ты, какие объёмы…»

: Даже для меня звуковое сопровождение наших шагов по Бродвею подчёркивает размеры пространства.

– поворот к Гигиене, рассказ об оной. И её вскрытии.

Просторы Бродвея трудностей при перемещении не вызывают.

«Вижу, чувствую. И вообще: здесь видно всё даже лучше, чем в Володарах. И ощущение такое светлое, благостное…»

Я понимаю: *статическое ориентирование,* что суммарным опытом акустического эха и эниологического очувствования является, может работать под землёй. Когда сидишь на одном месте – чувства наши (точнее, их постоянный анализ и суперпозиция в коре правого полушария) вытягивают неизбежно адекватную картинку пространства. Не спешно, шаг за шагом сканируя по кругу одни и те же ощущения. Усредняя и исправляя ошибки-отклонения акустических и экстрасенсорных рецепторов.

Но в режиме *динамической ориентации…* Да ещё с хорошей скоростью движения… и по такой, не слабо пересечённой местности…

— оказывается: тоже работает. Да ещё как!

Проходим Адама и Еву, и Голубя Мира. Никитский музей глиняных фигур.

: Фотографирование, краткий отдых,– тактильное любование скульптурной группой. Зачитываю явно не видимое Кариной – табличку: «Скульптуры Церетели не атракцион и лазить по ним опасно!»

: общий хохот.

Два не перелаза, но подъёма на расчищенные завалы – и соответствующие спуски с них. Перепад высоты в рост человека.

: Карина движется очень уверенно, будто идёт со светом.

Далее просторный зал Зоопарка с мега-новогодним столом. На стенах – остатки новогоднего декора.

Сворачиваем на стяжку-сокротиловку в ZOOLOOK. Череда шкурников и гротов.

Карина по-прежнему не отстаёт от меня. Тем не менее, с интервалом в два-три шкурника постоянно вопрошаю: – Не устала? Назад не повернуть?

– Вперёд! И только вперёд!

: вперёд, так вперёд. Просторы Футбольных Полей, дивная акустика огромного (в масштабе Никит) подземного зала.

Карина в восторге.

Идём к Сумасшедшему Барабанщику.

Шкурники чередуются уже не с гротами, но с залами.

Трёхмерный ландшафт. Вверх-вниз постоянно. Причём иной раз в распоре.

Но как-то Карина справляется. И не стонет.

Посещение Сумасшедшего Барабанщика. Игра на хамусах в темноте под грохот и звон безумной капели.

Ещё один никитский восторг.

На вопрос, куда идём дальше, следует:

– А теперь — к Железному Водокапу!

: К Железному, так к Железному. Вскрытие секретного прохода.

Естественные лабиринты и шкуродёры КРОССавицы.

Тамошние вертикальные перепады – от трёх до семи метров.

Железный Водокап, минеральная никитская водица.

Возвращение назад, закладывание прохода.

«Не устали?»

– Дальше!

Дальше на этом маршруте – снова Футбольные Поля, потом Остров Сокровищ,– никитский мега-диснейленд, мекка всех наших детишек,– шкурники сетки ЖБК, Стометровка – и снова Зоопарк.

Затем Бродвей.

– К нам в грот заходить будем?

– А как же!!!

: Очередное раскладывание заложенного. Естественные красоты Крста[25] и купол Собора с лентами-прослоями каландрированной глины. Карина воспринимает их акустически, но и ещё, как говорит нам, “внутренним зрением”. Тем самым, названия которому официальные научные невежды не знают – что не мешает Карине пользоваться им под землёй “в полную антинаучную силу”.

Посиделки в нашем родном гроте.

И — назад, на выход: просторный Бродвей ЖБК, шкурники Коммунизма, тридцатиметровка прямого Карлы Марлы,– шкурник МИФИ, Журнальный грот, выписка —

Радость контакта с Поверхностью.

Безоговорочное заявление Карины: В АВГУСТЕ ЗАБЕРУСЬ В СУМАСШЕДШИЙ БАРАБАНЩИК НА СУТКИ, ОДНА!

: Возможно… Ибо, как показал этот опыт, в нашем мире возможно всё.

Даже динамическое ориентрирование под землёй человека, лишённого зрения.

Прошедшего без него сложнейшим пещерным маршрутом.

Так, словно шла со светом.

— Кауманек? Наверное.[26] Ибо что, если не оно, дарует Карине возможность так лихо ориентироваться под землёй, и так воспринимать/понимать Её???

Причём, похоже — *кауманек по жизни.*

К которому стремился под землёй каждый шаман, начиная с раннего неолита.

Ну и мы, ничтоже сумняшеся – тоже.

* * *

… В 1984 году я познакомился с одним из сильных экстрасенсов – Борисом Узуновым. Не здесь в подробностях рассказывать невесёлую историю нашего знакомства и последующего общения,– его образ послужил прототипом одного из героев моей повести об экстрасенсорике «Командировка к чёртовой матери».

Дима Веселин протестировал его по всем возможным параметрам в своей радиофизической лаборатории на физфаке МГУ (при участии специалистов с

---

[25] Пишется именно так!

[26] Кауманеком в шаманизме называется особое состояние духа (сознания) шамана, в котором он достигает внезрительного виденья мира, постижения его тонких структур и связей. Сходное состояние – “фаворский свет” – описывают подвижники исиахии, “тихой” [уединённой, глубоко внутренней] подземной молитвы. Подробнее об этом я пишу в четвёртой книге “Катакомбного Ито-га” – «Пещеры/Человечество/Космос».

психфака), после чего встал резонный вопрос: повторим тесты под землёй?

– И мы повторили.

Было три погружения: одно на сутки с ночёвкой, второе на три дня. В третий раз Борис сам, добровольно, высидел под землёй неделю. Периодически снимая параметрию по моим и диминым методикам. < О, сколь немногое мы могли тогда позволить себе с тогдашним нашим приборным парком!.. Но даже и это было – на грани Прорыва в Неведомое. >

Описывать методики наших давних опытов я не буду, ибо в этой главе хочу сказать об ином:

Борис, так же как и Карина, ориентировался под землёй не столь с помощью зрения — сколь иным, внечувствительным (для нас) образом.

И в этой внечувствительности видел, иной раз, проходы там, где мы их не видели. И не потому, что пропускали замаскированные природой ходы,– это случалось, но не часто,– Борис ясно говорил нам: здесь открываются огромные просторы, посмотрите только – неужели не видите???

: мы смотрели — видели монолит.

Решили с Димой: глючит наш испытуемый сенс (что с психической стабильностью у Бориса были большие проблемы, это факт). Путает очевидные для нас "здесь" и "там",– морочит нам головы.

Потом, десяток лет спустя, пришло понимание: он действительно видел "порталы", некие "звёздные врата" в лабиринтах нашего камня.

Куда нам с зашоренным догмами мышлением было не войти.

Ибо порталы эти открываются только в состоянии кауманек.

То есть в том состоянии, в котором мы видим пресловутое свечение свода – и можем, иной раз, испытать спелеотрансгрессию.[27]

Для обычного человека состояние это – результат стечения обстоятельств. Способствуют музыка под землёй, рассредоточенное бытиё подземожительства,– потеря неких пространственно-временных координат, выключение из текущего момента пространства и времени.[28]

: Для эмпатов, шаманов и экстрасенсов состояние кауманек – повседневная практика. Результат тренировок и/или природного дара.

А ещё во время подземных визитов Бориса я заметил одну особенность:

Когда он впервые вошёл под землю, испытал самый настоящий шок.

: Боль, ступор. Сознания не потерял – но впал в кататонию. Думая, что у него случилась 'клава', потащил его на выход. Благо, двигаться надо было не более десяти метров. Ну, 20.

На поверхности Борис решительно потребовал вернуться под землю.

Вернулись. Снова стресс, парализующая оторопь.

Повторили возвращение.

---

[27] Подробнее об этих САЯ (спелеоаномальных явлениях) я пишу в той же «Пещеры/Человечество/Космос».

[28] Как это происходит, прекрасно описала Карина; к её рассказу мне добавить нечего.

А потом новое погружение. В котором Борис провёл под землёй уже сутки. Затем согласился на трёхдневное пребывание с двумя ночёвками; после “в одиночном подземном плавенье” провёл неделю.

Я думал: побеждает усилием воли клаустрофобию.

— Всё было иначе:

Под землёй Борис неожиданно оказался в мире, начисто лишённом привычного ему с рождения “экрасенсорного шума” миллиардов людей. Как он потом поведал (с трудом подобрав понятные мне образы): – Вот представь, что идёшь ты по улице средь бела дня — и вдруг гаснет свет. Или всё становится из привычно цветного – чёрно-белым. Или пропадают все звуки. То есть зрение у тебя остаётся, как и слух,– ты не ослеп и не оглох,– но в некотором роде, сильно охренел. Первое ощущение – дикий животный страх, ужас. Вяжет по рукам и ногам… будто над бездной завис, и вот-вот сорвёшься. Как пинком, из Подземли вашей вышибает.

Потом понимаешь: это благость безумная, и начинаешь видеть и слышать со всего мира такое… О чём прежде и подумать-то не мог. За шумом постоянным, за прессингом.

И самое поганое: когда привыкаешь к этой вашей подземной тишине и прозрачности Мира — на поверхность выходить. Снова во всё это дерьмо.

: Такой рассказ. Можете ему не верить – дело личное.

Но опыт подземного ориентирования Карины подтверждает слова Бориса.

Как и рассказы других сенсов, кто нашёл в себе силы преодолеть первый шок Контакта с Подземлёй — и обрёл ощущение его бездонной прозрачности и свободы.

СТРЕСС, КАК НОРМА ЖИЗНИ

«Сам я в пещерах никогда не был – и не буду:
сыро там и грязно…»
В. Каминский

При написании этой главы неоценимую помощь мне оказали профессиональные психологи Илья [Атаман] и DJ Сварщик [Dhaitya],– за что приношу им свою искреннюю благодарность. Без их обильных консультаций говорить было бы не о чем.

А потому эта глава – плод нашего тройного соавторства.

Следует учесть, что консультанты мои принадлежат к разным психологическим школам, и порой для того, чтобы выработать некое, пусть и условное “общее мнение”, пришлось идти на значительные компромиссы. Возможно, статья от этих компромиссов лучше не стала — тем не менее, заинтересовавшийся темой может при внимательном чтении её не только заметить противоречивые моменты (как и отступление, иной раз, от

принятой в той или иной школе терминологии), но и сделать соответствующие выводы.

И распространить свои суждения на те или иные отмеченные моменты в нашем общении с Миром Подземли.

Надеюсь так же, что глава эта будет полезна не обладающим должным психологическим образованием спелестологам и поможет им при оценке различных подземных ситуаций. Ибо от этой оценки порой зависит не только успешность нашего общения с Подземлёй — наша безопасность.

И безопасность наших подземных спутников.

ПРЕАМБУЛА СТРЕССА

Как я уже писал, хорошо известный мне московский спелеум (произошедший из массового туризма шестидесятых годов, в том числе каменоломенного) накопил столь значительный опыт **подземного бытия,** что его сравнение с опытом одиночных и групповых пребываний западных спелеонавтов не возможно ни по каким параметрам.

В этих моих словах нет ни на гран от того, что “мы впереди планеты всей” – к таким утверждениям я всегда относился в лучшем случае с усмешкой.

В них констатация ‘факта жизни’, за которым специфика российских реалий совкового, а потом постсовкового времени:

: “Общество развитого социализма” выжимало нас из городов, не оставляя места для нормальных движений души – мы уходили под землю и творили там свою настоящую жизнь. Многотонный каменный пресс над головой не просто не ощущался, как пресс или давящая тяжесть,– сулил реальную и зримую *защиту* от того, что оставалось на поверхности. Трудности и сложности подземных лабиринтов, узости пещерных входов служили той же гарантированной защитой — а потому как сложности бытия не воспринимались. Благодаря чему Пещера не просто отождествлялась с убежищем от внешнего, совкового мира – она отождествлялась с твоим подлинным домом. В котором невозможно чьё-то чужое вмешательство.

Быть может, не все, приходящие в те годы под землю, ощущали пресловутый “спелеозов” – но что неизбежно складывающееся отношение к пещере, *как к родному дому,* вызывало любовь к Подземле — факт. А дальше вступали в действие релаксационные подземные механизмы, и человек “повязывался по жизни” Подземлёй. Становился подлинным спелеонавтом-подземожителем.

В результате чего мы научились *истинно жить под землёй,*– как далёкие наши предтечи-подземожители Антоний Печерский, Иоанн Кронштацкий, иноки Трифон и Никадим – и прочие.

: молитву творили мы под землёй, науку или театрально-игровое действие — дело десятое. Главное: в результате своего подземожительства, пусть у многих из нас оно занимало лишь два дня в неделю, мы обрели опыт комфортного подземного бытия.

Опыт этот можно обобщать в самых разных срезах и значениях, и равным образом трактовать наши научные и культурно-творческие достижения.

Вот, например, один аспект нашего подземожительства,– вполне научный и даже востребованный при иных условиях на поверхности. Кратко я уже говорил о нём, но заявленная тематика повествования требует более детального рассмотрения.

Ибо речь идёт о столь важном элементе наших взаимоотношений с Подземлёй, как *спелеострессс.*

— Досужая молва утверждает: спелеолог находится под землёй в стрессовом состоянии, вызванном просто-таки запредельными физическими и психическими нагрузками,– причём на спелестологию это суждение переносится не глядя, без каких-либо попыток вникнуть в смысл самого понятия “стресс”, в особенности нашего восприятия Мира Подземли и пребывания в оном. В основном это утверждение лежит на совести западных спелеологов и спелеонавтов (и вторящих им “шакалов пера”); впрочем, отечественных спелеопубликаций с таким рефреном тоже хватает.

Вот лишь выборочный список источников, в которых (с опорой на мнение неких “компетентных психологов”, либо на “собственный опыт”) в той или иной форме декларируется это устойчивое заблуждение: «Приключения под землёй» [Уильям Холидей, ГИГЛ, Москва, 1963]; «Один в глубинах земли» [М. Сифр, “Мир”, Москва, 1966]; «В безднах земли» [М. Сифр, “Прогресс”, Москва, 1982]; «Спелеология в России» [сб., вып.1, РСС, 1998]; «Мир пещерных приключений» [Ю. С. Ляхницкий, “Тускарора”, С.-Пб, 2002]; «Путешествия под землёй» [В. Дублянский, В. Илюхин, ФиС, Москва, 1981]; «Пещеры» [ежегодник под редакцией В. Дублянского], «Занимательная спелеология» [В. Дублянский, “Урал LTD”, 2000]; «Путь вниз преграждают сифоны» [А. Ефремов, “Издательство РУДН”, 2005]; также см. многочисленные “методички” издания ВЦСПС (ЦСТЭ) типа “Методические рекомендации по подготовке и проведению спелеопутешествий”, “Методические рекомендации МКК, руководителям и участникам спелеопутешествий по обеспечению безопасности”, “Разбор несчастных случаев в туризме”, “Методические рекомендации по технике спелеотуризма” и др. [издательство “Турист”, 1977 – 1982 гг.]

: Как видим, список широк и вроде бы освящён весьма авторитетными в вопросах спелеологии личностями –

Тем не менее, на страницах “Катакомбного Мэйнстрима” и этой повести я неоднократно заявляю: *никакого “стресса” спелестолог под землёй не испытывает.* И весь реальный опыт спелестологического подземожительства эту мою мысль вполне подтверждает: мы приходим под землю просто отдыхать и просто жить, и от этого отдыха и всей подземной жизни испытываем лишь положительные эмоции. Стресса же не испытываем ни на чуть. Но тут есть два очень важных “если”. Первое: если мы подразумеваем под словом “стресс” то, что под ним следует подразумевать, исходя из вокабулы и психологического смысла данного слова (а не то, что приписывают этому понятию недалёкие журналисты). Второе: если мы не говорим о новичке, впервые в жизни ока-

завшемся в пещере.

Чтобы быть правильно понятым – и, возможно, предупредить кого-то о нежелательных следствиях данного состояния (ибо нештатная ситуация может возникнуть в любой момент нашего нахождения в пещере) – попробуем разобраться: что представляет собой так называемый “спелеострессс”, каковы его особенности — и так-ли он страшен, как его изображают некоторые исследователи?

: Действительно-ли все обстоятельства нашего подземного бытия – лабиринты и узости, опасность обвала или потери источника света, сырой статичный и не очень-то тёплый климат пещер – являются трудностями, в борьбе с которыми “закаляется подземная сталь”? Или это вовсе не трудности?..

А может, это не трудности, но вполне реальные опасности — не к закалке подземной стали приводящие, а к её преждевременной коррозии и гибели?

– Моё поколение хорошо помнит, чем окончился широко разрекламированный опыт закаления комсомольской стали: больничной койкой и полной инвалидностью.

И пусть апологеты “подземного образа жизни” уверяют нас, что Подземля не калечит, а лечит, и что у всех, кто до преклонных лет продолжает своё общение с Миром Подземли, сохраняется отменное душевное и физическое здоровье,–

— здоровье их весьма относительное,– что физическое, что душевное. [Можно сказать мягче, можно жёстче,– суть от этого не изменится.] Возможно, причина их “относительного здоровья” в постоянном общении с подземным миром. Но быть может, наоборот — лишь отменное от природы физическое здоровье, да “определённая душевная ювенальность” позволяют, наперекор всему, до преклонных лет рассекать по подземным просторам?

: В любом случае тех, кто до старости продолжает своё подземное бытиё, можно пересчитать по пальцам. Против сотен тысяч, когда-либо общавшихся с Подземлёй, их — единицы.

Статистика – жестокая вещь.

И хоть повернуть её можно иной раз самым удивительным образом, против статистики травматизма и несчастных случаев под землёй не попрёшь.

Даже если списать часть их на “слепую подземную стихию”, часть на элементарную человеческую дурость – сиречь, чайничьий непрофессионализм,– в основе, как ни крути, окажется недооценка опасности, либо неготовность к нештатной ситуации.

Что почти одно и тоже. И как следует из упомянутых мной методичек, в любой аварийной подземной ситуации был момент, с какого ситуация становилась необратимо катастрофичной.

Этот момент (иной раз неуловимое мгновение) — когда адекватная оценка происходящего сменилась неадекватной.

Произошло это в городе, при планировании подземной экспедиции или похода, при подготовке их или “в процессе деяния” – не столь важно.

Любители скандирования магической формулы со словом “стресс” валят всё на него. А его объясняют нашей неизбежно стрессовой реакцией на пресловутые “подземные трудности”….

— Извините, не верю я в это. Я полагаю, что трудности ни при чём. Ибо “трудностей” хватает везде, и на поверхности их не меньше. Я полагаю, что причина лишь в нас самих. *В нашей тотальной безбашенной необразованности – агрессивной, не желающей Знания.* Причём что на уровне чичаки-чайника, что на продвинутом в максимальную пещерную глубину уровне спелеогероя. И ещё вопрос, на каком из этих уровней незнание фундаментальнейших моментов нашего взаимодействия с Миром Подземли более опасно — что для носителя незнания, что для его окружения.

И для начала предлагаю разобраться, что же есть этот самый “стресс” –

: так-ли он страшен, как его малюют, и так-ли неизбежна наша катастрофическая реакция на него?

Психологи различают два состояния человеческой психики, испытывающей “агрессивное” давление внешней среды – *стресс* и *дистресс*. Причём давление это может быть одинаковым – но разные индивиды реагируют на него по-разному; в тоже время совершенно различные стрессовые агенты [так называют раздражители, вызывающие стрессовые или дистрессовые состояния] в конечном итоге провоцируют типичное, укладывающееся в общую схему, поведение — вне зависимости от того, был этот агент (раздражитель, прессинг) физической природы или психической.

Согласно основоположнику изучения стресса Гансу Селье, стресс мы испытываем постоянно в течение всей нашей жизни. Даже во сне. «Если вы не испытываете стресса – значит, вы умерли».[29] То есть практически все воздействия на наш организм со стороны природы и других людей являются стрессовыми агентами; вопрос в том, как реагирует на это наш организм: обычным, традиционно-спокойным образом – или впадает в ступорное, либо истерическое, состояние. Применительно к Миру Подземли эту разницу замечательно описывает поговорка «что для додика в погибель — нам в кайф!»

: Можно было бы сказать, что лишь чувство полной удовлетворённости, покоя и отдыха, или случившейся подземной победы не провоцирует состояния стресса — но раздражители присутствуют в нашей жизни всегда, и не стоит забывать, что сильная радость способна вызывать такую же стрессовую реакцию, как и горе,– отсюда “слёзы радости” и “истерический смех”. Состояние “полной расслабухи” столь же неестественно для нашего организма, как полное отсутствие каких бы то ни было внешних раздражителей. То есть состояние стресса – привычное состояние нашей психики и физиологии. И бояться его не стоит.

Резюмируя эту мысль, можно сказать, что под “стрессом” понимают нахождение организма в экстремальных для него условиях,– при этом экстремальность условия определяется подчас не самим условием, а адаптационными способностями организма. К примеру, первая попытка пользования горны-

[29] Селье Г., «Когда стресс не приносит горя» – М., 1992 г.

ми лыжами является, безусловно, действием, создающим экстремальную ситуацию. Но освоивший горные лыжи спортсмен от спуска с горы испытывает лишь радость. Таким образом, стрессогенные условия могут оказываться (после адаптации, последовательно) не стрессогенными,– а даже привычными, желаемыми.

В отличие от стрессовых агентов, гораздо более мощное действие на организм как под землёй, так и на поверхности, оказывают *дистрессовые раздражители* — вызывающие в организме *состояние дистресса.*[30]

Состояние дистресса всегда губительно, всегда разрушающе; адаптация к дистрессовым раздражителям если и возможна – то в очень небольшой степени. Причём требует от организма полной мобилизации его физических и психических сил; понятно, что долго такая мобилизация длиться не может. А потому при общении с Подземлёй дистресса следует избегать всеми силами.

Поскольку психологи различают довольно много дистрессовых состояний (и факторов, их вызывающих), причём сколько существует психологических школ, столько и взглядов на этот вопрос, иной раз противоречащих друг другу — при этом никогда ранее реальное взаимоотношение человека и Подземли (хотя бы по причине отсутствия личного подземного опыта) специалистами не рассматривалось — нам придётся, используя наиболее устоявшиеся психологические положения[31], разобраться с этим вопросом самостоятельно.

Что *крайне важно* (на соответствующих примерах я покажу это далее), аналогичные стрессовые агенты на поверхности или в условиях “городской”, “цивильной подземли”, не вызывают у человека никаких негативных реакций — в то же время в условиях нахождения в реальной пещере, или в экстремальной ситуации, возникающей в “цивильно-городской подземле” (авария, катастрофа) способны спровоцировать состояние дистресса. Это очень важный момент, и он позволяет выделить спелеострессовые (и спелеодистрессовые) раздражители в отдельную группу.

Попытаемся проанализировать стрессовые и дистрессовые спелеоагенты в порядке возрастающей опасности для нашего организма.

---

[30] Сравните: Distress (англ.) – горе, несчастье, недомогание, истощение, нужда; Stress (англ.) – давление, нажим, напряжение.

[31] Я буду использовать основные положения Ц. П. Короленко из его работы «Психофизиология человека в экстремальных условиях» [Л., 1978 г.]; желающим самостоятельно разобраться с механикой возникновения подземного стресса и дистресса рекомендую сборники «Психология экстремальных ситуаций» [Москва, АСТ, 2002], «Адаптация человека и животных к экстремальным условиям внешней среды» [Москва, УДН, 1985], а также монографию П. Хочачка и Дж. Сомеро «Стратегия биохимической адаптации» [Москва, “Мир”, 1977]. Поскольку известные мне спелеологические и спелестологические публикации затрагивают эту тему лишь поверхностно, ссылаться на них не полагаю возможным.

СПЕЛЕОСТРЕССОВЫЕ АГЕНТЫ

К подземным стрессовым агентам относятся все без исключения факторы, отличающие Мир Подземли от мира поверхности.[32] Сами по себе безвредные (но, конечно, весьма специфические), у большинства людей они вызывают мобилизацию физиологических и психических систем, слагающих наш организм; мало того – асептические в принципе свойства подземного микроклимата вкупе с прочими подземными факторами лежат в основе спелеотерапии. Так что их стрессовое суммарное влияние на нас – безусловно положительное. В тоже время имеется некий, пусть и малый, процент людей, которым подземные условия “противопоказаны по жизни”,– у одних они могут провоцировать всевозможные психозы и фобии (ведущие к возникновению дистрессивного психического состояния), у других – физиологический дистресс.

Чтоб не попасть в нештатную подземную ситуацию, каждого вашего спутника, который впервые отправляется под вашим руководством в пещеру, следует ещё в городе тщательно проэкзаменовать на предмет возможной реакции на перечисленные ниже спелеострессовые агенты:

Полная подземная энергетическая и физическая изоляция от всех воздействий поверхности (за исключением гравитационного и магнитного полей Земли) является сильнейшим подземным стрессовым агентом. Вкупе с изоляцией действуют такие факторы, как *максимальное сужение акустического и зрительного горизонта* – мы видим лишь то, что сами же освещаем, причём в гораздо меньшей степени, чем требуют наши сознание и подсознание: отсутствие дальнего плана, а при пользовании электрического направленного света периферической зрительной информации провоцирует чувство неизвестности, тревоги; отсутствие акустических шумов – как дальних, так и ближних, как постоянного фона, так и апериодических, провоцирует “раскачку” нашего слуха, при которой внутренние шумы организма звучат громче, чем более половины внешних звуков – и “это не может не раздражать”. “Внезапная потеря” экстрасенсорного фона поверхности – безусловно, патогенного в своей основе – на некоторых индивидов оказывает столь же неприятное действие, как тишина или тьма — несмотря на то, что в целом прекращение экстрасенсорного прессинга поверхности столь же великое благо Подземли, как изоляция от световых и акустических шумов.

: Дело в том, что отсутствие привычной информации для наших органов чувств не менее сильный раздражитель, чем её переизбыток; известно, что полная и абсолютная тишина (как и темнота) на некоторых людей действует весьма удручающе. Попав под землю, такие люди стараются производить как можно больше шума; грот по возможности осветить как можно ярче. Что на спутников может подействовать “не самым лучшим образом” – особенно провоцируемая такими лицами бессознательная суета, входящая в катахрезу с естественным для Мира Подземли состоянием тишины и покоя (вкупе с

[32] Подробный их перечень я привожу в начале своей книги.

“бессмысленной тратой света, который следует экономить”).

Наверняка многие наблюдали, как такого психического склада чайник вдруг начинает во время посиделок бессмысленно включать и выключать свой фонарь, водить его лучом по стенам грота и лицам присутствующих. Или лезть к стоящей на столе свече “со своими советами, как ей гореть”. Часто у таких лиц “прорывает трендёжную железу”,– заткнуть которую окружающим бывает не так-то просто. Если в гроте включён плэер, возбуждённый акустически чайник пытается либо переорать его, либо требует сделать звук как можно громче.

В этом случае относительно безвредная стрессовая ситуация может перейти в дистрессовую. Со всеми вытекающими последствиями.

Подземный микроклимат при всей своей, неоднократно описанной, целительности, может оказать на отдельных людей угнетающее действие – особенно при неполадках в физиологических системах, связанных с метаболизмом воды; отрицательное физиологическое воздействие оказывает не только “подземная прохлада” и повышенная влажность воздуха – но также ползанье по Системе без наколенников и, в некоторых случаях, без налокотников. Равно как сидение на холодных камнях без термоизолирующей пенки. Подобного рода беспечность приводит к возникновению физиологического дистресса – следствием которого может стать артрит, радикулит и ревматизм; мало того – акцентация внимания на личных “физических неудобствах” приводит к пониженному вниманию и замедленной реакции на внешние условия — а под землёй это чревато, самое малое, физическими травмами.

– Повторюсь: что подземный микроклимат, что условия информационной, энергетической и физической изоляции Подземли от внешнего мира – *безусловное благо.* И механизмов срабатывания этого блага не счесть. Но не стоит забывать о том, что даже нейтральный в принципе стресс способен вызвать у нас как положительную, так отрицательную реакцию на любую свою составляющую. Если вы привели под землю неподготовленного к ней человека, да ещё и с заранее заложенной отрицательной реакцией на то, от чего сами много лет ловите кайф — дистрессовая ситуация вам обеспечена.

ФРУСТРАЦИИ ОБЩЕГО ТИПА И СПЕЛЕСТОЛОГИ

Прежде чем рассуждать о тонкостях нашего поведения под землёй и психологических отличиях восприятия Мира Подземли от Мира Поверхности позволю себе устроить небольшой общеобразовательный экскурс в основы поведенческой психологии – в ту её область, что описывает ситуации, предшествующие возникновению стресса или дистресса. То есть попробую ответить на вопрос: что есть фрустрация, и как она проявляется в нашем спелеологическом бытии?

В современной психологической литературе термин “фрустрация” упот-

ребляется в следующих значениях:

1) ***как состояние, возникающее вследствие препятствия, поражения;***

2) ***как эмоциональная реакция, возникающая у индивида при невозможности достижения значащей цели.***

В общем случае фрустрация – не какая-то ситуация, или действие некой внешней причины, а исключительно наша внутренняя, притом аффективная реакция на конфликт между идеальным (желаемым, целью) и реальным,– т.е. на ситуацию, когда человек не может в силу объективных, а иногда и субъективных, причин достичь поставленной цели. Например, спелек зимой ждёт третий час автобус до любимой пещеры. Пешком идти далеко, а транспорта нет, и ждать холодно. Он уже выпил всё “согревающее”, что было, а автобуса нет. Эмоции, которые он испытывает в этот момент, и есть фрустрационное состояние – которое, в свою очередь, определяет поведение этого спелека в данную минуту (варианты решения проблемы: пойти в магазин – купить спиртного и дальше ждать; сесть на другой автобус; потратиться на такси; сесть на электричку в Москву, отказавшись от продолжения похода; пойти пешком – и т.д.). Понятно, что выбор будет диктоваться как особенностями психики данного индивида, так и внешними условиями – сколько он уже прождал и сколько, возможно, ждать придётся; наличем денег такси или на бухло и отношением к бухлу, как к “согревающему” продукту; возможным ожиданием этого спелека товарищами по группе, что уже находятся в пещере – а также степенью и характером случившейся фрустрации. При этом, несмотря на общий негативный характер фрустрации, из неё возможен как положительный выход (сулящий позитивное решение проблемы) – так отрицательный, к решению проблемы не приводящий (можно обвинить во всех своих бедах расписание автобуса, погоду, изготовителей “недостаточно тёплой одежды” – и в озлоблении вернуться домой).

В общем виде под фрустрацией может пониматься любое эмоциональное состояние человека, связанное с переживанием дискомфорта, невозможности повлиять на саму ситуацию, эмоциональной напряжённости, требующей разрядки. Понятие фрустрации близко к понятию стресса,– это *как бы* аффективная его составляющая или *как бы* стресс, не выходящий за пределы эмоций. Наиболее ёмко понятие фрустрации можно передать метафорой «Выхода нет!», или более кратким «Облом!» — т.е. представить себе человека, пребывающего в растерянности и подавленности от того, что желаемая цель неожиданно стала недостижима. У такого человека будет повышаться тревожность, он пройдет несколько типовых стадий от “ступора” до действия, направленного на решение фрустрирующей ситуации,– причём не обязательно (как в примере с замерзающим в ожидании автобуса спелеологом), что решение ситуации будет выбрано положительным, позитивным.

В соответствии с этим условимся под **спелеофрустрацией** понимать:

а) негативный аспект в нашем восприятии Мира Подземли (“обламывающий” наше общение с Пещерой);

б) нашу реакцию на него, которая может привести к развитию стресса или дистресса.

– Ещё раз: фрустрационное состояние возникает, когда происходит осознание того, что есть цель, но её нельзя достичь. В этом плане снять фрустрацию можно, сознательно отказавшись от достижения цели. Анекдотический пример “имени Джерома”: «Если вам все равно, где вы находитесь,– вы не заблудились»; «Если не смотреть на свод – он нормальный»; «Не больно-то и хотелось прямо сейчас испить горячего чая» – и т.д. < В примере с ожидающим автобус спелеком: «Да на фиг не усралась мне эта грёбаная пещера! Рвану домой, к футболу успею!» >

: Понятно, что “метод Джерома” хоть и приводит к решению фрустрационной ситуации, положительным (позитивным) его назвать сложно.

Положительные фрустрации представляют собой конструктивные разрешения,– преодоление препятствия, мешающего движению к цели. Эффект достигается путём усиления стремления, направленного на решение проблемы – что способствует мобилизации накопленного спелеоопыта, консолидации своих усилий на преодолении препятствия; если “это не помогает”, следует обращение к стороннему опыту (“прочтите, наконец, инструкцию — и залейте бензин в примус вместо того, чтоб пытаться раскочегарить его всухую!”; коль завал не продалбливается, поинтересуйтесь у народа: “а нет-ли здесь обходного пути?”). То есть в случае *положительной* (возможно, от слова “положить”) реакции на фрустрацию мы имеем типично стрессовую ситуацию, не угрожающую ни конкретному человеку, столкнувшемуся с ней, ни его окружению. Причём вне какой бы то ни было зависимости от тяжести данной ситуации: примус починяется, свет делается, комбез зашивается, выход находится, завал обходится, до пещеры добираются хотя бы и пешком – при том по дороге даже не замерзают. Свод после объяснений опытного товарища перестаёт представлять зримую угрозу жизни; пропавшие шмотки обретают, там, где потеряли (а не там, где искали потому, что “было светлее”),– конфликт исчерпывается, ссора превращается в смех. Рукопожатие, стакан и гитара по кругу.

Отрицательные фрустрации могут вызвать разные формы неконструктивного поведения, являющегося своеобразной формой защиты личности от случившейся неприятности. Назначение их в типовых реакциях нашей психики «как бы положительное»: оградлить личность от стресса, от негативных эмоций. Но в том-то и беда – на деле защиты не происходит, и даже невинная ситуация при обращении нашей психики к отрицательному типу фрустрационного реагирования эскалируется в полномасштабный конфликт. То есть решения ситуации не происходит. К такому неконструктивному поведению относятся агрессия, регрессия, фиксация, негативизм, отказ, репрессия, рационализация, проекция, фантазирование, гипертрофия, вытеснение, идентификация, командирский психоз, компенсация, переигрывание и отторжение. Поскольку в нашем случае все они могут явиться не только следствием, но и причиной *спелеодистресса,* несущего угрозу и фрустированному индивиду, и его окружению, разберём их подробнее.

Фрустрационная агрессия направлена на другое лицо или объект. Формы агрессии могут быть физическими или вербальными. Иногда агрессия носит скрытый, замаскированный характер. Физическая агрессия, сопровождающаяся

вербально выражаемым гневом (как правило, в незамысловато-матерной форме) проявляется в бурных и неадекватных реакциях: шибануть неработающий примус о стену, стучать фонарём по камню вместо того, чтоб разобрать его и выяснить действительную причину отказа, вмазать по плите, о которую споткнулся, кувалдой, начистить едальник не согласному с Твоей Персональной Точкой Зрения; вербальное выражение фрустрационной агрессии в последнее время стало исключительно модным на некоторых спелеосайтах (которые уважающие себя спелеологи и спелестологи не посещают в силу их исключительно низкого культурного и информационного уровня). Но поскольку Интернет гарантирует не только свободное сквернословие, но и определённую анонимность, фрустированный субъект именно на таких сайтах выплёскивает свою вербальную рефлексию-агрессию: стараясь вылить на обидчика как можно больше грязи. В этом случае известная безнаказанность данного деяния впрямую говорит о немерянной гражданской трусости “обвинителя”: ибо высказать в лицо свои претензии страшновато, к тому же подсознательно чувствуя свою неправоту — а облить дерьмом причину фрустрации публично-ненаказуемо в самый раз. И невдомёк фрустированному индивиду, что поведение его абсолютно неадекватно поведению нормального человека. Что за всё придётся отвечать. Так или иначе. (Ни фонарь, ни примус не станут лучше работать от ударной разборки с ними; мордобой и интернетные пасквили не улучшат твои отношения с людьми.)

Агрессия никогда не приводит к достижению цели, поскольку не является конструктивной формой поведения. Что характерно, агрессия может быть направлена как на само препятствие, так и на совершенно другие заместительные объекты (например, вместо поиска выхода из тупика обвинить в том, что затупиковались, кого-то из товарищей; если группа опоздала на последний автобус, “найти крайнего”; коль примус не желает нормально работать – обвинить его владельца или производителя вместо того, чтоб попытаться починить. *Как правило, данное поведение происходит не только от беспомощности и неумения нести персональную ответственность за события, но и от излишней любви “к себе, хорошему”, от веры в свою исключительную непогрешимость.* Впрочем, как увидит Читатель дальше, данный тип мышления свойственен всем без исключения лицам, склонным к фрустрации.

Фрустрационная регрессия выражается в возврате к формам поведения, присущим человеку на более раннем этапе жизни. При этом возможно возникновение инфантильных реакций, присущих детскому возрасту. К регрессивной форме реагирования некоторые авторы относят примитивизацию в поведении, жажду применения физической силы в том случае, когда сам фрустированный ей в должной мере не обладает (синдром “старшего брата”: сделав гадость, спрятаться за его спину). Видно, что в регрессии много общего с агрессией – как правило, когда агрессия не достигает своей цели, фрустированный переходит к регрессивной форме защиты от внешнего мира. Возможно, пользование Интернетом для выплёскивания своих персональных обид в мировой эфир и является формой регрессии. Иногда регрессирующий спелестолог в случае персонального конфликта с кем-то в Системе старается втянуть в этот кон-

фликт как можно больше “внешних сил” – как в детстве, чтобы “двор шёл на двор”, “улица на улицу”. А всего лишь за то, что он, будучи в гостях, нагадил в неположенном месте.

Очень часто регрессия проявляется в межличностных конфликтах такого рода, когда обиженная сторона делает какую-то гадость и бывает поймана за руку. Как правило, регрессии свойственно отказываться от мыслей о возможном планировании грядущих событий; защитно-дистрессовый механизм блокирует как мысли о будущем, так какое-либо ощущение своей вины. Страх перед ответственностью и толкает фрустированного к ювенальному, регрессивному поведению. Ибо в детстве всем нам было хорошо. Все ругались и мирились снова – а значит, всё пройдёт/забудется и в этот раз.

Фрустрационная фиксация (зацикливание) выражается в повторении неэффективных способов поведения. Она может проявляться в безуспешном повторении одного и того же подхода в межличностных отношениях, повторении оказавшейся недейственной модели поведения, зацикливании на одной и той же мысли, либо действии. Так потерпевший поражение при вскрытии Системы или вскрытии завала, не смотря на очевидную бесплодность этих попыток, будет вновь и вновь долбить камень в одном и том же месте – вместо того, чтоб признать: занятие это в принципе бесперспективно, раскопки следует прекратить. Аналогичная ситуация возникает, когда примус не желает нормально работать – некоторые не успокоятся, пока не перепробуют все марки бензина вместо того, чтобы разобрать и просто почистить его. Или бесконечно жмут на кнопочку “вкл” своего фонарика вместо того, чтоб проверить: а не перегорела-ли лампочка?

Фрустрационный негативизм характеризуется отрицательным отношением не только по отношению к вызвавшей фрустрацию проблеме, но и “расширенным переносом” негативного отношения на всё, что с этой ситуацией связанно. Например, на друзей и близких родственников “обидчика”. Если тебя обидели ходящие в какую-то конкретную Систему, полагается, что “вся эта Система – гАвно, и весь туда ходящий народ – гАвно”. Если какое-либо изделие отечественной или зарубежной промышленности подвело тебя под землёй, то декларируется, что вся эта промышленность “слова доброго не стоит”. Если тебя задела какая-то фраза товарища, или автора некой статьи — “всё, что он говорит (пишет) – сплошное дерьмо.

Фрустрационный отказ представляет собой тенденцию индивидуума не участвовать в решении касающейся его проблемы; таким образом развивается апатический подход к ситуации. Реакция типа отказа является наиболее неблагоприятным следствием фрустрации — о, сколько экстремальных ситуаций под землёй возникло только потому, что в стрессовой, но ещё не дистрессовой обстановке инструктор группы “самоустранялся” от решения возникшей проблемы – или заведший в неизвестную часть Системы группу чайников проводник отказывался искать “потерявшийся выход”! Аналогично можно сказать, что все те шурфы и раскопы, которые “недотянули” до победной цели какие-то метры, были брошены раскопщиками именно в состоянии фрустрации, повлекшей отказ от дальнейшей работы. (Понимаю, что в твердо-

лобом желании “копать, не взирая ни на что” может крыться состояние зацикленности, как следствие той же фрустрации — критерием “копать иль не копать” может быть только ясная и весомая дополнительная информация не только о цели раскопок, но и о состоянии свода, стен шурфа; физическое утомление и “фактор времени” также имеют не меньшее право голоса. А потому в каждой конкретной ситуации решение надлежит принимать как можно более взвешенно и отстранённо. Ибо фрустрация – скверный советчик для спелестолога. В отличие от осознанной ВНД, подкреплённой соответствующей работой правого полушария. То есть – спелеоинтуицией. Которую та самая фрустрация “затыкает на раз”.)

Фрустрационная рационализация является частным защитным механизмом нашего подсознания. Её сущность заключается в подборе рационального, логически обоснованного, не вызывающего явных возражений объяснения собственного пассивного поведения. < “Оправданию несделанного несть числа”. > Действительная же причина скрывается перед другими или даже перед самим собой. Сообщаемое объяснение направленно на то, чтобы вызвать у слушателей благоприятную картину. Нередко вина за неудачу приписывается злой воле других людей; их неадекватному отношению, несправедливости, неведению. Стечению обстоятельств.

Фрустрационная репрессия характеризуется блокированием, вытеснением из сознания неприятных ситуаций, которые касаются требуемых разрешения вопросов. Это нереалистичная форма поведения, существо которой заключается в подходе “проблема исчезнет, если о ней не думать”. Или – “забыть и не вспоминать”. Так можно не думать о похеренном КС, о продинамленной стрелке. О том, что не взял на вскрышной выезд инструмент, который тебя просили взять. И всячески уклоняться от разговоров на эту тему.

Фрустрационное фантазирование представляет защитный механизм, выражающийся в усилении воображения. Активируются образы, содержание которых отражает исполнение желаний, достижение успеха,– что не соответствует действительности. Английские психологи для обозначения этого вида фрустрации используют выражение “day dreams” (“сны наяву”), представляющее собой элемент аутических переживаний. Ненайденный ход в какую-то сверхогромную пещеру объявляется найденным, но тщательно заначенным “от чужих”; несостоявшийся Контакт с Двуликой – вроде бы состоявшимся, информация о котором, как и свидетели, тщательно “засекречиваются”,– и так далее, и тому подобное. Распространению такого рода баек в значительной мере способствует современный Интернет: питерские спелестологи надолго запомнят историю с интернет-мистификатором Соло – несостоявшемся спелеком, что долгое время потчевал всех схемами якобы собственноручно вскрытых им пещер. До “эпохи Интернета” в Никитскую Систему ходил некто Лёша-Одессит, прославившийся более чем несусветными байками о своих спелеосвершениях; есть такого рода деятели и средь молодого поколения московских спелестологов. Механизм фантазирования для некоторых жертв этого фрустрационного психоза оказывается настолько доминирующим в подсознании, что они сами начинают верить в реальность своего бреда.

< Совсем иное дело, когда группа спелестологов, дабы кого-то разыграть, придумывает нечто фантастическое: розыгрыш, тем более групповой, не имеет с фрустрацией ничего общего — более того: будит нормальное человеческое воображение и зовёт к продолжению работ в ситуации, когда логические уговоры теряют силу. Именно таким путём было сделано множество славных спелеологических открытий — причём Система действительно вскрывалась в предсказанном месте. >

Фрустрационное вытеснение проявляется в “пропуске”, “незамечании”, забывании событий неприятного характера; замещением их на как бы похожие события – но безусловно положительные. Фактически фрустрационное вытеснение представляет собой гибридную реакцию фрустрационной репрессии и фрустрационного фантазирования. Таким образом человек защищается от болезненной конфронтации с самим собой своими поступками, поведением. Которое в глазах общепринятой спелеоэтики носит неэтичный характер. Нередко вытесняются неприятные воспоминания, конфликты, поступки, приводящие к угрызению совести. Механизм вытеснения в ряде случаев оказывается крайне хрупким – вытесненные отрицательные эмоции прорываются в сферу сознания, особенно в случае дополнительных стрессовых воздействий, новых затруднений. Нередко фрустрационное вытеснение приводит к потере адекватной связи с реальностью, к регрессии, негативизму; как следствие – тяжёлой депрессии и отказу от дальнейшей спелеодеятельности. К сожалению, такое случилось с автором одной книги о Подземле: человеке настолько известном в спелестологических и спелеологических кругах, что называть его имя просто неэтично. Попав “по жизни” в ряд весьма неприятных ситуаций, он позволил себе пойти по фрустрационному пути фантазирования и вытеснения – в результате чего по выходу книги (написанной явно с элементами “и того, и другого”), остался в спелеомире практически один. Наедине со своим фрустрационным состоянием.

Фрустрационное переигрывание кратко определяется фразой “не больно-то и хотелось!” [тот самый “принцип Джерома”] и состоит либо в отказе от поставленной цели, достижение которой не удалось («Ну и на хрен нам не надо идти к тому проклятому гроту. Повернули на хрен к своему!” – в случае, когда заплутали, заблудились и вымотались в шатании по Системе, не найдя места, к которому стремились), либо в преуменьшении поставленной задачи и объявлении того, что удалось достичь, главной целью. (“Так ведь и не стремился никто полностью раскапывать эту замытую глиной под потолок Систему – главное, мы доказали, что каменоломня в этом месте есть!” – в случае длительных и непродуктивных раскопок полости, которая на проверку оказалась полностью замытой нанесённой паводком породой.) Отказ от первоначальной цели или преуменьшение её до размеров достигнутого спасает от фрустрационной депрессии. Особенно, коль заставить поверить себя в излагаемое для прочих.

Фрустрационная зависть порождается ситуацией, когда спелеолог, поработавший над вскрытием Системы, отступает от намеченной цели – но через какое-то время узнаёт, что Система вскрыта иным. В результате следует

“официальное заявление обиженного”: всё, что удалось достичь кому-то другому, произошло лишь потому, что он, хороший, когда-то начал эти работы. Варианты заявления: “то, что открыл Имярек, прекрасно было мне известно ещё 10 лет назад, и я постоянно ходил в эту систему – только, конечно, следов старался не оставлять”. (Ситуация такая может касаться разработки некого снаряжения, прохождения маршрута, написания статьи, стихотворения, песни.) При этом все, кроме заявителя, понимают: гонит, выдаёт желаемое за действительное от банальной фрустрационной зависти. Ибо реальной его заслуги в случившемся нет ни на грош.

Фрустрационная идентификация проявляется в удовлетворении поставленных перед собой целей “чужими руками” в случаях, когда полное достижение “своими силами” по каким-то причинам оказывается невозможным. Например, кто-то не сумел завершить исследование протяжённой и сложной Системы – и поэтому особенно старательно стремится к тому, чтоб это завершили его воспитанники. Происходит идентификация себя со следующим, в принципе иным, поколением спелестологов; их достижения рассматриваются, как свои — при этом не принимается в расчет, что у нового поколения и цели новые, и новые стили хождения,– все силы такой человек тратит на то, чтобы воспитать как можно более походящую на себя смену. В идеальном случае (как это видится ему) новое поколение должно беспрекословно выполнять все его пожелания и проекты.

Фрустрационная компенсация заключается в стремлении достичь успеха в какой-то области в случае невозможности добиться успеха в направлении основной деятельности. Именно компенсация рекрутировала всевозможных туристических и спелеологических “оргов-шестидесятников” из НИИ и КБ, где они не состоялись, как пользующиеся уважением инженеры и служащие (коль состоялись бы по месту работы – занимались бы с полной отдачей ей. А не дурацкими играми в “организованный туризм”). Фрустрационная компенсация позволила им обрести некий эквивалент душевного покоя и собственной значимости в руководящем составе официальных турклубов; фрустрационная компенсация родила в их травмированной психике идею о категоризации спелеологии и о полном клубном управлении ею. Подобная компенсация может быть результатом определённого недостатка, например физического дефекта или интеллектуального, культурного противоречия с вынужденной средой обитания (семья, учебная группа, коллектив на работе) — в семидесятые/восьмидесятые годы прошлого века фрустрационная компенсация такого рода привела под землю много настоящих, подлинных спелестологов и спелеологов. Которые просто не могли реализовать себя в совковом социальном пространстве: что в городском, что в регламентировано-марионеточном турклубном. Фрустрационная компенсация заставляет плохих спелеологов, утративших надежду на действительные подземные свершения, искать выход своей энергии на спелеоорганизаторском или спееоинтрижном фронте – такие люди рвутся руководить спелеоклубами и сейшенами в наше время; они не прочь посидеть в редакционном кресле и поправить статьи, присылаемые для публикации (при условии, что за это им хорошо заплатят!),– они не прочь

прославится любой ценой. Ведь “время уходит” — а спелеоприкупа не больше, чем профессиональной славы в наземном социуме. Как и, кстати, семейной устроенной жизни: ибо проблемы эти всегда взаимосвязаны. Поскольку определяются не столь внешними – сколько внутренними причинами. То есть – психикой. И уровнем ВНД. А потому тот, кто является хорошим спелестологом и спелеологом, как правило, и работу имеет стоящую, и вполне уважаем на ней – и дом у него такой, что попав в гости, уходить совсем не хочется.

Так что всегда стоит пристально присмотреться к человеку: коль он рвётся в некие лидеры/организаторы, не имея при том за душой ни работы уважительной, ни семьи, ни дома — подумайте: не жертва-ли фрустрационной компенсации перед нами? Не горит-ли он желанием прославиться на самом заметном спелеофронте, потерпев сокрушительное поражение на прочих?

Фрустрационная проекция выражается в приписывании другим людям собственных отрицательных качеств. (“У кого что болит, тот о том и говорит.”) Как правило, проекция сочетается с отсутствием критики к собственному поведению. Ярчайший пример данного типа фрустрации – когда спелестолог, задумавший в силу своей ювенальной ориентации “стать самым главным” в какой-то Системе или компании, получает классический “от ворот поворот” (ибо нормальному человеку, а тем более спелестологу, никогда не придёт в голову идея возжелать “главного над собой”: все мы Личности). В этом случае несостоявшийся лидер затевает интригу, смысл которой сводится к следующему: некто (конечно, не он – а тот, кто не пожелал его иметь над собой главным) задумал поработить и подмять под себя всю Систему. Ну, и этому наполеону самое время показать кукиш. А потому давайте объединимся, и под моим личным руководством (ведь я, самый проницательный, его первым разоблачил! За то и страдаю!) дадим ему по морде. Или выкинем из Системы. Как правило, такое поведение выбрасывает из-под земли много грязи – но успехом закончиться не сможет.

Командный психоз проявляется в состоянии фрустрации у такого рода личностей, которые привыкли к безоговорочному главенству над прочими. Это состояние близко к фрустрационной агрессии, но в тоже время отличается от него тем, что потерпевший крушение каких-либо принципов или идеи (срыв выезда, ЧП, экстремальную ситуацию, несчастный случай, конфликтную ситуацию) пытается общаться с миром лишь одним способом: “Ма-алчать!!! Я прав!!! Вперёд марш!!!” Поскольку все спелестологи – Личности, такое поведение резко отталкивает от былого лидера даже самых стойких его приверженцев.

Фрустрационная гипертрофия проявляется в том случае, когда человек, обладающий достаточно малой известностью в спелеосреде, а также недостаточной потенцией для реализации весьма амбициозных планов (это, в общем-то, беда многих начинающих спелестологов – тем более не обременённых должным образованием и спелеоопытом) терпит неудачу в каком-то своём начинании (не состоялся или пошёл наперекосяк скверно организованный сейшен, зарубили безграмотную статью о Подземле в уважающем себя журнале) – и для объяснения собственного провала прибегает к спасительной

помощи некого, достаточно известного в спелеологии, имени. Неудача объясняется исключительно кознями этого влиятельного и авторитетного лица; как борец со знаменитостью, неудачник пытается себе “сделать имя”, защищаясь от реальных промахов и неудач. Иногда этот приём срабатывает – по крайней мере в недостаточно компетентных кругах. Так кому-то ради скандальной известности достаточно объявить, что “американцы никогда не были на Луне”, начинающему минералогу – что построения известного карстоведа суть фуфел и безнадёжно устарели. Иной, за отсутствием собственного опыта длительных одиночных пребываний, повергает сомнению реальность пребываний Велковича и Сифра; на крайняк – ценность полученных ими результатов. И как “честный оппонент” столь известных светил приобретает себе таки некоторую известность. В другом варианте реализуется схема: “моё мероприятие было настолько важным для спелеологии, что мне его обрубили на самом высшем государственном уровне”. Можно понять, когда такие заявления делает человек, реально получивший в годы былые от КГБ за свои “хождения за три света”. Но когда подобные заявки кидает современный мальчик, возникает один вопрос: это фрустрация или уже паранойя? А может быть, МДП?

Конечно, на деле фрустрационных состояний (и реакций на них) психологи различают гораздо больше. И не все они описываются столь прямо – как с некторым упрощением сделал я. Опять же: основные психологические школы очень придирчво различают фрустрационные обстоятельства, фрустрационное состояние и фрустрационную реакцию человека —

– ясно так же, что в некоторых обстоятельствах иные формы негативно-фрустрационного поведения могут, как это ни странно, быть положительным (по результату) выходом из фрустрационного состояния < например: вместо того, чтобы упорно, с риском для жизни, пытаться продолбиться через завал, объявить: «не больно то и хотелось через него пробиться»,– чем, возможно, спасти свою жизнь и жизни товарищей по группе >,–

: Я лишь хотел хотел показать, что конфликтно-стрессовые ситуации, что мы испытываем под землёй и в экспедиционных выездах, описываются достаточно простыми и ясными схемами. И кто бы чего ни говорил о том, что “психология – не точная наука” (или *вообще не наука*) — уверяю: эти схемы работают, и очень точно.

К сожалению. Ибо не такая уж сложная вещь – мышление человека. Даже в самой экстремальной ситуации.

: Алгоритмизации легко поддаётся, и есть смысл это учитывать. Ну хотя бы для того, дабы не выглядеть в глазах друзей полным и законченным идиотом.

А то и кем-то похуже.

СПЕЛЕОФРУСТРАЦИИ

Теперь давайте перейдём к основной теме этой главы — собственно спелеофрустрациям. Точнее — к обстоятельствам (стрессовым агентам), что испытать возможно лишь под землёй,– а если и в городских условиях, то в ситуации чрезвычайного происшествия.

Существование отмеченных выше специфических спелеострессовых агентов, воздействующих на человека только и исключительно под землёй (в равной мере в естественных и искусственных пещерах, а также, при определённых условиях, в городской терратектуре) позволяет выделить и описать несколько фрустрационных состояний, характерных *именно для Подземли* (и нашего её восприятия) – что позволяет ввести термин **“speleofrustration”** и в силу специфики вызывающих его обстоятельств отличать от **“plain frustration”**, хорошо изученной и описанной в многочисленных научных работах.[33] Понятно, что мир Подземли посещают те же самые люди, что живут на поверхности, и их психические реакции под землёй не только ничуть не отличаются от реакций на раздражители наверху – описываются теми же схемами и в большинстве своём аналогичны хорошо и всесторонне исследованным. Однако, есть и отличия – связанные со спецификой “запускающих механизмов” и конкретными обстоятельствами “подземного бытия”. Хотя “чисто подземные” обстоятельства иной раз складываются и в наземной жизни,– тем более, при возникновении экстремальной ситуации. [Например: авария освещения в оборудованном со всем цивильным комфортом бункере, внутреннем объёме здания, лифте или протяжённом подземном переходе; транспортная авария в метрополитене или в тоннеле, порыв грунтовых вод в подземное сооружение,– etc.]

Специально замечу, что для упрощения понимания ряд стрессорных агентов, могущих вызывать специфическую реакцию на фрустрирующие обстоятельства, в нижнем списке также назван фрустрациями; профессиональный психолог легко различит (и надеюсь, простит автору) это понятийное смещение – тогда как спелестологу “все эти тонкости”, в общем-то, безразличны.

Тем более, что в реальной нашей подземной жизни они настолько слитны друг с другом, что провести отчётливую границу способен лишь опытный психиатр, имеющий при том достаточный опыт личного подземожительства. Что, к сожалению, случается крайне редко — возможно потому, что ответ кроется в финальной фразе известного анекдота: «приезжаешь на пляж – а там станки, станки…» Ибо с точки зрения практикующего психиатра все, кто добровольно проводят своё время в пещерах (грязь, темно и сыро – см. эпиграф к главе) – его “станки”, то есть клиенты. Что ж: спелеологи и спеле-

[33] Например: Н. Д. Левитов “Фрустрация как один из видов психических состояний” [“Вопросы психологии” – 1967, № 6]; Лесли Кэмирон-Бэндлер “Психологический словарь”; Майкл Лебо “Заложник эмоций”; М. Комер “Основы патопсихологии”.

стологи с радостью подыгрывают этой коде, рассуждая о своей – относительно обывательско-городских канонов – “дурковатости”…

И тем не менее, не будем забывать: фрустрационные факторы — это стрессовые агенты, могущие вызвать у посетителя Подземли (или невольно оказавшегося в аналогичных условиях человека) состояние фрустрации.

Состояние фрустрации вызывает нашу аффективную реакцию на эти агенты и факторы. Причём в основном негативную – наиболее типичные варианты которой были рассмотрены выше.

Теперь рассмотрим спелеофрустрации – то есть стрессовые и дистрессовые агенты спелеологического характера:

Фрустрация входа. Как правило, вход в пещеру не слишком широк – просторный портал встречается не чаще, чем в одном случае из десяти в естественных пещерах; что касается терратектуры, то лишь в некоторых регионах (например, в Самарском, Южноукраинском и в районе Саблино[34]) не взорванные входы в каменоломни имеют просвет, превышающий 2 Х 2 м. Чаще всего вход в подземную полость представляет собой достаточно узкий шкуродёр, “сухостью не страдающий”. Чтобы проникнуть в пещеру, входящему приходится становиться “в коленно-локтевую позицию”, либо ложиться животом на мокрую землю, глину,– а то и просто в грязь – и протискиваться далее по не слишком широкой щели, иной раз весьма извилистой, со значительными перепадами по высоте. Мало того: что земляной склон-обрыв над входом, что торчащие из него камни или края плит априори не выглядят “убедительно прочными”,– для новичка совершенно очевидна мысль: «А не […]-ли всё ЭТО мне на хребтину иль голову, как только я залезу *туда?..*»

Если погружение в пещеру происходит днём, да ещё при ярком солнечном свете – какое-то время входящий не может различить никаких визуальных деталей ландшафта, ибо зрение наше обладает определённым периодом адаптации, и переход от яркого света к полутьме даётся некоторым людям очень тяжело. Ушибы головы и рук при таком полуслепом, при этом неизбежно-вынужденом, перемещении по пещере, для неофита практически неизбежны. Как и периодическое погружение конечностей (а то и всего тела) в “более чем неприятную” холодную жижу. В общую палитру отрицательных эмоций добавляется, опять же постоянный для неофита, вопрос: *крепок-ли свод над головой, на чём висят эти камни?.. сколько метров земной толщи над нами, с какой силой давит она на свод???* Боязнь отстать от впереди ползущего проводника (и как следствие, периодическое натыкание головой на его обувь) – равно застревание в узких местах хода (как самого себя, так транса или рюкзака со снаряжением) положительных эмоций новичку также не добавляют. В результате чего, если впервые приведённый в пещеру не был предварительно должным образом проинструктирован, у него может развиться

[34] Большими просветами входов обладает ряд пещерных городов в Средней Азии, Крыму, Молдове и на Кавказе – но к ним положения данного раздела мало относятся, ибо протяжённость ПАС этого вида, как правило, не велика и все они в той или иной мере освещаются солнечным светом.

“фрустрация входа”, переходящая в самый настоящий дистресс.

Какую реакцию на это состояние изберёт психика неофита – положительную или отрицательную, а если отрицательную, то какого именно типа — зависит не столько от мечтаний-фантазий испытуемого (то есть его романтически-восторженного предшествующего представления о Мире Подземли), но впрямую от ваших подготовительных усилий. Поскольку данное замечние можно применить почти ко всем типам спелеофрустраций, повторять его не буду.

Конечно, опытные спелеологи и спелестологи фрустрацию входа *просто не замечают* – для них проникновение в пещеру даже в самых неблагоприятных условиях значит не более неприятное переживание, чем для горожанина необходимость дождаться при переходе улицы нужного сигнала светофора. Для неподготовленного новичка (тем более, если у него имеются не выявленные в городе аберрации психики – такие, как клаустрофобия, обскурия, сордерия или сводобоязнь) первая же попытка посещения Подземли может кончиться весьма плачевно.

Зрительная фрустрация. Замечу, что по направленности светового потока все наши средства освещения можно разделить на направленные, объёмные и полуобъёмные. Объёмные средства освещения создают световой поток, равнонаправленный во все стороны. Пример: свеча, факел, керосиновая лампа, горящий плекс, ХИС[35]. Полуобъёмные – ненаправленный (нефокусированный), освещающий одну полусферу. Пример: карбидка (ацетиленовый фонарь), керосинка с закрытой полусферой, ходовая парафинка (консервная банка со вставленной свечой и раскрытой/разрезанной передней полусферой). Направленный свет – как правило, электрический, в котором световой поток от лампочки или светодиода собирается/фокусируется либо рефлектором (параболическим отражателем), либо рефрактором-коллиматором (системой линз).

Объёмный свет при движении по пещере имеет существенное неудобство: поскольку световой поток идёт во все стороны, он в первую очередь слепит его носителя. При этом слепящее пятно по определению ярче, чем свет, отражающийся от какой-то “дали” – деталей ландшафта. Результат: возникает зрительная фрустрация. Ты светишь вперёд – но разглядеть, что там, мешает слепящее пятно перед тобой. Решить эту проблему можно, располагая объёмный источник света сбоку от себя, или даже чуть сзади,– но при этом образуются тени. Тени мешают, а яркость света в дали всё равно недостаточна — против яркого ореола справа или слева. Да и не везде под землёй можно расположить источник объёмного света справа или слева от себя. Очень часто его приходится держать перед собой,– опасаясь при этом открытого огня, вдыхая продукты

[35] Химический источник света – выпускается в виде прозрачной трубки (колбочки), использующей колебательную реакцию двух компонентов с выделением света. Как правило, мощность их недостаточна для полноценного освещения подземного объёма – однако “тупой Голливуд” активно кажет нам в своих киноподелках, что с ними можно ориентироваться под землёй. Ну, у них и рации под землёй работают, как на поверхности.

горения. И терпя всё то же “слепое пятно” по оси твоего движения.

: Некомильфо. Зрительная фрустрация по-любому.

А потому современные спелеологи и спелестологи практически полностью отказались от традиционных объёмных средств освещения — таких, как керосиновые лампы, факела и свечи. То есть для освещения грота свечи применяются весьма широко (по-видимому, в обозримом будущем даже газовые петромаксы не заменят их – хотя бы по экономическим причинам, простоте и безопасности),– при движении по пещере используется исключительно электрический свет, причём в последние годы всё более светодиодный. В том числе с импульсной накачкой светодиода, что гарантирует неизбежное мерцание, на первый взгляд глазом не различимое. Но это — только на первый.

Ибо зрение наше устроено весьма специфически, и фотооптические свойства хрусталика и сетчатки ещё не всё зрение – не меньшее значение для нашего восприятия мира играет работа нервных центров в неокортексе, обрабатывающих зрительную информацию. Причём не только статическую – но и динамическую.

: Считается, что центральное наше зрение не различает мигания света с частотой, превышающей 100 Гц. С одной стороны это так. С другой – отсутствие осознанной реакции на колебания освещённости с большей частотой ещё не значит, что глаз не различает столь быстрые световые колебания или что подсознание наше их не замечает – даже если из сетчатки приходит должная информация.

На деле сетчатка глаза способна реагировать и на одиночные кванты света, и на мерцание с частотами до 10 ÷ 15 кГц (как и музыкальный слух, это зависит от индивидуальных особенностей),– эволюционное развитие нашего зрения сделало осознанную реакцию на столь быстрые колебания освещённости “как бы не нужной” – и на уровне сознания мы её не замечаем. Но подсознание (не будем вдаваться в тонкости софистических споров, что следует называть этим словом) фиксирует и обрабатывает всю информацию, воспринимаемую глазом. С соответствующими, иной раз, последствиями.

При этом периферическое зрение – ответственное за восприятие и анализ информации, приходящей с края зрительного поля – при отсутствии чёткости, свойственной центральному зрению, обладает в десятки раз большей чувствительностью что к световому мерцанию, что к изменению спектральной составляющей света. “Сзади, сбоку, может напасть враг – а потому следует постоянно быть настороже”,– этот эволюционный девиз даровал нашему периферическому зрению повышенную чувствительность к любому движению, любому изменению освещённости или спектра.

: Идёшь по пещере с налобником, в котором повышенную яркость безинерционных, по определению, светодиодов задаёт мультивибраторная накачка с неизбежным мерцанием — подсознание, в которое стучится “сигнал тревоги”, получаемый с периферического зрительного поля, постепенно ‘клинит’.

Не забудем и про утомляемость зрительных нервов – причём от первого их слоя, что непосредственно связан с фоточувствительными “колбочками” и

“палочками”: она возникает в данном случае из-за постоянной регенерации аксонов зрительного анализатора, и из-за того, что первый нервный слой, что призван “сгладить” яркость получаемого изображения (как спектральную, так пространственную), “никак не может определиться”: где у нас более яркая зона, а где нет, и в какой момент времени эта зона освещена относительно суммарного светового сигнала умерено, избыточно или слабо. Учтите, что именно это волшебное свойство нашего зрения – автоматическая коррекция яркости и цвета изображения относительно среднего, причём избирательно на всей оптической площади, и позволяет нам одновременно видеть то, что любая линейная фотооптика определяет и как засветку, и как чёрную тень.

А вот мы – видим. Одновременно, сразу. И что в глубокой тени под кроной дерева – и что над его кроной на небе.

Да только именно этот удивительный фотоадапционный механизм падает первой жертвой светодиодного мерцания и узконаправленного светового потока.

: Стресс, поначалу невинный, не различимый осознанно, переходит в дистресс. Как следствие, возникает состояние панического страха; иногда головной боли. Всё зависит от индивидуальных психических особенностей.[36]

Другим примером зрительно-стрессогенного фактора является неполноценность спектра светодиодного света; как и в случае с мерцанием, это важно для одних людей и не важно для других. Однако угнетающее действие “мёртвенного” неполноценного спектра ощущает большинство. И это является причиной популярности ламп накаливания и карбидных, свет которых данного недостатка лишён. При этом сверхполный спектр “бриллиантового” света ксеноновых и металлогалогеновых ламп является средством нормализации психического состояния достаточно сильным, чтобы он применялся при лечении депрессий.

Но и с обычным электрическим светом (светодиодным без импульсной накачки или от лампочки накаливания, без разницы) мы вводим подсознание в состояние фрустрации. Ибо информация, получаемая нашим зрением, приходит лишь с его центральной области. По краям – зона затемнения. Свет фонаря или налобника сфокусирован по центру зрительного поля; информации с краёв нет и быть не может. Но для нашего подсознания (той его части, что отвечает за первичную обработку зрительной информации) такое состояние дел — нонсенс. Помимо того, что темнота априори связывается в нашем подсознании с “на всякий случай” ожидаемой опасностью [“темнота ≡ неизвестность”], дисбаланс меж освещённостью центрального зрительного поля и периферического точно также приводит к возникновению зрительной фрустрации.

---

[36] Примечание DJ Сварщика: «Сейчас разрабатываются методы высокочастотной накачки, когда частота импульсов высокой мощности на СИД будет достаточно высока, чтобы ни зрительный нерв, ни мозг реагировать на неё не могли. Когда на рынке появятся данные светодиодные системы по доступной цене – описанный спелеострессовый агент канет в лету.»

: С центрального поля приходит информация, что ты движешься правильно. Боковое зрение раскачивает подсознание: не понимаю, что происходит. Тени от выступающих плит и камней скрадывают щели и шкурники, сравнимые с ними по размерам. Адекватное восприятие бокового поля отсутствует; даже в известном тебе лабиринте не происходит узнавания/отождествления (на подсознательном уровне) периферической части пейзажа. Результат — провоцируемое чувство тревоги, страха заблудиться. На фоне какого-либо дополнительного стрессового агента (или отвлекающего внимание фактора) может обеспечить полную потерю ориентации “даже в самом знакомом на ощупь месте”,– что я лично испытывал неоднократно, и поведал на страницах этой повести.

Такая “потеря ориентации” – типичное следствие зрительной фрустрации. Которая многократно усиливается оттого, что электрический свет (против колеблющегося пламени свечи, факела или плекса) по природе своей крайне направлен и статичен; объёмно-динамическое восприятие пространства практически невозможно. Весь объём, что определяется динамическим изменением освещённости – только от твоего перемещения по пещере. Но перемещаясь, ты меняешь точку обзора,– что адекватности зрительного восприятия не способствует. В результате если ты посмотришь на тот же пейзаж чуть под другим углом (а уж тем более при возвращении назад) – просто не узнаешь его.

Следствие: всё та же потеря ориентации, зрительной фрустрацией спровоцированная.

Которую опытные спелестологи и спелеологи блокируют либо на вербальном уровне [“Всё это фигня, которая мне по барабану”], либо с помощью алкоголя, затормаживающего процессы в ЦНС и дающего нам “некоторую долю безбашенности”. Однако, “подсознанию не прикажешь”. Тем более, при отсутствии должного спелеоопыта.

Но ведь и впереди “не всё хорошо”: в протяжённых прямых коридорах, встречающихся не только в диггерской практике, но и в условиях каменоломен и естественных пещер, свет фонаря лишь подчёркивает мрак впереди, создавая кольцо света, отражающегося от близко расположенных стен. То есть на фронтальном поле зрения присутствует светлое кольцо с чёрной дырой посередине. Это может служить сильнейшим провоцирующим фактором для создания стрессового напряжения, ибо генетическая память однозначно говорит нам: *там, где Тьма – может скрываться опасность.*

Дополнительный зрительно-фрустрационный фактор – накапливающаяся усталость глазных мышц хрусталика, ибо жёстко (относительно глаз) фиксированный источник налобного света неизбежно фиксирует наши глазные мышцы в одном положении. И не забудем, что уже в первичном нервном слое сетчатки нашего глаза происходит цветовое и яркостное выравнивание получаемой зрительной информации – но поскольку чувствительные к свету клетки запасными усилителями не обладают, специальный нервный слой, находящийся под этими клетками, “сажает”, то есть загрубляет импульсы, приходящие от “слишком ярко освещённого”, относительно иных зон, направления. Анало-

гично получается и с цветом, ибо принцип один. Периферия тёмная — “садится” чувствительность зрения по центру.

Имеем спектральный светодиодный пик на какой-то длине волны – не прочие части спектра “подтягиваются” к этому пику, но пик яркости “сажается”, приводится к недостаточно освещённым “спектральным краям”. В результате чего многим из нас (тем более при монохромном светодиодном освещении) начинает через некоторое время казаться, что “свет садится”.

: Зрительная фрустрация переходит в психотическое состояние. Конечно, оно ещё не подлинный психоз, и уж подавно не фобия – но подсознание запускает активную вербальную деятельность в направлении, “в котором её лучше не запускать” — вербально выражаемое опасение (тем более у лица с гипертрофированной фантазией или склонностью к повышенной тревожности, впечатлительности и эмоциональной лабильности) провоцирует подсознание на “раскачку” фрустрации.

Что до добра не доводит.

В этом смысле источник максмально спектрально-полноценного света (условно-белые светодиоды с неизбежным “креном” в синеву дополнены красными, жёлтыми и зелёными) предпочтительнее спектрально-неполного, либо монохромного; “тёплый свет” отнюдь не вечной лампочки накаливания лучше (хотя и неэкономичней) “вечных” светодиодов.

А фонарь в руке, которым ты постоянно освещаешь пейзаж с разных сторон относительно глаз, предпочтительнее “более удобной” налобной системы. Оттого многие спелеологи и спелестологи, даже пользуясь хорошими налобниками, предпочитают по мере возможности носить их в руке. Данный приём в значительной мере блокирует возникновение зрительной фрустрации. Иные предпочитают оснащать налобные системы дополнительными светодиодами, дающими боковую подсветку зрительному полю; некоторые пользуют под землёй самодельные налобники с разнесёнными источниками света – не создающими резких теней от освещаемого объекта и позволяющими глазным мышцам переключаться при обозрении периферической части ландшафта, или с коллиматорами на светодиодах, рассеивающими свет с углом раскрытия до 120°. В противном случае, как говорилось, мы не только “теряем в освещённости” – глазные мышцы вынуждены держать глазное яблоко и хрусталик строго в одном положении,– зато повышенной нагрузке подвергаются мышцы шеи. Не думайте, что подобный перекос мышечной нагрузки, на которую наш организм априори “не рассчитан”, идёт ему во благо.

Акустическая фрустрация. Во многом сходна с зрительной, ибо уровень звуковой информации, получаемый нами под землёй, в сотни раз ниже, чем на поверхности. На уровне сознания эта разница почти не заметна – но подсознание наше привыкло постоянно анализировать огромное количество всевозможных шумов (как ближних, так дальних; как постоянных, так пиковых) — попав в обстановку, где эти шумы отсутствуют “по определению”, слух наш во-первых, существенно понижает порог своего акустического восприятия, доступного сознанию (чем ниже порог, тем выше чувствительность),– ибо подсознание всегда ориентируется на некий средний уровень воспринимаемого

ушами шума; что слышат уши ниже некой середины, в сознание просто не пропускается за “незначащейстью”, хотя подсознание ведёт постоянную обработку и этой информации на предмет “скрытых звуков опасности” — в результате неоправданного задирания слуховой чувствительности человек начинает слышать ток крови в сосудах и прочие внутренние звуки, которые на поверхности просто не замечает. Шуршание комбеза может представиться, как грохот сыпухи за стеной; удары собственного сердца – как грохот обвала, шаги другого человека.

В случае незначительного спелеоопыта дистрессовое состояние гарантированно.

Во-вторых: акустический анализатор в обычных условиях подвергается воздействию множества шумов, но суть его конструкции такова, что, лишившись их на входе, он создаёт их внутри себя. Этот процесс имеет место и со зрительным анализатором и называется, в своём крайнем проявлении, “аутогенным разрядом”. В этом режиме анализатор работает как усилитель, создавая “слышимые” звуки и абсолютно чётко “видимые” и управляемые образы.[37] И слышатся чьи-то голоса, музыка, шаги, камнепады и прочее — чего нет на самом деле.

: Как и в первом случае, следствием имеем фрустрацию. При которой человек либо начинает напряжённо прислушиваться – что послышалось, не обвал-ли?.. Кто-то подходит к гроту, зовёт на помощь?..

Чувство тревоги стоит за этими вопросами и диктует их. Но тревоги, реальными обстоятельствами не мотивированной.

— А иной чайник, как уже говорилось, начинает бессознательно производить как можно больше шума. (Как и в случае зрительной фрустрации включать и выключать свой фонарь.) Эти действия – типичный результат спелеодистресса, при котором человек на бессознательном уровне пытается как-то синхронизировать работу явно бунтующего подсознания и сознания. В случае, когда окружающие не заметили этих тревожных симптомов и не приняли соответствующих мер (изменить освещённость в гроте, как-то переключить внимание пострадавшего, создать ровный звуковой фон, включив плэер или взяв гитару), фрустрация может провоцировать развитие какой-либо фобии. [Например, клаустрофобии.]

Информационная фрустрация. Связана с акустической и зрительной, но проявления её более общие. Ибо под землёй не только сокращается зрительная и акустическая информация, воспринимаемая нами — все информационные потоки, на поверхности ежесекундно проходящие через наше подсознание, под землёй оказываются перекрытыми наглухо. Причём под землёй не просто темно и нет звуков – всё, что видим, мы сами и освещаем; звуки, что слышим, вызываем сами. Нет практически никакой информации, что мы получаем как бы саму по себе – даже климат исключительно статичен, ни колебаний воздуха, ни температуры, ни влажности; нет теле- и радионовостей, нет свежей прессы, нет стороннего движения, нет смены времени суток,– как уже говорилось,

[37] Признаю упрощённость такого объяснения.

отсутствие информации о внешнем мире для нашего сознания и подсознания значит почти тоже самое, что её ударный избыток. Практически вся информация, которой мы можем оперировать под землёй – особенно в условиях одиночного подземного пребывания – заключается в нас самих. И в действиях, что мы сами производим.

И если спелеолог, в силу ориентации своей психики являющийся самодостаточной личностью, попав в “информационный коллапс” Подземли, испытывает благостные чувства – подсознание и сознание его отдыхают под землёй от информационного избыточного давления поверхности, при этом тонкие системы подсознания начинают напрямую получать информацию от мира, которая на поверхности ‘забивается’ раздражающим шумом — человек иного психического склада (паче чаяния являющийся, в терминах экстрасенсорики, “информационно-энергетическим вампиром”) реагирует на информационную блокаду весьма болезненно.

При одиночном пребывании под землёй информационная фрустрация у таких лиц проявляется в виде депрессии, апатии, потери “чувства времени” и, как крайняя форма, в виде потери ощущения своего “я”, зрительных и слуховых галлюцинациях. [Читаем Сифра.]

При групповом пребывании эти люди склонны к повышенной болтливости, излишней суете и назойливости,– например, раскрытая книга в руках приятеля не только не остановит их от бесцельного и не столь обязательного общения – служит поводом начать разговор. При этом (пример просто классический) в гроте может быть много работы, которую жертва информационной фрустрации могла бы сделать “ко всеобщему благу”. Да и у самой жертвы наверняка есть, чем заняться – привести в порядок своё личное снаряжение, починить разорвавшийся комбез или взять в руки свою недочитанную книгу, коль выпала такая минута спокойного отдыха… Но нет: ничем самостоятельным или самодостаточным жертва информационной фрустрации заняться не может “по определению”. Как правило, окружающим довольно быстро их присутствие становится “не просто в тягость” — даже если заставить их вести себя “внешне прилично”. Ибо (в эниологическом смысле) такой индивид настолько привыкает на поверхности “тянуть” из окружающей ноосферы и информацию, и энергию, что под землёй неизбежно становится для окружающих чем-то вроде “чёрной дыры” — холодной и раздражающей на подсознательном (ассоциативном) и вербальном уровнях, соответственно. На уровне физиологическом вызывающем головную боль – как результат постоянного сигнала подсознания: с этим человеком что-то не так, нужно держаться от него подальше. [“Достал, спасу нет как!..”]

Ориентационная фрустрация. Возникает, как правило, у новичков при продолжительном гулянии по неизвестной до того части пещеры – но особенно подвержены ей лица с так называемым “топографическим кретинизмом”. В основе которого, по-видимому, лежит персональная неспособность индивида адекватно осознать и запомнить трассир своего пространственного перемещения. Сбой в работе “внутреннего гирокомпаса” такие лица компенсируют внешними ландшафтными привязками, причём не без некого крена либо в

вербальную сторону (на поверхности – номера домов, названия улиц; под землёй – названия гротов или ориентационные артефакты типа настенных граффити или табличек), либо в ассоциативную (тут полный простор для фантазии). Понятно, что в условиях зрительного дистресса (фрустрации) – не заметил табличку/граффити; свет лёг так, что прежнего узнаваемого образа не возникло – отсутствие топологической внутренней памяти и способности к автоориентации порождает ориентационную фрустрацию.

Причём возникнуть она может и у лица, к “топографическому кретинизму” вовсе не склонному. А только потому, что ты оказался в новой, неизвестной до того системе ходов – и через пару-тройку очень похожих поворотов или десятка минут кувыркания в извилистых шкуродёрах “немного потерял ориентацию”.

Вербальные привязки не помогают, потому что их либо нет, либо они не срабатывают (схожие таблички/надписи, или полное отсутствие оных); ассоциативные не успели сложиться, либо каприз ассоциативного отождествления дал сбой. По любой из 10.000 возможных причин.

Ощущение, что ты заблудился (даже если на самом деле до этого пока далеко), провоцирует чувство тревоги, неуверенности; поддавшись ему, можно действительно потерять ориентацию и заблудиться в вовсе не сложном лабиринте. Вовремя не блокированная ориентационная фрустрация может спровоцировать соответствующий психоз или фобию; в этом случае общение с Подземлёй придётся прекратить.

Конечно, опытный спелестолог ориентационного дистресса не испытывает даже в той ситуации, когда реально (на какое-то время) теряет ориентацию в новом для себя лабиринте – во-первых, благость, что постоянно испытывает он при нахождении в пещере, не оставляет места проявлению неглубоко мотивированных отрицательных эмоций, и на это благостное чувство накладывается кайф от *персонального освоения* (исследования, покорения) новой части пещеры – паче чаяния речь идёт о действительном первопрохождении,– во-вторых, весь его спелеоопыт однозначно говорит: да разве было такое со мной, чтоб я заблудился и не нашёл выхода?..

Фрустрация узости. При застревании в узкой щели – вертикальной или горизонтальной, лифте или шкурнике, нет принципиальной разницы – любой человек испытывает неизбежное фрустрационное состояние, в основе которого — беспомощность, иной раз обостряемая болью от неудобно заклинившей руки, ноги или иной части тела. Неподготовленному человеку начинает казаться, что окружающий камень сжимается, сплющивает его тело, пытается раздавить (часто при этом происходит бессознательное одушевление, персонификация по определению не живого, статичного камня),– в результате чего у новичка может развиться состояние психоза или фобии. Дополнительным фактором, усиливающим фрустрацию узости, может быть “синдром сдавливания”, пережитый в детстве, или полученная родовая травма. Опытный спелеолог в узости патологических состояний не испытывает – для него прохождение узкого шкурника или лифта не более, чем для спортсмена преодоление чисто спортивной трудности, приносящее по завершении чувство победы над

камнем, состояние радости, успеха. Не секрет, что многие спелестологи и спелеологи наиболее сильные положительные эмоции испытывают под землёй именно по покорению всевозможных узостей, непроходимых для иных в принципе – например, в силу значительных персональных габаритов или отсутствия должного опыта.

У новичка фрустрация узости способна перейти в дистрессовое состояние, близкое к кататонии – в таком состоянии человек не может выполнить даже того движения, которое на самом деле трудностей у него вызывать не должно. Спелестологи называют такое состояние новичка “ложным застреванием”,– в этом названии заключается горькая правда. Бороться с “ложным застреванием” можно лишь одним способом: собственным примером (вдвойне хорошо, если ваши габариты превосходят габариты сражённого фрустрацией узости чайника) показать, как именно проходится эта узость, какие движения и в каком порядке следует делать. А какие — “ни-ни”.

Фрустрация тупика. Возникает у некоторых лиц, когда они при своём гулянии по пещере неожиданно попадают в тупик – преграждающий дальнейший путь завал или естественное окончание штрека, край разработки. Связана с глубинной кодой нашего подсознания, что у любого подземного хода и/или пещеры не только должен быть вход, но и выход. [О мотивации этого подсознательного убеждения я подробно рассуждаю в книге «Пещеры – Человечество – Космос».] Понятно, что элементарная логика в сочетании с даже незначительным спелеоопытом в состоянии оспорить это устойчивое заблуждение,– тем не менее, ряд новичков, должным образом не подготовленных, при попадании в тупик испытывает самую доподлинную фрустрацию. Со всеми вытекающими аспектами негативной фрустрационной реакции. Которая может быть значительно усилена испытанной перед тем фрустрацией узости («Как! Неужели придётся возвращаться обратно через эту жуткую шклевотину?») или ориентационной фрустрацией («Всё! Теперь мы точно заблудились, и выхода нет!»),– фраза «Выхода нет!» передаёт этот тип фрустрации наиболее ёмко.

Барьерная фрустрация. Проявляется под землёй при прохождении вертикальных пещер на всё большую и большую глубину, или при подземных пребываниях при увеличении их продолжительности. Например, если в первом погружении в пещеру человек преодолевает 100 м глубины и испытывает при этом естественные психологические и физические трудности – при втором погружении на ту же глубину трудности не испытываются, или влияют на нас гораздо меньше. Отрицательные эмоции отсутствуют. Но при достижении барьера прошлого спуска всё повторяется – как только преодолён этот барьер, возникает фрустрационное состояние. И так снова и снова. Аналогично с увеличением времени пребывания под землёй: если в первом походе под землю новичёк пробыл в пещере без ночёвки (и естественно, испытал при этом полный набор стрессовых состояний), то во втором однодневном походе он чувствует себя уже уверенно,– отрицательных эмоций не испытывает – все трудности, что он встречает при движении под землёй, знакомы ему и опасности на уровне подсознания не представляют. Но с увеличением времени пребывания – в случае, если второй поход проводится с ночёвкой – при

преодолении прошлого временного барьера возникает всё то же состояние тревоги, фрустрации.

Как правило, следующий временной барьер подземного пребывания – неделя. Решившийся на первое недельное пребывание под землёй первые двое суток не испытывает никаких неприятных эмоций,– это время подземожительства ему уже привычно. На третьи сутки он незаметно преодолевает барьер,– ибо привычное чередование ночёвок и бодрствования под землёй ничего нового, опасного, “как бы не сулит”,– однако накапливается усталость, провоцируемая: ну когда же, когда выемка на поверхность? и состояние тревоги вновь посещает его. В дальнейшем барьером становится месяц пребывания под землёй — по преодолении этого барьера фрустрация отступает и может сказаться лишь при увеличении срока подземожительства до полугода.

Сходную фрустрацию приходится преодолевать вертикальному спелеологу при необходимости организации подземного лагеря на такой глубине, с которой подняться на поверхность за один рабочий день невозможно – фрустрация от осознания того, что случись какое-то ЧП на глубине, и у тебя нет возможностей и сил тут же подняться на поверхность — очевидна.

При посещении пещеры лабиринтового типа барьерная фрустрация случается в том месте, где ты достигаешь границы уже известной тебе и неоднократно пройденной части пещеры: до этой границы ты можешь без проблем вернуться к выходу — по преодолении её, вступая в новую, неизвестную часть, шансы безпроблемного возвращения падают и стрессовое состояние неизбежно.

Понятно, что фрустрация барьера лечится постепенным (поэтапным) обретением спелеоопыта[38] и свойственна лишь новичкам.

Но она есть, и её стоит учитывать как при посещении вертикальной пещеры, так горизонтального лабиринта или при увеличении времени подземожительства. “Преодоление любого барьера – всегда небольшой подвиг”.

Аварийная фрустрация. Может возникнуть у начинающего спелеолога при внезапной поломке (отказе) какого-либо предмета спелеоснаряжения или при попадании в зону обвала. Опытный спелеолог что к аварии снаряжения, что к пережитому камнепаду относится весьма философски – ибо раз эта оказия случилась, и ты каким-то образом остался жив, нужно не заламывать руки, а искать достойный выход из сложившегося положения. Новичёк же испытывает самый настоящий дистресс. Например, при обрыве верёвки в вертикальной пещере при использовании техники SRT или корделета, первая мысль чичаки-чайника: я пропал, теперь я отсюда никогда не выберусь! Опытный спелеолог знает: есть контрольный срок и есть наверху товарищи. Да и можно попробовать подняться по стенке остающиеся два-три метра до конца верёвки “свободным лазаньем”, или накинуть на висящую меж двух точек

[38] Мало того: этот механизм используется в поведенческой терапии для лечения фобий. Он позволяет получить результат простым методом и быстро. Нормализованное таким образом состояние может быть стабильно от нескольких месяцев до нескольких лет.

крепления верёвку репчик с грузом; им подтянуть основную… В общем – ищет выход.

Аналогично получается в случае подземного паводка, при аварии примуса или газовой горелки – чайник уходит в “ступор” панического состояния; опытный спелек ищет достойный выход – убежище от паводка, ремонтирует вышедшее из строя снаряжение.

Обскурационная фрустрация. Является частным случаем аварийной фрустрации, но поскольку свет под землёй является важнейшим элементом нашего бытия и отношение у всех нас к Тьме особое (в темноте человек действительно становится абсолютно беспомощным; тьма провоцирует состояние неуверенности, неизвестности, страха), выделена мной в особый вид спелеофрустраций. Возникает при отказе имеющегося средства освещения, когда человека внезапно окутывает полная тьма – провоцирующая состояние дистресса (“теперь я пропал, заблужусь, никогда не найду выхода, сгину в этой тьме” – и так далее). Состояние обскурационной фрустрации может смениться устойчивой фобией или спровоцировать паническую атаку. Естественно, наиболее подвержены обскурационной фрустрации неподготовленные должным образом к посещению Подземли новички — ибо у опытного спелеолога всегда имеется запасной источник света; основной свет, как правило, не склонен к внезапному разрушению или иному выходу из строя.

На поверхности обскурационная фрустрация, как уже говорилось, может возникнуть у любого человека при нахождении во вполне комфортном техногенном подземном пространстве – например, в том же бункере или в метро при аварии света. Безусловно, проявления этой фрустрации будут дистрессовыми, а потому её стоит учитывать особо.

Эниологическая фрустрация. Абсолютная эниологическая изоляция пещеры от ноосферного поля поверхности способствует (вкупе со специфическими свойствами микроклимата пещер, особенно в части ионного баланса воздуха) развитию повышенной экстрасенсорной чувствительности каждого, кто попадает под землю. Для неподготовленного человека это может стать своеобразным шоком – не умея анализировать эниологическую информацию (ибо на поверхности она забивается шумами), человек подвергается мощному воздействию эниологической фрустрации. Естественной реакцией на которую становится прогрессирующее чувство опасности, так называемый “спелеомандраж” (спелеодеймос) — чувство бессознательного страха, переходящее в ступор. [“Надо как можно быстрее уйти из этого места!”, “Надо срочно подняться на поверхность!”, “Не надо идти, куда задумали!”, “Непонятно, что делать дальше, вот-вот случится нечто нехорошее, опасное!..”] Это чувство возникает иной раз даже у маститых спелеологов и спелестологов хотя бы один-единственный раз в жизни.

Как правило, никаких “зримых” поводов к приступу спелеодеймоса (он всегда внезапен), как и мотиваций, не обнаруживается – по крайней мере, на вербально-рассудочном уровне. Причины его до сих пор не вполне ясны,– “но от этого не легше”. Согласно ортодоксальной точке зрения (не включающей слово “эниология” в свой лексикон), стрессовые спелеоагенты, не восприни-

маемые на вербальном уровне, как угроза нашей жизни, аккумулируют в правом, ассоциативном полушарии, своё действие – и по достижении некоего "порога" срывают "дистрессовые тормоза". Объяснение красивое, но весьма поверхностное. А потому возможно правы те, кто считают это состояние не фрустрацией, но *неким предупреждением Системы:* не ходи дальше, не делай то-то и то-то — будет бяка. В принципе, данное "предупреждение" ничем не отличается от обычной интуиции,–

: Согласно принятой в современной психологии точке зрения, интуитивное мышление порождается правым полушарием; оно не оперирует никакими символами и генерируется бессознательными процессами, которых в функционировании бодрствующего мозга абсолютное большинство — около 96%. Логически, интуиция построена на партиципации, сходстве и не имеет защиты от внутренних противоречий. Она является первичным мышлением, тогда как символьное, левополушарное мышление используется человечеством сравнительно недолго < некоторые исследователи считают, что "всего 12.000" лет; иные отпускают "целых 40.000", но не более – см., например, Олард Диксон, «Шаманизм», "Рефл-бук", Москва, 2000 > и является новоприобретённым под действием необходимости интериоризации операциональных актов. Таким образом, для совершения акта интуитивного мышления необходимо активное состояние определённых нервных клеток, что регулируется ретикулярной формацией, лимбической системой и медиобазальными отделами неокортекса и наличие меж ними установленных связей (данный процесс взаимодействия нервных импульсов должен быть привычным, устойчивым). Определённые участки коры должны быть подключены к проводящим путям мультиплексорными нейронами таламуса, которые и управляются ретикулярной зоной, частью вентрального таламуса. Эти мультиплексоры перебирают участки коры, выбирая каждый на 1/10 сек. Если активное пятно коры станет устойчиво удерживаться в одной её части или в нескольких, которые могут с пользой взаимодействовать, в них начнётся генерация навязанного ассоциативного процесса, имеющего больший или меньший смысл. Нетрудно заметить, что *в принципе* данное объяснение механизма интуитивного мышления не противоречит принятому в эниологии механизму т.н. *информационного резонанса* (более того: в каком-то смысле они дополняют друг друга) — но поскольку сравнение этих теорий выходит за рамки моего повествования, останавливаться на их деталях не будем.

Так как я за годы общения с Подземлёй (как и абсолютное большинство моих товарищей) убедился, что эниология не блеф и не морок, то скорее соглашусь либо с эниологическим, либо с интуитивным вариантом. Тем более, что меж ними не просто сходство – и в основе нашего "интуитивного мышления", и в основе "ассоциативного эниологического очувствования мира" лежит деятельность исключительно правого полушария; провести грань иной раз бывает затруднительно.[39]

[39] Подробнее об этом: P. Devereux, «Earth Lights» – Wellingborough, England, "Turnstone", 1982; «Earth Lights Revelation» – London, "Blandford",

Особенно если учесть, что достоверную эниологическую фрустрацию ощущают при первом своём посещении Подземли сильные эмпаты и экстрасенсы – все они испытывают ощущение, сходное с тем, что может почувствовать обычный человек, если внезапно оглох или ослеп.

И что, быть может, не удивительно на этом фоне – аналогичный стресс испытывают наши собаки, когда впервые попадают под землю. При этом, поскольку изначальными вербальными установками они не скованы “по определению” и в пристрастии к прочим фрустрациям их заподозрить сложно — остаётся лишь одно объяснение их дистрессового (точнее, фрустрационного) состояния: эниологическое.

Как правило, после не столь значительной по времени адаптации (сходной с адаптацией наших глаз, которым нужно время, чтобы привыкнуть к слабому свету налобника, когда мы попадаем в пещеру в разгар солнечного дня), эмпаты и экстрасенсы начинают чувствовать определённую благость в ситуации, когда пропадает ежедневно долбящий со всех сторон поверхностный эниологический прессинг. Но когда они приближаются к выходу из пещеры, эниологический прессинг “верхнего мира” обрушивается на них с привычной силой – провоцируя так называемую “фрустрацию выхода из пещеры”.

Фрустрация выхода. Возникает у посетителя Подземли в момент возвращения на поверхность или при мысли о том, что этот момент (как ни оттягивай его) неизбежно настанет. Адаптировавшиеся за время нахождения под землёй к малому информационному фону наши органы чувств (включая обоняние, ибо запахов под землёй практически нет, самый сильный источник запахов в пещере – сам человек и продукты его жизнедеятельности) по выходу на поверхность получают такой “информационный удар”, что нередко возникает фрустрационное состояние. Конечно, чичакам и чайникам это состояние не ведомо в принципе – им априори “хочется к солнышку” —опытные спелестологи и спелеологи, “повязанные по жизни Пещерой”, при одной только мысли о том, что неизбежно возвращение “в проклятый город”, впадают в депрессивное состояние. Аналогично, как уже говорилось, эмпаты и экстрасенсы.

Фрустрация выхода может усиливаться у опытных спелестологов чисто физическими трудностями преодоления выхода из пещеры (узость выходного шкуродёра или колодца, потоки затекающей во вход грязи),– и если при входе в привычно-знакомый мир Подземли опытный спелестолог трудностей преодоления привходовой узости не замечает (“что эти трудности против радости и кайфа, что ожидают впереди?”), то при выходе из пещеры всё происходит “с точностью до наоборот”: *“опять возвращаться в этот проклятый город, да ещё через такие дермищи…”*

1989; M. Persinger, «Space-Time Transients and Usual Phenomena», «The Tectonic Strain Theory» и др. работы этого известного канадского нейрофизиолога – ещё в семидесятые годы прошлого века он (по-видимому, первым из ортодоксальных учёных) обратился к изучениям феномена экстрасенсов и эмпатов с точки зрения нейрофизиологии. В книге «Пещеры/Человечество/Космос» я опираюсь на его труды и работы упомянутого выше Поля Деверю.

Многие опытные спелестологи именно из-за фрустрации выхода оттягивают неприятный момент выхода из пещеры до самой последней возможности – в отличие от новичков, что всеми силами “рвутся к небу и солнышку” и трудностей выхода из пещеры просто не замечают.

В этом смысле примечательна фраза, сказанная опытным спелеологом, нашим гостем из Одессы:

– Вход у вас замечательный — но выход…

: а ведь речь шла об одном том же шкуродёре!

Микробиологическая фрустрация. При длительном пребывании в стерильном климате пещеры наши защитные физиологические системы сильно “расхолаживаются” (нет микробиологического прессинга и каких-либо климатических колебаний – нет необходимости поддерживать функционирование иммунной системы на должном уровне) — в результате чего по возвращению на поверхность после продолжительного пребывания под землёй человек мгновенно подхватывает любую инфекцию. Болезненное состояние физиологии совпадает с болезненным восприятием города и сопутствующих городской жизни проблем, что провоцирует “дважды угнетенное” психическое состояние,– усиливаемое неизбежной физической усталостью.

— Ещё раз замечу: кроме двух последних, все перечисленные выше фрустрации и спелеострессовые агенты не ведомы опытным спелеологам и спелестологам,– они либо абстрагируются коль не от них, то от их неприятных последствий, либо в принципе положительно воспринимаемое влияние Подземли настраивает исключительно на позитивную реакцию на любого рода спелеострессовые раздражители. Фрустрационными специфические свойства пещер могут стать для абсолютно не подготовленного новичка, или для человека с заранее заложенными психическими аберрациями (под “психической аберрацией” я подразумеваю негативную и при этом эмоционально-гипертрофировнную реакцию на обычные стрессовые агенты).

А потому рассмотрим эти аберрации, именуемые также “фобиями” и “психозами”. Ибо от их своевременного выявления зависит иной раз безопасность не конкретного индивида – всей спелеогруппы.

СПЕЛЕОФОБИИ И СПЕЛЕОПСИХОЗЫ

Прежде чем приступить к описанию спелеофобий и спелеопсихозов, определимся с базовыми терминами хотя бы на уровне “Википении”:

Психо́з — нарушение произвольной адаптации психической деятельности человека. Психотическое расстройство – собирательное название группы разнородных психических расстройств, сопровождающихся *продуктивной психопатологической симптоматикой* — бредом, галлюцинациями, псевдогаллюцинациями, деперсонализацией, дереализацией и др.,– а также страхом, нарушением эмоционального реагирования. Одно из определений психоза

характеризует его как «состояние, когда человек утрачивает контакт с реальностью в основных областях получения и обработки информации».

Психозы классифицируют по их происхождению (этиологии) и механизму развития (патогенезу) на эндогенные (в том числе к эндогенным психозам относятся шизофрения, шизоаффективное расстройство, психотические формы аффективных расстройств), органические, соматогенные, психогенные (реактивные, ситуационные), интоксикационные, абстинентные и постабстинентные.

Кроме того, психозы классифицируют по ведущей клинической картине, по преобладающей симптоматике (синдромальная классификация) на параноидальные, ипохондрические, депрессивные, маниакальные и др., включая комбинации (депрессивно-параноидный, депрессивно-ипохондрический, маниакально-депрессивный и т. д.).

В быту психозом могут также называть любое эмоциональное отклонение поведения человека от того, что принято за норму в данном социуме.

Фобия (от др. греч. φόβος – *страх)* — иррациональный неконтролируемый страх, устойчивые проявления различных страхов. Фобиями называют также отношения неприязни и ненависти к чему-либо — страх как эмоция в этом случае присутствует в завуалированной форме.

В психиатрии фобией принято называть патологически повышенное проявление реакции страха на тот или иной раздражитель. Фобия — это сильно выраженный упорный навязчивый страх, необратимо обостряющийся в определённых ситуациях и не поддающийся полному логическому объяснению. В результате развития фобии человек начинает бояться и соответственно избегать определенных объектов, видов деятельности или ситуаций. Например, при наличии айхмофобии человек старается всеми силами избегать острых предметов, которыми он боится пораниться или поранить других людей. В случае развития аквафобии он боится плавать, а при клаустрофобии поднимается вверх исключительно по лестнице, так как ему страшно находится в закрытом лифте. Фобический страх относительно легко можно победить в начале его возникновения, но он может закрепляться в психике человека и усиливаться со временем.

Слово “фобия” прошло сложные трансформации в употреблении, и в настоящее время зачастую под “фобиями” понимаются не только патологические страхи, но и резко отрицательное отношение к кому-либо, чему-либо.

Фобиями страдают ~5% мужчин и 10% женщин. Фобии характеризуются силой, стойкостью страха и силой мотивации к избеганию пугающего.

Современные психология и психиатрия достаточно надёжно различают различные виды отклонений нашей психики от нормального функционирования, и если обыватель без специального образования не в состоянии на бытовом уровне отличить психоз от фобии (для него это часто одно и то же), то специалист видит разницу без труда. Психоз провоцируется внешними условиями (той же фрустрацией) и являет собой неадекватную реакцию нашей психики на внешние раздражители,– реакцию, хоть и гипертрофированно-эмоциональную, но всё же в какой-то мере логичную. А потому проявления

психоза вполне излечимы “по месту обнаружения”; фобия являет собой изначально заложенную в нашей психике “ошибку реагирования” на внешние условия. В основе её – безотчётный, устойчивый, неконтролируемый и немотивированный страх. Для успешного лечения фобий используются методы когнитивной и поведенческой терапии, *причём только специалистами.* (Пожалуйста, запомните это.)

В специальном, медицинско-психиатрическом смысле, только **очень небольшая часть** из приведённых ниже терминов может быть названа фобией как **клиническим состоянием**, требующем психологической или медикаментозной коррекции (в частности, когда страх выходит из-под контроля человека и препятствует его нормальной жизнедеятельности, тогда может быть поставлен диагноз из разряда «панические расстройства») – но поскольку читатели моей книги к специалистам не относятся, я буду говорить об этих аберрациях психики упрощённо, намеренно сдвигая возможную оценку в сторону фобии. Ибо “лучше перебдеть, чем недобдеть”: коль при походе в пещеру вы своевременно выявите человека с таким отклонением, самое разумное будет не играть в “подземного целителя”, а выставить клиента на поверхность.

И как можно быстрее.

К спелеофобиям (спелеопсихозам) относятся клаустрофобия, обскурия, сводобоязнь, аварийный психоз, сордерия и мифобоязнь. Смешные и не стоящие доброго слова в глазах одного, у другого человека эти фобии могут вызвать дистресс – приводящий в итоге к леталу.

А потому разберём их и нашу на них реакцию подробнее:

Клаустрофобия – боязнь замкнутого пространства. В форме ненавязчивого психоза ей страдает около 20 % людей; если такой человек попадает под землёй во фрустрационную ситуацию (а она практически неизбежна, ибо первое, что испытывает неофит – фрустрация входа, за которой следуют зрительная, акустическая, информационная и ориентационная фрустрации), болезнь переходит в острую стадию в согласии с типичным развитием физиологического дистресса. Как правило, двигательное беспокойство и моторная расторможенность сменяются апатией, затем кататоническим состоянием. После которого следует частичное помутнение рассудка, сопровождающееся галлюцинациями и выходом из строя физиологических систем организма: вначале терморегуляционных, затем перистальтики кишечника и дыхания, после чего наступает летальная стадия.

: Так гласит теория – точнее, устойчивое представление о клаустрофобии, распространяемое в спелеоизданиях. Однако, в жизни всё может сложиться иначе — хотя бы потому, что и психоз иной раз от фобии не отличить, и формы психоза бывают разными,– как их проявления и развитие.

В современной психиатрии считается, что если мы имеем дело с самой настоящей и доподлинной фобией – такой клиент просто не полезет в пещеру. Или приступ последует уже на стадии созерцания входа.

А вот носитель “скрытого клаустрофобического психоза” может устремиться во вход (иной раз “из принципа”, только чтоб преодолеть внутренний безмотивный страх) — со всеми вытекающими последствиями. Особенно если

до того ни одной из описанных мной спелеофрустраций ему пережить не привелось.

В 2003 году путешествующий по России любитель экстрима из канадского Квебека выразил горячее желание посетить наши пещеры (утверждал через Интернет, что в некой оборудованной пещере уже был, а теперь хочет посетить “настоящую”). Русского языка он не знал в принципе. Единственный наш переводчик с французского полез во вход первым – дабы личным примером послужить ориентиром инододику и подманивать его за собой правильными словами, объясняя особенности преодоления привходового шкуродёра. По трагической случайности вслед за ним полезло ещё двое участников группы – канадец как-то очень долго маялся на площадке перед входом. А на улице был русский январь и мёрзнуть никому не хотелось. Затем наступила очередь канадского экстремала — он набрался мужества, нырнул головой вперёд в узкое отверстие входа, преодолел около метра – И ЗАМЕР.

: Там, где легко проскальзывал и самый полный из нашей группы, причём с трансом в обнимку. Попытки давать советы на английском и немецком провалились – квебекцы не учат английский “из принципа”, а немецкого просто не знают.

Через 20 минут мы поняли, что с клиентом “что-то не то”. И это “не то” весьма опасно.

В какой-то пещере с широким, оборудованным турникетом порталом входа он уже был, и спокойно ездил в метро.

А тут впал в полный кататонический ступор. Дистресс входа наложился на дистресс узости и спровоцировал… что: психоз или подлинную клаустрофобию? Лишь специалист мог бы ответить на этот вопрос.

Мы вытащили его за ноги на поверхность — уверяю: задача эта была не из лёгких. Так как тело его практически не гнулось. Считается, что это явный признак клаустрофобии, а не психоза. Психоз до кататонии не доводит. Но вызвать аффективный ступор, называемый также психогенным, при определённом стечении обстоятельств способен вполне. В результате чего наблюдаем манифестацию клаустрофобии.

Как и положено, на поверхности минут через пять канадец пришёл в себя. После чего был устроен на ночлег в избе наших никитских знакомых. [Больше всего его поразил сельский никитский сортир, и за ночёвку в настоящей русской деревенской избе он был нам очень благодарен.]

В другом случае к нам пожаловали финские коллеги-спелеологи,– опять же, с подземным опытом и без явной боязни метро и лифтовых коробок,– и у одной из них после приблизительно 200 метров подземного путешествия наступила отчётливая фаза клаустрофобии: девица заявила (через единственного в группе переводчика), что дальше идти не может. Особой говорливости не было – но приступ-таки последовал. Хоть и через 40 минут пребывания в пещере. Возможно, в данном случае мы имели дело с заторможенным финским менталитетом. Водку девица пить отказалась, уговоры ни к чему не привели — пришлось эвакуировать на поверхность.

Определить, “что это было” – психоз или фобия – возможным не предос-

тавляется.

Тем более, что видов фобий не меньше, чем видов психозов.

Ибо настоящую, “доподлинную фобию”, олицетворяет *страх фобический,*– существующий, как болезненная аберрация психики, “сам по себе”,– а есть возникающий по другой причине – например, *психотический.* Такой страх сопровождается тревожной депрессией: у человека пониженное настроение (не относительно кого-то пониженное, а относительно того уровня, который у него был бы, если бы депрессии не было) и он в реагированиях склонен к тревоге и страху. Он проникает в подземное сооружение, там ему неуютно — свет идиотский, в углах тени прячутся, свод какой-то ненадёжный, под ногами грязь, “и вообще всё плохо”. Пройдёт время и он в той или иной форме заявит «выпустите-меня-отсюда!». Но форма может колебаться, проходя спектр от «не-пойду-туда-больше» до «АААААААААА!!!!!! СПАСИТЕ!!!!!!!!».

: обусловлена эта форма лишь личными пациента особенностями. Или есть у нас, скажем, человек с шизофренией,– той самой, которой 1% населения болен...

— в этой ситуации, конечно, возможны самые непредсказуемые варианты.

Мой отец никогда не боялся метро и много времени проводил по роду службы под землёй, в оборудованных командных бункерах. На суточных дежурствах.

Когда в первый и последний раз он оказался в пещере-каменоломне (это были весьма просторные подмосковные Силикаты), у него случилась самая настоящая клаустрофобия. Фрустрации входа, как и фрустрации узостей не было по определению,– и узостей не было при перемещении по пещере в полный рост, и своды в Силикатах надёжно-ровные, и во вход мы вошли, спасаясь от потоков дождя, причём поздним вечером — то есть вхождение в пещеру сулило не отрицательные эмоции, а только положительные. Если верить приведённой мной выше “спелеомедицинской” литературе, это была ‘клава’ в хрестоматийно-чистом виде. Находиться под землёй во время приступа он бы не смог. И летальный исход был неизбежен –

Но он прожил с ней под землёй около суток.

: наверняка можно сказать – это была не ‘клава’, а психоз. Пусть и в острой форме. И случилось несколько “но”: во-первых, руководил нашей группой Александр Морозов. Он вовремя заметил приступ, среагировал на него с полной адекватностью. Во-вторых, с отцом была моя мама и собственно я. Мой отец – боевой офицер. Забота о близких, нежелание нарушить определённый порядок в группе и привычный тренинг позволили (в сочетании со спиртным) ускользнуть от третьей, разрушающей стадии.

Но поход этот отец запомнил на всю жизнь, и мне было очень трудно вымаливать у него каждое разрешение на посещение пещеры. (Сильнейшая головная боль сопровождала его сутки до момента выхода из пещеры – на поверхности головная боль мгновенно прекратилась.)

Но вот какая деталь: как уже говорилось, основных спелеофрустраций при входе испытано не было. Кроме, как минимум, пары неизбежных: зрительной

фрустрации и ориентационной. При этом мой отец – опытный горный турист. К просторам привык, к ветру и небу.

Дежурство в командном бункере под землёй от пребывания в закрытой комнате наземного здания ничем не отличается в принципе, как не провоцирует никаких фобий и психозов поездка в комфортно оформленном метро (и к такому пребыванию, и таким поездкам любой горожанин привыкший) – кроме одного: *в случае аварийного выключения света в подземном помещении он бы испытал точно такой же приступ (фрустрацию, психоз, фобию – намерено, как и предупреждал, гипертрофирую ситуацию), что и под землёй в пещере. Каким бы "запасным фонариком" оснащён ни был. И А. Морозова рядом бы не оказалось…*

: Все наши командные пункты и места пуска многих стратегических ракет надёжно упрятаны под землю. Обслуживаются огромным количеством рядовых и офицеров. В случае реальной войны нештатные ситуации с перебоями света вполне возможны. Представить, что будет в такой ситуации при проявлении обскурационного или клаустрофобического, аварийного психоза, мне лично не хочется.

– Ещё один случай, развивавшийся в полном согласии с "классикой жанра": одна девица (божилась, что клаустрофобией не страдает) отправляется с нами в Никиты. Через 20 минут после входа начинается двигательное беспокойство, моторная расторможенность (излишняя говорливость), моторная суетливость. Мы все в это время заняты нелёгким трудом по транспортировке наших вещей до стояночного грота. По прибытии в оный следует обычная посудо-хозяйственная возня,– когда всё готово к застолью, замечаю: девицы подозрительно долго не слышно.

: Сидит у спального модуля в явном ступоре, ни на что не реагирует. Привожу в себя в помощью элеутерококка – изъявляет желание податься на выход, "к тёплому солнышку". Время – почти час ночи; на улице зима. Минус 25° С. "Что тепла, что солнышка".

Тем не менее, вывожу её на поверхность – ибо девица жалуется на стеснённое дыхание. По ощущениям, температура её падает – руки почти ледяные. Все признаки начала третьей стадии классической 'клавы', а не психоза. [Обращаю внимание читателей ещё раз: проявлений психоза ни счесть – и как видите, в иных случаях от фобии их не отличить.]

На поверхности она приходит в себя. Однако, одеты мы для лёгкого перемещения по пещере при +8° С. А не сидения на морозе. Через 20 минут неспешной беседы, пары сигарет и ещё трёх порций 'кока' («Не смотри вокруг! Смотри только на меня и думай о тёплом гроте со спальником!..») веду хорошо проморозившуюся клиентку обратно. Поскольку на уровне логики удаётся объяснить: больше нам идти некуда.

По приходу в грот первым делом (как и Морозов) накатываю спиртного – стакан ликёра. Причём уже в спальном модуле.

Когда со всех сторон привычный палаточный лавсан, и над головой тоже, а меж тобой и этим лавсаном тёплый уютный спальник (после пережитой "поверхностной заморозки") — и 'классическая клава' может отступить. Тем

более, что была не фобией, а психозом.

Утром девица просыпается без всяких его признаков, и даже гуляет с нами по пещере – никаких отрицательных эмоций или болезненных ощущений не испытывая.

За годы хождения под землю мы поняли: по крайней мере в форме психоза клаустрофобия лечится на первой и второй стадии водкой и/или половым актом. После чего исчезает окончательно и бесповоротно.

В случае реальной фобии под землёй *по-видимому, смертельна,*– о чём нас предупреждают упомянутые мной "методички" от ВЦСПС. И не стоит наивно думать, что клиент с "подлинной фобией, а не скрытым психозом" никогда не сможет оказаться под землёй —

: бывают пещеры с просторным, освещаемым солнечным светом, порталом входа. Случаются стихийные бедствия и аварии, влекущие за собой возникновение экстремальной ситуации на поверхности или в городском техногене — от подземной не отличающейся.

Так что оказаться – увы! – может. Причём не по своей воле.

— Повторюсь: проявлений психоза не счесть, и многие из них от фобии для неспециалиста неотличимы. Клиент может впасть в кататонию, в полный ступор, в маниакальную депрессию – со всеми неизбежными следствиями. А потому чем раньше вы обнаружите у него признаки этой беды и чем быстрее эвакуируете наверх – тем лучше.

Обскурия – патологический страх темноты, мрака. Может развиться после пережитой в детстве фрустрации, вызванной заточением в тёмной комнате (закапывать живьём в землю следует родителей, исповедующих подобную педагогику) – или отказом единственного имеющегося источника света при одиночном шатании по пещере. < Дурость последней методики очевидна, потому не считаю нужным причитать о дальнейшей судьбе подобного недоумка. > Однако может развиться у лиц с гипертрофированным воображением, которые нарвались на скверно работающий китайский налобник и хоть вышли из создавшейся ситуации с честью — подобно герою Джека Лондона, перенесшему голодовку, начинают обвешивать себя просто невообразимым количеством источников запасного света. Фонарик или зажигалку у таких лиц лучше не просить – дистрессовой ситуации не оберёшься.

Ещё одна причина возникновения обскурии — наша подсознательная убеждённость, что в темноте может (*должна)* скрываться опасность. Это чувство досталось нам генетической памятью от наших предков, и в значительной степени может быть усилено как зрительной фрустрацией, так и "расшалившейся игрой воображения".

Вот характерный пример с сайта caves.ru [http://www.caves.ru/showthread.php?t=3093]:

«Забросилась я тут как обычно в Сьяны, всё нормально, вот только на третий день нервы не выдержали: ни с того ни с сего стала бояться темноты. Даже дома ночью по квартире боюсь расхаживать! Что делать, как избавляться?

Началось это с того момента, когда мы с подругой сидели в гроте и жда-

ли друзей, которые ушли за сигаретами на поверхность часа 3 назад. У нас догорала последняя свеча, батарейки в налобниках уже садились... До этого мы разыгрывали карнавал, не без Двуликой, конечно....»

: В данном примере мы видим классический обскурационный психоз, спровоцированный не только зрительной фрустрацией и подсознательной боязнью темноты, но и в значительной степени ***мифобоязнью*** – о которой я скажу ниже.

Как правило, при психозе жертва обскурии довольствуется наиболее мощным и ярким источником света из возможных – и тремя/четырьмя “запасками”. Работоспособность которых проверяет постоянно, при каждой возможности,– а иногда и при её отсутствии: останавливается при движении, при чём достаточно внезапно и в самых неподходящих для этого местах – чем вызывает справедливые нарекания товарищей,– начинает жаловаться, что “основной свет садится, а запаски, кажется, ненадёжны”.

Обскурофобия развивается стремительно (по аналогии с ‘клавой’ – причём внешние проявления их настолько схожи, что поначалу невозможно отличить одно от другого),– как правило, человек после нескольких десятков метров подземного путешествия начинает проситься наружу. Особенно, коль вы изволили погрузиться в пещеру ясным солнечным днём. Или начинает вести себя столь неадекватно (бестолково светит своим фонарём во все стороны, в том числе в ваши глаза и несёт полную чушь), что дальнейшее подземное путешествие с ним проблематично.

Выведите его на поверхность – а потом гадайте, “что это было”: фобия или психоз в острой форме.

Сводобоязнь – патологическое сомнение в прочности свода. Страдающему данной фобией (либо психозом) постоянно кажется, что “этот камень вот-вот рухнет”, что в гроте вот-вот произойдёт обвал (и тому подобное). Психоз провоцирует развивающееся по экспоненте чувство страха, переходящее в ужас, затем ступор и кататонию. На общие проявления клаустрофобии очень похоже – но как и со светом, направленность страха вполне конкретна. Психоз лечится алкоголем с должным внимательным отношением к клиенту и объяснениями-уверениями в надёжности свода “по определению” < со словами «всё, что могло здесь упасть — давно, блин, упало!..» тыкаешь рукой или монтажкой в якобы ненадёжный камешек,– главное, чтобы он при этом на самом деле не обрушился на ваш кочан >; даже лёгкая психотическая фобия вызывает проблемы. Во всяком случае, не вполне понятно, как её лечить примером. Поведенческий способ потребовал бы копать вверх,– что является недопустимым нарушением ТБ; когнитивный — помочь пациенту найти логическую ошибку в своих рассуждениях. В городских условиях это может подействовать; в реальных условиях Подземли ваши рассуждения, скорее всего, будут пресечены истерическим выкриком «НЕ ВЕРЮ!!!» Так что самое лучшее — вывести невменяемого клиента на поверхность. Но учтите: при сводобоязни, в отличие от клаустрофобии и обскурии, больной не рвётся в сторону выхода, а замирает на месте, под наиболее, как ему кажется, надёжным участком свода. На ваши предложения вернуться наверх начинает нудно упрашивать провести его не той

дорогой, по которой шли, а иной, “более безопасной”. Потому что он “точно знает”, что проход, по которому вы прошли сюда, “вот-вот рухнет”. И нужно либо идти иным путём, либо принимать срочные меры к “обезопасиванию прохода”. [Меры эти могут оказаться физически невыполнимыми – но жертве сводобоязни реальность по фигу.]

: Если долго раздумывать или начинать фундаментально “крепить свод”, сидение на месте одержимого сводобоязнью перейдёт в кататонию. Когда поймёте, что действовать нужно было решительно и мгновенно, пусть и с применением грубой ударной силы, станет поздно.

Психоз может протекать и в более мягкой форме — в кататоническое состояние не переходящей, но тем не менее весьма опасной как для его носителя, так и для окружающих. Цитирую по speleo.ru:

«Каждый раз приходя в грот, Рихард проверяет замковый камень, потому что он чувствует, что должен сам убедиться в его надёжности. Рихард боится, что во время его сна камень выпадет и грот будет завален. Он часто просыпается и проверяет камень снова и снова, потому что тот мог ослабнуть с момента предыдущей проверки. И вместе с тем он считает, что как бы он сильно ни тянул камень и ни стучал по нему, может быть нужно всего лишь немного большее усилие, чтобы камень выпал и произошёл обвал. Это заставляет Рихарда ещё чаще проверять камень и прикладывать к нему ещё большее усилие, дабы убедиться, что камень надёжен. Ему много раз говорили, что замки трогать нельзя, но всякий раз он чувствовал гнев от этого – ведь он заботиться не только о себе, но и о хозяевах грота. Сам Рихард говорит, что не может заснуть, не проверив камень и часто против своей воли подолгу думает о том, как камень выпадает.

: Рихард страдает обсессивно-компульсивным расстройством и, возможно, испытывает навязчивый страх обвала (фобию).»

Понятно, что постоянные “проверки замков на вшивость” в конечном итоге приведут именно к тому, чего опасается Рихард. На этом примере хорошо видно, как поначалу мотивированное логикой психическое расстройство в конечном итоге не только выходит за пределы логики, но переходит в немотивированную и опасную для окружающих фобию.

Аварийный психоз – патологическая боязнь взрыва иль возгорания карбидки, примуса, газового баллона; также – громкого звука, хлопка (что, якобы, могут спровоцировать обвал); боязнь обрыва верёвки в вертикальной пещере или внезапного паводка. Близок к обскурии и сводобоязни и является вариантом хорошо известного на поверхности “аварийного психоза” (которому подвержны участники ДТП, причём не только водители; жертвы пожаров, наводнений или иных стихийных бедствий) – но под землёй имеет свои особенности. Заключающиеся не только в том, что любая авария снаряжения под землёй априори более угрожает жизни, чем на поверхности (как кажется жертвам этого психоза – в данном случае мы имеем классический вариант того, как “вполне штатный” психоз может немерено усилиться специфическими фрустрациями и стрессовыми агентами) – но и тем, что само пребывание под землёй сопровождается (для новичка) прессингом негативных стрессовых

факторов. В результате чего подсознательно ощущаемый страх (или дискомфорт от какой-либо фрустрации) он проецирует на предметы или явления, которые действительно при каком-то стечении обстоятельств могут представлять угрозу для жизни.

Понимая в тоже время, что страхи его “не вполне обоснованы”, жертва аварийного психоза иной раз изображает уничижительно-игровое “перебдение” оных – то есть как бы и опасения свои высказывает, и даже совершает какие-то действия по “блокированию нехорошей ситуации”,– и тут же с нервной усмешкой: «ну, это я так… на всякий случай… однако случаи разные бывают… в каждой шутке есть доля шутки…»

Иногда этот психоз старательно раздувают опытные товарищи – например, как только боящийся взрыва примуса чайник приближается к оному, демонстративно натягивают на уши каску и вспоминают известные истории о том, как часто и у кого взрывались примуса данной модели.

Однако! Из невинного демонстративного прикола может развиться настоящий психоз, а затем фобия, серьёзно осложняющая жизнь партнёрам по группе. Да и себе тоже.

Цитирую рассказ знакомого спелестолога:

«Когда я пошёл в подземный поход в первый раз, я ещё не понимал, что такое ТБ и какую опасность может представлять под землёй примус. Но старшие товарищи рассказали мне несколько страшных историй о том, как под землёй взрывались примуса и загорались канистры с бензином, к каким ожогам это приводило – и что в нескольких случаях от взрывной волны падал свод в гроте и раздавливал всех, кто там находился. Я понял, что под землёй каску нужно носить не только, когда работаешь на расчистке завала, но и когда начинаешь готовить. Также я понял, что главное в подземной аптечке – это противоожоговые средства. С тех пор я стал носить под землёй каску, а особенно когда в гроте готовят пищу, и начал требовать этого от всех, кто находится в гроте. К сожалению, это разумное требование было встречено моими товарищами в штыки; когда же я взял в подземный поход специально купленный автомобильный огнетушитель, меня подняли на смех. С этой группой мне пришлось расстаться, так как каждое приготовление пищи стало сопровождаться скандалом. Мне очень жаль этих людей, потому что они недопонимают основ Техники Безопасности, и однажды им придётся жестоко за это расплатиться. Сам я пришёл к выводу, что чем зря рисковать, проще пользоваться под землёй заранее приготовленной едой, и с тех пор ношу с собой только бутерброды. Но огнетушитель и сильную противоожоговую аптечку беру всегда, потому что мало-ли у кого что может случиться, и всегда, когда ем, нахожусь в каске, потому что без неё под землёй чувствую себя будто раздетым. Также я понял, что любой огонь под землёй может привести к пожару, и теперь пользуюсь только электрическим светом, и когда прихожу в чей-то грот, первым делом требую погасить все горящие свечи.»

: На данном примере хорошо видно, как из внешне правильных логических предпосылок развивается психоз, в конеч-

ном итоге теряющий остатки логичности и здравого смысла: вместо того, чтобы уделить должное внимание состоянию примуса и приобрести навыки в обращении с ним, клиент (благодаря своевременно поведанным байкам товарищей) концентрируется на мысли о необратимости взрыва и возгорания – в результате чего аварийный психоз переходит в пирофобию.

Тщательно контролируйте свои приколы и следите, чтобы не вы следовали им – а они повиновались вашей воле.

Аналогичное замечание, безусловно, относится и к следующему, не столь невинному по своим последствиям "спелеопунктику":

Мифобоязнь – демонстративное "неприкуривание от горящей свечи"[40] и категорический запрет на это всем присутствующим (а от парафинки, извините, можно?); патологически-точное следование всем известным подземным обрядам и ритуалам (как правило, нарочито-демонстративное); стоическое неупоминание в подземной беседе имени Двуликой [варианты: Паренди, шубина, Белого, Эвы], а также полный и тотальный запрет на любые разговоры о подземной мистике и экстрасенсорике не только под землёй – но и вблизи любой пещеры. Как правило, это не просто милое и не мешающее жить суеверие, помогающее как-то стабилизироваться в сложной ситуации (типа боязни чёрного кота, переходящего дорогу; если же перешёл первым его след – есть отмазка, оправдывающая любую грядущую непруху) – равным образом это не подлинная вера в подземные чудеса и САЯ. Это – игровой прикол, переходящий по мере заигрывания в него в опасный психоз. А затем и в самую настоящую фобию. Заигравшийся в мифобоязнь в результате прогрессирующей дезадаптации постепенно утрачивает адекватную связь с реальностью,– как следствие, живёт в надуманном, вымороченном мире. Рано или поздно дистресс такому лицу под землёй обеспечен; но и в 'невозбуждённом состоянии' страдающий мифобоязнью причиняет окружающим его под землёй нормальным людям массу неудобств.

— Пример: в группе, находящейся на подземном пребывании, три человека,– из них один "воинствующий материалист", другой "отъявленный мистик". Материалиста "достают" постоянные советы мистика, как следует исполнять все подземные ритуалы, и он естественно пытается бороться "с суеверием и антинаучными глупостями". Все примеры и истории, рассказываемые апологетом мистики, неизбежно осмеиваются; следует демонстративное "показательное прикуривание" от зажжённой свечи. И постоянные споры. От всего этого мистик, если не обладает должным чувством юмора, впадает в состояние тревожной депрессии; любую возникающую проблему он склонен рассматривать, как месть подземных богов или духов в ответ на провокационные действия

[40] Конечно, я не имею в виду Поминальную Свечу, оставляемую на месте гибели спелеолога. Речь идёт о простых свечах, что освещают наши гроты – безусловно, на одном эзотерическом уровне с плексом, петромаксом или просто налобником.

материалиста. Конфликт, обрывающий групповое пребывание, неизбежен.

Причём даже если материалист сообразит, что "психов лучше не раздражать", лучше не станет: сражённый мифобоязнью неадекват неизбежно сделает совместное с ним пребывание невыносимым для прочих участников группы — любую возникающую проблему он всё равно будет рассматривать как следствие раздражения подземных мистических сущностей, а не как случайное стечение обстоятельств или результат банальной человеческой небрежности.

: О том, что мифобоязнь может значительно усилить практически любую спелеофрустрацию и послужить причиной возникновения соответствующего психоза, я поведал в примере об обскурии.

Сордерия – грязебоязнь. Как правило, является следствием рафинированно-городского бытия, что "определяет сознание". Чистюлям с патологической сордерией под землёй делать нечего.

Ибо в лучшем случае он изведёт доставленную (иной раз с большим трудом) в грот воду на мытьё собственных ручек; в худшем превратит вашу подземную жизнь в ад.

: не верите? Значит, слава Двуликой, подобные психи вам под землёй ещё не встречались. А я вот имел счастье не только созерцать типов, даже за обеденным столом в гроте не снимавших перчаток и таскать воду, тут же расходуемую ими на мытьё "всего и вся" (но в основном на себя, хорошего) — но и фиф, сидящих в гроте с таким кислым выражением лица ("Боже! Вокруг ТАКАЯ ГРЯЗЬ!!!"), что летучие мыши, как говорится, дохли.

Как только убедитесь, что взятая вами под землю подруга или товарищ склонны к сордерии – гоните их на поверхность.

А психоз у них или фобия — пусть разбираются в клинике соответствующие специалисты.

Чтобы читателям моим не показалось, что я "перегибаю палку", скажу: *все поведанные психозы и фобии в лёгкой форме естественны для нормального человека — кто ничего не боится и не опасается, не может называться человеком с нормальной психикой; человека, не отягощённого сордерией в бытовом смысле, мы, в зависимости от ситуации, называем неряхой или грязнулей. А то и просто свиньёй. Сосуществовать с такой личностью не то, что под землёй – в одном доме не очень приятно. И не более светлые эмоции у нас вызывают "безбашенные идиоты", "упёртые материалисты" или "жизнерадостные кретины",–*

: Так что всё относительно. В лёгкой форме и сордерия, и сводобоязнь, и обскурия, и опасение аварии, и мифобоязнь – нормальное проявление ВНД. За сордерией стоят санитарно-гигиенические завоевания человечества; сводобоязнь не позволит нам сунуть голову под камень, что действительно может упасть; обскурия и боязнь аварии заставляют нас аккуратно и внимательно относиться ко всему своему снаряжению. "Материалистический критицизм" помогает сохранить ясность мышления в непонятной и сложной ситуации, а мифобоязнь поддерживает объединяющие этнос социально-культурные условности. И даже клаустрофобия выполняет очевидные защитные функции,

на уровне подсознания требуя: позаботься, чтобы из любого замкнутого помещения можно было выйти. Свобода выхода равняется твоей личной свободе.

Но в форме психоза все они – признак патологии. В виде фобии приводят к опасному дистрессу. Причём не только для носителя фобии, но и для окружающих.

И поскольку, как уже говорилось, психоз от фобии неспециалисту отличить невозможно, самое лучшее — исключить посещение пещер лицами с описанными выше патологиями.

Хотя… Тут тоже возможны варианты. Вот частное сообщение с форума speleo.ru, которое иллюстрирует многие, описанные мной выше ситуации – и показывает пути выхода из оных:

«У меня несколько видов фобий: боязнь одиночества (при этом с людьми не умею общаться, хотя и стремлюсь к этому); боязнь темноты, топографический кретинизм с соответствующей фобией (боязнь заблудиться), боязнь замкнутого пространства и боязнь не спасти человека в случае аварии (ЧП),– так как сама попадала в аварии…

Как я хожу с этим набором под землю? А так и хожу, уж 20 лет почти. Спасибо друзьям и мужу.

1. Боязнь темноты борется СВЕЧОЙ, постоянно горящей в гроте. И ТОЛЬКО СВЕЧОЙ!!! Не карбидкой, не фонарём (фонарём – никогда в жизни!!! Налобник – только подсветить при готовке пищи! Да, он нужен – ОЧЕНЬ МОЩНЫМ, сильным и прямым по лучу, чтобы светить туда, где почудилось шугало. Но уюта он не даёт и… в общем, от него глюки).

2. Боязнь одиночества для меня почти тоже самое, что и внутренние шумы, которые достают меня под землёй, глюки внутреннего уха, в общем,– голоса, шумы, хоры. Тут помогает ЗВУК. МУЗЫКА. При чём: наушники – самое последнее дело. Всё равно будет казаться, что за наушниками что-то происходит, звучит, и ты этого из-за музыки не слышишь… Нормально – хоть плеэр со слабыми колоночками. Но лучше, как в Никитах слушаем мы. Русскоязычное – авторская песня и акустический рок – лучше всего. Но даже трэш лучше попсы, техно и прочего гавна. Удивительно: когда слушаешь музыку, от лишних движений глаз избавляешься. А потому спокойная музыка лучше любой иной. Чтение: книги. Научные, развлекательные – но не страшилки. Даже Брэдбери исключается. Смешно, но и газеты бульварные и сканворды помогают скоротать время без стресса.

3. Во время сна свечку не гасить!!! Это и отсчёт времени, и отсутствие стресса по пробуждении.

4. Такому человеку, как я, всегда нужно – когда все уходят из грота на проходку – оставить фронт конкретных работ. По хозяйству. По гроту. Посуда, обед, благоустройство. За водой посылать нельзя.

5. Важно не относиться к таким, как я, как к хрустальной вазе. В большой компании можно рассказывать всякие подземные истории, но только в большой (от четырёх человек). На проходку можно брать также в компании не менее трёх человек, но никогда при этом не опускать потолки, не делать

взрывы, и не заставлять быстро проходить узости. Не акцентировать внимание на хреновом своде и хвастаться скоростью прохождения шкурников. (Типа, это совсем легко.) При этом у такого, как я, свет должен быть не сильным, чтобы не видеть всех потолочных трещин.

6. Проходка с плексом для таких, как я, лучше прочих средств освещения – его свет и звук успокаивают и дают тёплое освещение.

7. Пиво снимает клаустрофобию лучше водки. Ягуары и прочие энергетики – недопустимы.

8. Для такого, как я, лучше заранее свечами осветить дорогу до туалета. Или расставить свечи, и тогда такой человек, идя ОДИН туда, их зажигает по дороге, а потом гасит по возвращении.

9. Светодиодный свет, даже очень яркий, хуже плекса и лампочек накаливания. Но поскольку без него никуда не деться – он должен подсвечивать не только вперёд, но и во все стороны.

10. У МНОГИХ ТЕ ЖЕ ПРОБЛЕМЫ, ЧТО И У МЕНЯ, И ВСЕ ЭТИ ПРОБЛЕМЫ РЕШАЮТСЯ ПРИ ВНИМАТЕЛЬНОМ К НИМ ОТНОШЕНИИ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСТРЕСС

Как следует из названия, этому состоянию подвержены в первую очередь физиологические системы нашего организма. Под землёй причиной физиологического дистресса могут являться длительное переохлаждение (и вовсе не обязательно при минусовой температуре – известны случаи обморожения при температуре в + 3° С, а также при нахождении в течение длительного времени в мокрой обуви или в сырой одежде); продолжительный недосып, физическая нагрузка и недостаточное питание. К сожалению, все эти факторы не просто “имеют место быть” под землёй — они постоянные спутники нашего пребывания даже в относительно тёплых и сухих каменоломнях.

Естественно, что они во многом взаимосвязаны и часто провоцируют друг друга: например, в условиях длительной тяжёлой заброски или при проведении исследований, которые по каким-то причинам невозможно прервать, недосып в сочетании с физической усталостью (часто им же одним и спровоцированной) приводят к повышенной трате калорий, которые ничем не восполняются. Но в том же направлении работает подземный микроклимат: при любой работе под землёй мы неизбежно потеем (во влажном воздухе пещер организм оказывается не в состоянии стравливать метаболические излишки влаги через лёгкие, охлаждая себя); влажная от пота одежда вытягивает из нас тепло не только на остановках – но и тогда, когда нам кажется, что мы вовсе не мёрзнем. Все эти энергетические потери не компенсируются должным питанием – в результате чего организм испытывает сильнейший физиологический дистрессовый удар. Который вполне можно назвать физиологическим шоком.

Как правило, поначалу мы не замечаем его; более того: работа отгоняет сон, чувство холода и голода – и нам кажется, что “всё идёт по плану”. Ещё

немного, ещё чуть-чуть — работа будет сделана, потом придём в грот и там уж отоспимся и поедим,– переоденемся в сухое (причём часто кажется, что причин переодеваться нет: во время работы бельё сохнет на нас),–

— Эта беспечность порой приводит к весьма трагическим следствиям.

И даже в случае, когда дело не доходит до летала, мы незаметно для себя приобретаем всевозможные артриты, ревматизмы, заболевания придатков иль предстательной железы. А также неизбежные физические травмы.

Причиной которых ни в малейшей степени не является Подземля – но лишь наше наплевательское к себе отношение, наша чудовищная беспечность. Да апломб вседозволенности.

Чтоб разобраться, почему мы не замечаем физиологический дистресс, пока он не приводит к истинно трагическим следствиям, рассмотрим внимательнее стадии его развития.

В физиологическом дистрессе наблюдается три стадии. Первая – шоковая анестезия, то есть состояние, когда человек не чувствует усталости или холода, потому что организм включает “нейрофизиологический форсаж” < так можно, раздевшись догола, нырнуть в ледяную воду и вынырнуть оттуда без каких-либо отрицательных последствий: принцип моржевания[41] >. Стадия вторая – приспособление к ситуации, когда силы организма уходят на борьбу с конкретной неприятностью, оставляя остальные физиологические системы без должного питания и контроля < можно нести сверхтяжёлый рюкзак по зимнему лесу, будучи одетым при этом более, чем легко – и даже испытать комфорт от того, что не потеешь — но не пробуйте делать это более суток подряд без остановки, или не укутываясь в пуховочку на привале! >. Естественно, что на первых двух стадиях мы не ощущаем от физиологического дистресса никаких “зримых неприятностей”. И если пойти у этого ложного чувства на поводу, неизбежно наступит третья, финальная стадия: стадия физиологического истощения — когда сил не остаётся уже ни на что, и начинаются судорожные колебания как настроения, так физической работоспособности, оканчивающиеся апатией (далее – кататонией и леталом).

Какая бы причина ни была первоначальной в физиологическом дистрессе – незаметное переохлаждение, голод, недосып или усталость – все они вызывают остальные. И лавинообразно усиливают друг друга.

Способы борьбы с физиологическим дистрессом достаточно очевидные – и их не так, в сущности, много:

1) Никогда не позволяйте себе спелеогеройства энтузиасткого толка – то

[41] Более трёх минут ‘моржи’ в проруби никогда не поласкаются; обычное время пребывания – 1,5 минуты. От шокового термодинамического удара сосуды у поверхности кожи сжимаются и холод около минуты “как бы не чувствуется” – огромную роль при этом имеет также внутреннее психологическое напряжение,— вот вам пример первой стадии стресса. Которая, в общем-то, даёт организму неплохую мобилизационную встряску. Но если *заставить* даже самого закалённого ‘моржа” пару часов не выходить на берег…

есть какую-либо физическую деятельность без должного перерыва на полноценный, здоровый отдых. Включающий достойный кулинарной поэмы приём горячей и красивой пищи, послеобеденный расслабляющий трал с песнопениями или заслушиванием любимой музыки и комфортный сон. Любая работа под землёй, даже ПСР, выполняемая без перерыва на заслуженный спелеоотдых – лишь следствие скверной её организации. Помните: наше восприятие Подземли и общение с ней имеют в своей основе не геройства ударного труда (пусть по вскрытию новых подземных окоёмов, пусть по их изучению или даже ради спасения чьей-то жизни) — но неспешное созерцательное течение. Которое даже в случае проведения ПСР может дать гораздо больше, чем изматывающая поисковая беготня по трижды прочёсанным штрекам.

2) Никогда не позволяйте себе перегреваться при работе под землёй — то есть *одеваться следует как можно легче.*

3) По завершении любой работы, не дожидаясь “чувства холода”, обязательно утеплитесь – но “не на всю катушку”. (Если в гроте намечаются посиделки, связанные с приготовлением и употреблением еды, спальник натягивать на голову не обязательно. *Напомню: через не утеплённые конечности человек под землёй теряет 58 % тепла, через непокрытую голову – до 18 %.* ***Обязательно сделайте выводы!!!***)

4) Значительно способствует нормальному термодинамическому равновесию под землёй *алкоголь.* (Имейте это в виду, ‘язвенники-и-трезвенники’ – и не забывайте брать с собой, отправляясь в пещеру, бутылёк или фляжечку с достаточно волшебным ликёрчиком, коньячком или водушкой; *сухое вино и пиво термодинамического кайфа вам не прибавят.*)

5) Элеутерококк (‘кок’) также *замечательно способствует восстановлению термодинамического баланса и психического равновесия.* ***Нормальная доза употребления в случае усталости – “одна крышечка” от стандартного пузырька, т.е. около 5 г.***

6) ... *Ну, две.*

7) С 2002 года в аптеках можно приобрести *не содержащие алкоголя* препараты серии “terra-plant”, представляющие собой таблетки из фитоферментов (биологически активных веществ, содержащихся в растениях). Конечно, в преодолении последствий стресса алкоголь играет немаловажную роль (никотин, кстати, тоже) — но бывают ситуации, в которых употребление алкоголя исключается в принципе. Даже в микродозах. А потому на некоторые препараты этой серии имеет смысл обратить особое внимание. *“Мелисса”* – природное успокаивающее средство, эффективное при стрессе, перевозбуждении и бессоннице. *“Чёрная смородина”* – природный источник нутрицевтиков, антиоксидантов, каротиноидов. Повышает работоспособность и способствует адаптации зрения к слабому освещению. *“Календула”* – эффективное заживляющее, противовоспалительное и антисептическое средство. *“Зелёный чай”* – эффективное тонизирующее, противовоспалительное и нормализующее обмен веществ средство; способствует снижению потовыделения. *“Ацерола”* – природный источник нутрицевтиков, микроэлементов, антиоксидантов.

Средство повышения умственной и физической работоспособности. *“Женьшень”* – природное тонизирующее, адаптогенное и иммуностимулирующее средство; эффективно при усталости и перенапряжении. *“Родиола”* – эффективное природное тонизирующее, иммуностимулирующее и адаптогенное средство; оказывает стимулирующее влияние на центральную нервную систему, способствует сохранению энергетического потенциала организма, повышает устойчивость к воздействию различных экстремальных факторов (перегревание, переохлаждение, отравления, недостаток кислорода, большие нервные нагрузки), нормализует обмен веществ. По стимулирующему действию превосходит элеутерококк и не уступает ему по адаптогенным свойствам. *“Черника”* – природный источник нутрицевтиков и антиоксидантов; эффективно способствует укреплению зрения, адаптации к слабому освещению и снятию усталости глаз. *“Шиповник”* – природный источник нутрицевтиков, антиоксидантов, каротиноидов. Средство для профилактики простудных заболеваний и укрепления иммунитета. *“Элеутерококк”* – природное тонизирующее, адаптогенное и иммуностимулирующее средство. Эффективно при физическом и умственном переутомлении. *“Лимонник”* – природное адаптогенное и тонизирующее средство; незаменимо при физическом и умственном переутомлении. *Все перечисленные здесь препараты включают в себя несколько природных компонентов; подробные сведения о них можно найти в специальной книжечке, которая прилагается к каждой купленной вами упаковке. Я лично проверял их действие под землёй на длительном пребывании и на собственном опыте убедился: реклама не врёт (случай, по-своему уникальный).*

8) Замечательное средство не замёрзнуть во время пребывания в гроте состоит в следующем: примус или газулька “на малом огне” ставится на пол меж ног; ноги укутываются штормовкой или любой иной шмоткой, не сильно способной к воспламенению и переплавке. *Кайф через пару минут гарантирован!!!*

9) Не забывайте даже на коротких остановках при движении по Системе садиться или на ноги партнёра противоположного пола (их, как правило, “менее жалко”– но они припомнят вам свою благотворительность в старости), или на пенку. Замечательной добавкой к подземной экипировке станет *вшитая в комбез тонкая пенка* – один фрагмент “ниже спины”, другой непосредственно на оной.

Пенка, вшитая на коленях и чуть ниже их не только сделает ваше перемещение в шкурниках более комфортным – но и убережёт от артрита и радикулита.

10) При продолжительном сидении в гроте не стесняйтесь укутываться в спальник или накинуть на спину пуховку — здоровье дороже; любой дискомфорт мешает нормальному кайфу Общения.

11) Самое важное: *даже в экстремальной ситуации никогда не ложитесь на камень. В крайнем случае можете сесть – не прислоняясь спиной к стене; если уж “падаете от истощения сил” — падайте только на правый бок, свернувшись калачиком.* Периоды такого отдыха чередуйте с приседаниями и

отжиманиями; только не до усталости – а лишь бы слегка согреться. Если вас двое – садитесь спинами друг к другу, сотворив из своей верхней одежды нечто вроде “общего колокола”. ***И верьте: ВАС ОБЯЗАТЕЛЬНО НАЙДУТ —*** *: ну хотя бы потому, что того, кто хочет остаться живым и здоровым, всегда находят.*

Как, например, в январе 2000 года в Никитах мы нашли трёхдневного додика — причём без каких-либо признаков физиологического дистресса. Потому что парень просто выполнил описанные выше рекомендации – хотя было ему всего 13 лет.

ЧТО ДОДИКУ В ПОГИБЕЛЬ…

Из сказанного можно сделать несколько выводов:

1) Подземные факторы, влияющие на наше поведение, делятся на стрессовые (то есть те, которые при спокойном к ним отношении не вызывают негативных в принципе последствий) и дистрессовые (которые по объективной оценке реально угрожают нашей жизни). Здоровая, положительная реакция на дистрессовые раздражители, как на стрессовые, делает из “просто человека” полноценного спелестолога. Встреча с которым под землёй приносит только радость. Обратный вариант порождает либо додика, либо инвалида, либо фрустированного индивида – от общения с которым удовольствие получить сложно.

2) Стресс – обычное состояние физиологических и психических систем организма, постоянно испытываемое спелеологами под землёй. Вреда от него никакого при условии нормальности твоей психики; с точки зрения спелеотерапии он даже приносит вполне ощутимую пользу, так как мобилизует психические и физиологические системы организма, способствует установлению гармоничного энергетического баланса всех систем, слагающих нашу душу и тело. И открывает нам под землёй подлинные просторы Вселенной с ничем не сопоставимым кайфом просто удивительного отдыха от всего, что корёжит и давит нас на поверхности.

3) В отличие от стресса, дистресс — шоковое состояние, испытываемое спелеологом иль спелестологом под землёй при возникновении “нештатной” ситуации. Причём к дистрессу может привести самая обычная для кого-то иного ситуация: “что додику в погибель, нам в кайф”. Человек с соответствующим спелеоопытом не впадает в дистрессовое состояние ни при каких, даже самых аварийных и безнадёжных ситуациях – чайник способен впасть в истерику от заморочки, которая при пересказе не вызовет у слушателей ничего, кроме смеха.

4) Кроме шоковых (аварийных) и субъективных психологических причин (в основе которых неконтролируемые сознанием психозы или социальные обстоятельства, связанные с проблемами взаимодействия внутри малых групп), дистресс под землёй могут вызвать длительное незаметное переохлаж-

дение, накопившаяся физическая усталость, голодание или “недосып” – все эти беды характерны для *плановых групп*, поведение которых под землёй, как и график движения по пещере, заранее расписываются в городе – и, естественно, не соответствуют возможностям группы, которые выясняются лишь по прибытии на место и “ввязывании в бой” с *покоряемой* пещерой.

Естественно, что “неорганизованные группы” – не скованные жёстким, заранее рассчитанным планом-графиком подземных работ и имеющие к тому же значительный опыт спелеожизни (то есть коллективного *подземного бытия*, пусть и в условиях каменоломен) не только не испытывают дистресса от контакта с Подземлёй, но и не перенапрягаются, пытаясь достичь в посещении пещеры каких-то *заранее рассчитанных результатов* – а путешествуют под землёй в своё удовольствие, испытывая вместо означенного состояния лишь кайф и радость от дружеского, неторопливого Общения с Пещерой.

И друг с другом.

— Но самое главное: опыт подземожительства московского спелестологического социума позволил выделить и описать здесь ряд специфических стрессовых и дистрессовых агентов, а также фрустраций, психозов и фобий – изучение которых “в условиях поверхности” невозможно в принципе.

Все эти факторы, как и сам опыт подземожительства, с успехом могут быть применены не только при возникновении экстремальных ситуаций на поверхности – в самом спокойном бытие экипажей КС и подводных лодок, персоналов подземных командных пунктов и полярных станций,–

– а если это бытиё ещё и неспокойно…

: не дай, как говорится, Бог.

ЗАКРЫТИЕ — ИЛИ ЗАЩИТА?

«Вот придёт яхта “Соло”.
Ты на неё сядешь и пойдёшь с “Гринписом” к Новой Земле,
на ядерный полигон. Ты ведь знаешь точно,
что пограничники возьмут вас за задницу
и отбуксируют в нейтральные воды.
И ничегошеньки вы своей авантюрой не докажете. […]
Мне понятны мотивы “Гринписа”. […]
Они с жиру бесятся. Этих обалдуев нерусских
хлебом не корми, только дай покататься
на моторках вокруг какого-нибудь авианосца,
да чтобы их сверху из водомётов поливали.
И в ледяной воде побултыхаться тоже весело.
Стрелять в тебя никто не рискнёт,
и даже насморк ты не схватишь, потому что пьяный. […]

И ты заметь, они ведь никогда не выдвигают разумных,
компромиссных требований.
Они намерено говорят о полном запрещении,
полном закрытии, полном отказе от всего,
что пачкает мир. А значит – никогда им не удастся
ничего ни закрыть, ни запретить.»
О. Дивов, «Стальное Сердце»

: Для каждого спелестолога, спелеонавта или кейвлайвера Подземля – неотъемлемая часть жизни.

Соответственно любимая пещера, и уж тем более оборудованный для подземожительства грот воспринимаются не просто на уровне жилища — как Дом. Тот, что достоин писаться только с прописной буквы. А потому возникающие в последнее время экологические проблемы, порождаемые нашим подземным бытиём – *но особенно безудержный трендёж об оных разного рода доброхотами* — не могут не вызывать “некоторого раздражения”:

– если выражаться исключительно парламентской лексикой.

К сожалению, некоторые вещи, процессы и явления можно именовать только так, как они того заслуживают. Иначе будешь неправильно понят.

Даже если вести речь исключительно о теоретическо-научной стороне дела.

А тут — самая, что ни на есть, практика. Грубая конкретная реальность, а не софистические баталии.

: Когда *некто со стороны* начинает тебе указывать с нескрываемо менторскими интонациями, каким именно образом тебе лучше жить в собственном доме,– да ещё пытается “навести порядок” *в твоём доме* по личому разумению (типа: вот эти чёрные огромные ящики, что у тебя под потолком по углам висят[42], лучше выбрось, нет в них ни эстетики, ни смысла,– и усилок свой допотопный ламповый[43] выкинь на хер, ему ж сто лет в обед, купи лучше нормальный стереокомплекс, как у всех, и телевизор бы тебе нужно купить побольше, не модно нынче с такими маленькими жить,– а чего это в компе твоём никаких игр нету? Непорядок! У всех игры есть, а ты чем хуже??? И дезодорант в сортире повесь обязательно, как можно жить без дезодоранта в сортире?..) — самое малое, приходит на ум поговорка про чужой монастырь и уставы.

: Матерное оформление которой в виде пожелания известной дороги присутствует неизбежно.

Но — постараемся удержаться в рамках приличия. И для начала спросим: что же такое пресловутая “экология”, что реально означает это слово, трендить о сути которого нынче полагает возможным любой затейник с тремя классами ЦПШ за плечами?..

---

[42] Если кто не понял – кастловские стоваттные колонки музыкальной ели.
[43] “Technics” SU-V5 класса “А”.

: Экология – наука о равновесном сосуществовании природных форм, а также форм социальных и природных. Нарушения условий экологического равновесия, именуемые “экологическими проблемами”, есть частный случай (или, если хотите, раздел) достаточно многообразной и интересной научной дисциплины. Возникшей, как межотраслевой стык самых разных наук [от биологии, истории, социологии и психологии до эниологии, экономики, технологии и политологии] в шестидесятые годы прошлого столетия.

Понятно, что один человек не может быть специалистом во всех этих дисциплинах — а потому неизбежно возникают ситуации, когда одна группа экологов выдвигает какие-то предложения < рекомендации, требования > – другой группой либо отвергаемые “со смехом крещендо”, либо оспариваемые в самой своей основе. И очень велик соблазн объявить свои воззрения более истинными, чем любые иные. Хотя бы потому, что разобраться в иных воззрениях образование не позволяет. Или политическая ангажированность.

А то и простая экономическая зависимость от того, кто “заказал музыку” – то есть проплатил очередное безбашенное “исследование”.

— Помните, с чего в мире начался “озоновый хай”? Жалко, если нет. Потому как начался он с “исследования”, проплаченного специалистами фирмы “Дюпон”, продвигавшими на рынок свои системы охлаждения. А рынок новинку не принял. Вот и объявили, что традиционные системы “портят воздух”. Хотя на деле никакого отношения ни к росту, ни к уменьшению “озоновой дыры” фреоновые системы не имели.

: Миллионы фунтов баксов потеряли на этом ангажированном блефе производители традиционных охлаждающих систем. А фирма “Дюпон” — приподнялась.

: В 90 случаях из 100 коль копнёшь очередной, раздуваемый безграмотными трендилами, ‘экологический хай’ — выглянет из него дурное дюпоновское рыло.

А то и нечто похуже. Когда не коммерческого конкурента – политического оппонента или врага схарчить надо.

Или хотя бы грязью замазать.

– О, как трендили совковые газетёнки про “экологический кризис в странах капитализма”...

Под поворачивание рек с севера на юг и строительство дамб, превращающих городские акватории в сточные клоаки.

А залив Кара-Богаз-Гол – в нечто, приличным словом не называемое.

: вместе с химической промышленностью целой республики.

: Во что под эти песнопения превратили Арал — можно увидеть и невооруженным космическим спутником взглядом.

Да только смотреть – не на что. Уж лет 20.

: Вот так и у нас под землёй. Не верите?..

СЛОВО О РАВНОВЕСИИ

«Какого Хаффа?..»
: Р. Хайнлайн

Спелеоэкология (как один из разделов теоретической спелестологии) уподобляет пещеру с её микроклиматом и изоляцией от воздействий поверхности космическому кораблю или планете в миниатюре. Как представляется мне, такая точка зрения не просто правильна — как все гениальные положения и идеи, она настолько проста, что следствия из неё очевидны любому здравомыслящему человеку.

: Подобно тому, как любое бездумное действие, совершённое на борту космического корабля, приводит к его гибели – не важно, идёт-ли речь о нарушениях технологического цикла систем жизнеобеспечения или неправильном пилотировании, разгерметизации и прочем – так бездумное отношение к дарованному нам Природой подземному миру приводит к его невосполнимой утрате. При этом, как и в случае космического корабля, вариантов уничтожения экологического подземного равновесия не счесть — модели экологически равновесного нашего сосуществования с Подземлёй можно перечислить по пальцам одной руки.

И в тоже время любое запретительно-карательное действие на борту космического корабля, не подкреплённое фундаментальной мотивацией, или навязываемая экипажу “культурно-социальная заморочка” также способны разрушить корабль. Или, при соблюдении его физической целостности и видимости достижения цели, в реальности обратить сам полёт и его цель в бессмысленность. < Пример: «Пасынки Вселенной» Роберта Хайнлайна и многочисленный пласт аналогичной литературы. >

Сравнение это не столь далеко от действительности, как может показаться — ибо *наш подземный мир,*– мир кейвлайвинга, спелеонавтики и спелестологии – в первую очередь представляет собой равновесное сплетение различных подземных социумов со вполне устоявшимися парадигмами подземного бытия и отношения к посещаемой, изучаемой, обживаемой и *создаваемой* Пещере. По сути, то, что мы именуем Подземлёй, есть то самое социально-природное равновесие, обусловленное существованием постигаемого нами и одновременно создаваемого подземного мира в его природном воплощении (пещера) и социальном (сложившиеся или складывающиеся спелеогруппы, спелеосоциумы и их культурные парадигмы). То есть тут получается в точности так, как описано в книгах Хайнлайна и Олдисса: без Экипажа корабль – механический снаряд, герметичная консервная банка, и не более того; потерявшее реальные свойства Экипажа обитающее в этой банке человеческое племя – племя, и не более: ничего из себя не представляет и ничего не значит (что бы отдельные представители племени ни воображали). Но коль обитающие в корабле люди взаимодействуют с окружающим миром и пытаются понять/осознать его сущность, либо вполне её осознают и управляют кораб-

лём — вся эта система не просто находится в неком “экологическом равновесии” — она исполняет свою цель, и уже называется с прописной буквы: Корабль. Равновесная общность космического аппарата и его безусловного экипажа.

В нашем случае — Подземля. Бо без нашего присутствия мы её не ощущаем и не воспринимаем, «без человека природа мертва»,– сказал Рокуэлл Кент. А Экзюпери очень точно добавил: «Один только Дух, коснувшись глины, творит из неё Человека».

Но и без привлечения эниологии понятно любому: лишь постоянный обитатель пещеры способен её понять, полюбить и постичь.

: Любой случайный подземный экскурсант, как бы ему ни был интересен этот мир, всего лишь экскурсант. Лицо, в данном месте случайно-временное. Подобен богатенькому туристу на борту “челнока” или МКС. Его максимально допустимое назначение – “вовремя кормить собак и ничего не трогать на корабле”. Экипаж того же “челнока” или МКС – ощущающий себя единым с пилотируемым космическим аппаратом – нечто, неизмеримо большее. Без градации на капитана, работника космической оранжереи, штурмана или бортмеханика. Все они живут Кораблём и целью его полёта, и составляют единый с кораблём мир. Каждый из них – часть этого единого мира, и каждый сам выбрал свою космическую судьбу,–

: примерно так, как её выбираем себе мы — “повязываясь по жизни” кейвлайвингом.

Так что аналогия с Подземлёй получается удивительно образная. За исключением, быть может, одного аспекта: в современном космическом полёте доминанта и движущая цель — программа научных исследований. Мы под землёй ближе к персонажам Хайнлайна, Саймака, Гарриссона и Олдисса – что живут окружающим миром, вполне осознавая уже своё единение с ним,– но то, что именуется “научной целью” или “рационально-практическим интересом”, занимает нас в гораздо меньшей степени, чем собственно подземное бытиё.

Отвлекаясь от литературных метафор и аллюзий, можно сказать (точнее, повториться): *мы просто приходим под землю жить, ощущая окружающий мир как часть себя и как свой Дом одновременно.* Потому слово кейвлайвинг много точнее, чем спелестология.

И потому всевозможные “научно-практические результаты” существования нашего подземного мира есть следствия его бытия, и только. Но никак не причина и уж подавно не ведущая мотивация нашей подземной жизни. Появился некий подземный научный интерес – удовлетворяем его доступными способами. Возникла какая-то подземно-практическая задача (вскрытия заброшенной каменоломни, её топосъёмочного исследования после вскрытия, создания безопасного входа, стояночного грота или водокапа) – решаем её. Но главным остаётся Подземожительство.

Радетели научно-рациональной спелестологии, или спелестологии, ориентированной на коммерческий туризм, либо фанаты топосъёмочно-вскрышных работ могут не принимать данное утверждение — суть спелестологии от этого не изменится: вся она в своей основе кейвлайвинг, то есть свободное подземное

бытиё; любые научные или околонаучные результаты и следствия всегда вторичны. Оттого в спелестологии количество кейвлайверов, что просто *приходит под землю жить,* пусть и на два дня в неделю, в тысячи, если не в десятки тысяч раз, превышает количество тех, кто устремляется под землю ради решения конкретной научной или практической задачи. Это реалии русской спелестологии; их можно оспаривать, сколь угодно — реалиями от этого они не перестанут быть, и изменить их в принцпе невозможно. Случайные специалисты, являющиеся в наш подземный мир для достижения на поверхности поставленной цели, приходят и уходят – кейвлайверы остаются и продолжают, поколение за поколением, своё равновесное подземно-космическое бытиё. Свободное априори по отношению к любимому Подземному Дому, свободное по его ощущению и пониманию — а потому в какой-либо координирующей, указующей, воспитующей или направляющей силе поверхности нуждающееся не более, чем собака в пятой ноге.

: Это важнейший момент российской спелеонавтики, спелестологии и кейвлайвинга, который следует понимать, прежде чем рассуждать о "подземной экологии".

Но также важно понимание того, что **мир искусственных подземелий** априори **вторичен** по отношению к Природе; что он так или иначе создан человеком, и любое наше проникновение в него — неизбежное вмешательство. Но во что: в абстрактное "природное равновесие"? Равновесие чего с чем – пласта породы, издырявленного древними добытчками руды или камня и/или строителями подземных архитектурных сооружений, при участии стихийных природных сил переработанное обвалами и доработанное карстовыми процессами,– то есть равновесие былой антропогенной деятельности со слепой стихией, уничтожающей-перерабатывающей её?..

Извините — "равновесие" такого рода не равновесие; соблюдение его противоречит самому духу спелестологии. Ибо означает неизбежное разрушение пещер и их потенциальную недоступность не только для постоянных посетителей-спелеонавтов, но и для "продвинутых случайных исследователей".

— И вообще: *если чем и отличается человек от животного – так это осознанным своим вмешательством в слепую природную энтропию,– в постоянном оборении её, в увеличении меры негэнтропии мира.* Призывать человека "бороться за сохранение энтропии" в эниологическом смысле значит тоже самое, что призывать его "назад, к обезьянам".

: Перепланируя ландшафтное пространство, уничтожая следы обвалов и оползней, возводя удобные комфортные жилища, в том числе под землёй,– давая названия горам, пещерам, планетам, звёздам и рекам,– творя картины, скульптуры, сказки и повести — в общем, созидая новые, наполняющие мир, связи и умножая его творческие сущности, человек превращает мёртвую природу (по определению стремящуюся к распаду и хаосу) в нечто, неизмеримо более сложное – и упорядочное в тоже время. За счёт творческой своей энергии. И не надо под негэнтропийной деятельностью понимать превращение мира в плац, а природу в горы мусорных свалок: и то, и другое как раз и есть энтропия в чистом виде. Кто отстаивает тезис о "сохранении природной

красоты”, сильно лукавит: что беспорядочное нагромождение камней, что мёртвый древесный корень есть энтропия. Но человек смотрит на них, поворачивает пару камней, касается резцом корня,– или находит определённый ракурс своего взора и щёлкает фотомыльницей — камни с корнем превращаются в Образ,–

: Мир становится больше, приобретает новые связи –

: эту простую мысль неоднократно высказывали до нобелевского лауреата Ильи Пригожина и Антуан де Сент-Экзюпери, и Рокуэлл Кент, и Уильям Блейк. Желаете спорить с этими именами – спорьте, но вначале прочитайте их. Впрочем, обычно спорщики таких книг не читают,– их мышление останавливается на Глуховском и Рогожникове.

Не забудем также, что антропогенная деятельность, положившая начало нашим рукотворным пещеркам, по определению была насилием над природой. И принесла ей неизбежный вред. В котором терриконы отвалов и истреблённые ради крепежа сводов леса были даже не “ягодками”, но “миленькими цветочками”. Радеющий за глобальную экологию в духе “Гринписа” должен стремиться в первую очередь обернуть/исправить этот вред – отвалами затампонировать рукотворные подземные пустоты, провальные воронки на поверхности заровнять, овраги, развившиеся по привходовым обрушениям и точильным рвам, ликвидировать,– леса насадить из расчёта одна обнаруженная под землёй деревянная крепь или её отпечаток в породе = одно посаженное дерево.

А не призывать к немыслимо-бережному сохранению заброшенных каменоломен и подземных храмов.

Но ведь и современный спелестолог, вскрывающий потерянную подземную полость, дефлорирует/насилует “природную” обвально-завальную массу; при продвижении по пересечённому завалами лабиринту разбирает эти завалы; оборудуя стояночный грот, водокап или безопасный транспортный штрек, “оскверняет своими погаными лапами” энтропийную стихию, проявление Природы в чистом виде. А уж оформляя-расписывая должным образом стены искусственных подземелий, наносит по этой самой стихии такой негэнтропийный удар —

: Так о каком “экологическом равновесии” – чего и с чем – мы можем говорить применительно к Миру Искусственной Подземли?..

: Исторически сложившегося равновесия мира кейвлайвинга со своими традициями подземожительства (которым более 40 лет) — равновесия с чем?.. Неужели – с обвально-завальной энтропией, торжеством уничтожения, разрухи и Хаоса???

— Очень интересный вопрос. Попробуем с ним разобраться и понять: насколько велика реальная важность спелеоэкологических проблем,– из чего она складывается и коль проблемы такого рода возникают, какие пути их решения можно представить.

А заодно увидим, как эти проблемы решаются во всём мире, в традиции нашего андеграундного подземожительства – и на территории нашей страны в целом.

Поскольку любому кейвлайверу важен принцип “не навреди любимой пе-

щере” (и соответственно, “не получи вред от неё”), посмотрим на составляющие наших спелеоэкологических проблем под двумя углами:

1) “Человек – пещере”.

2) “Пещера – человеку”.

: Увидите – все наши подземные “экологические беды” укладываются в эти два варианта. Причём те, кто наиболее громко причитают о реальных и вымышленных “спелеоэкологических проблемах”, до столь простой семантики в рассуждениях своих (более проходящих по классу истерики базарной) опуститься не желают.

А быть может — подняться. Потому что любая реальная попытка разобраться в проблеме с истерикой редко пересекается.

Как, впрочем, и с громкими лозунгами.

ЧЕЛОВЕК – ПЕЩЕРЕ

«Как же нас должны ненавидеть “зелёные”!
На одни крепи сколько лесу переведено было – у-у…»
: из разговора двух спелестологов

Безусловно, огромный экологический вред пещерам и каменоломням закрытого типа приносит так называемый “организованный спелеотуризм”: изменяются влажность и температура полости в результате пробития новых просторных входов, работы прожекторов, средств транспорта, дыхания массы ежедневных посетителей пещеры; исчезает естественная стерильность подземного воздуха, появляется т. н. «ламповая флора» и просто плесень; нарушается режим роста натёков и динамического равновесия сводов (в результате как излишней увлажнённости, так и подсыхания в случае принудительной вентиляции или отопления объекта),– даже ненамеренная дополнительная вентиляция губит сложившийся микроклимат пещеры НАЧИСТО. То есть оборудование пещеры для её *массового посещения* – ***экологическое преступление.*** Печальны в этом смысле судьбы пещеры Ласко с неолитическими рисунками, буквально сожранными плесенью, и Новоафонской пещеры, о которой теперь нет смысла говорить, как о пещере.

Страшнее — поощряемое государством разграбление пещерных запасов оникса. Станцию “Петровско-Разумовская” московского метрополитена видели? Её колонны декорированы самым настоящим пещерным ониксом. Причём среднеазиатским. Возможно даже – из Кап-Кутана. Впрочем, недоброй памяти “Памиркварцсамоцветами” было уничтожено столько пещер, что точное их число не поддаётся учёту. Теперь представьте: сколько пассажиров метро обращает внимание на этот страшноватый, в спелеоэкологическом смысле, декор – десятки? Единицы – из ста, из тысячи? Думается, эта оценка чересчур оптимистична. Замени их на аналогичного вида пластик или добытый карьерным образом более-менее декоративный камень, запасов которого

истинно немерено — что изменилось бы?..

: Одной не разграбленной, не уничтоженной на корню пещерой в природе было бы больше. Спелестологическая полость, именуемая “станция метро Петровско-Разумовская”, не стала бы менее красивой.

Причём заметьте: *в отличие от ‘за грины писающих’ я не призываю запретить/отменить добычу любого и всякого подземного камня! Я говорю: не разрушайте Подземную Красоту там, где она есть и где её мало. Где запасы её невосполнимы и значение “по месту нахождения” вербальной оценке просто-напросто не поддаётся. Ибо оценивается совсем иными категориями.*

: Но – если бы одна Петровско-Разумовская!.. У той хоть какое-то подобие интерьера и дизайна прослеживается,–

А вот сортирно-кафельной серии подземный короб “Речного Вокзала” — колонны которого облицованы тоже ониксом, и тоже пещерным,– хоть с тем же успехом сделать это можно было фанерно-целлофановой мосфильмовской имитацией камня, или просто покрасить,–

: сколько пещер пало ради варварского “оформления” этого прагматично-серийного метроуродца?..

— И ведь, что самое страшное: организации, подобные “Памиркварцсамоцветам”, на красивейшие пещеры наводят *именно спелеологи.* Поступающие к ним в штат в качестве поисковиков – и получающие возможность не только на халяву рассекать по подземным закромам нашей родины, сполна удовлетворяя своё спелеолюбопытство – но даже получая за это деньги. Читайте, например, примечательную книгу В. Мальцева «Пещера мечты, пещера судьбы».

А что цена удовлетворения этого любопытства – уничтоженные пещеры…

: ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ПЕЩЕР.

По завершении разграбления которых “государственно-промышленными силами”, конечно, можно вволю потрендить о спелеоэкологии, призывая, якобы личным примером, даже окурки и какашки при посещении пещеры складировать в карманы комбеза.

Но то – в Азии. Очень далеко от Москвы и наших антропогенных полостей. Слава Двуликой, промышленными запасами оникса и гипсовых люстр не обладающих — а потому вандалов из строительно-геологических корпораций не привлекающих.

: У нас, по моему мнению, основной экологический урон пещерам наносит пресса. Точнее – газетные борзописцы и тележурналисты, писаниями своими и передачами привлекающие в пещеры теряющихся затем в них додиков. И чайников, оставляющих после своих визитов горы мусора. Включая бумажные маркера-пикеты и знаменитые чичачьи нитки – появившиеся в обиходе спелеодаунов, опять же, с подачи разного рода писак, о реальной ориентации в пещерах не имеющих никакого понятия.

– Хотите спросить: как же ориентироваться под землёй, да ещё в сложнейших лабиринтах, ведя в *исключительно научно-познавательных целях* пресловутую топосъёмку — как не раскладывая на каждом перекрёстке картонные иль пластиковые пикеты и не опутывая

маршрут своего броуновского движения бесконечными ниточками, верёвочками, магнитофонной плёнкой и проволокой?

: Способов много. Прежде всего уясните – *расстояние, на которое хватает "клубочка ниток" (магнитной ленты, капроновой лески и прочего) вы в состоянии запомнить без этих мусорных костылей.* Это мнение всех известных спелеологов – от Кастере до Холидея. Что пачка от сигарет, что оставленный на перекрёстке "ради пущей ориентации" бумажный пикет, что исцарапанные с той же целью надписями и цифирьками стены — мусор. Хотя бы в том смысле, что являются техническими отходами от вашей деятельности. А отходы – они по определению отходы, мусор. Сколь бы "научной" или "бытовой по неизбежности" мотивацией этот мусор ни оправдывался — Природе нет разницы.

В то же время надпись, выполненная "по приколу" или вещающая о названии грота — совсем иное дело. В ней – даже самой стилистически неказистой – искусство, творчество. Новое понимание места, заслуживающий внимания ориентир. Свидетельство хоть какой-то – но интеллектуальной деятельности, вносящее в стихийный спелеоландшафт определённую организующую изюминку. И наделяющее помеченное таким образом место вашим пониманием его значения или сути. То есть умножающее количество сущностей, складывающих Мир. А значит – его развивающее. При этом отмечу момент, для меня лично важнейший – для иного, попроще устроенного человека, несущественный:

Надпись, выполненная *непосредственно на стене грота,* в информационно-энергетическом смысле абсолютно точно отождествляется с самим гротом. Надпись, сделанная на предмете – с этим предметом. Конечно, путём нехитрой бессознательной перекодировки сообразительный человек соотнесёт выполненное на отдельно лежащем камушке или бумажке художество с самим гротом (и даже допустит, что этот камушек или бумажка не были принесены отмороженным шутником из соседнего),– много энергии на этот процесс не уйдёт. Но что он по-любому будет энтропийным – безусловно. Никакого энергетическо-информационного резонанса с местом и вами, его так назвавшим, не вызовет. Хотя поможет не заблудиться. Тогда как настенная надпись этот резонанс вызывает в полную эниологическую силу. И пусть реальное её энергетическое наполнение мало – под землёй, в условиях полной информационной изоляции от поверхности, важна и самая малая малость. Всё существенно, всё значимо. Энтропия от чтения надписи на стороннем предмете проявит себя точно так же, как негэнтропия от созерцания безусловно относящегося к месту настенного граффити.

Вот только с обратным знаком. Да ещё усилится неизбежным сомнением: а точно-ли этот камень не приволокли по приколу из другого места? А для другого – катахрезой разглядывания гламурно ламинированной таблички в месте, никаким художественным образом этой табличке не соответствующим.

Принципиальный для многих спелестологов вопрос "допустимо-ли вообще писать на стенах пещер?" каждый решает в соответствии со своими пристрастиями. Я, например, не являюсь горячим сторонником настенных пещерных

граффити – но точно так же и не являюсь однозначным противником оных. Потому что с одной стороны любая надпись изуродует красивую пещерную стену — коль красота оной заключается в её формах и красках, и в рукотворных дополнениях не нуждается. Но! Скажите, положа руку на сердце – много вы видели под землёй уникально-красивых ландшафтных форм, прикосновние к которым недопустимо ни угольным маркером, ни художественной кистью? Я ведь не о натёчных корах и кристаллических формах говорю – о самых банальных стенах наших каменоломен. На одинаково-схожих тысячах квадратных метров которых практически всегда может найтись местечко, что должным образом сделанная надпись или рисунок не изуродуют. А быть может – придадут месту определённый душевный уют. Эти рисунки и надписи могут спасти вашу ‘крышу’ в трудную минуту потери ориентации и помогут вам в разговоре с товарищами точно определить: да, это место находится там-то и там-то. То есть даже без эниологических рассуждений чисто практическая, а иной раз и эстетическая польза от пещерных граффити — очевидна.

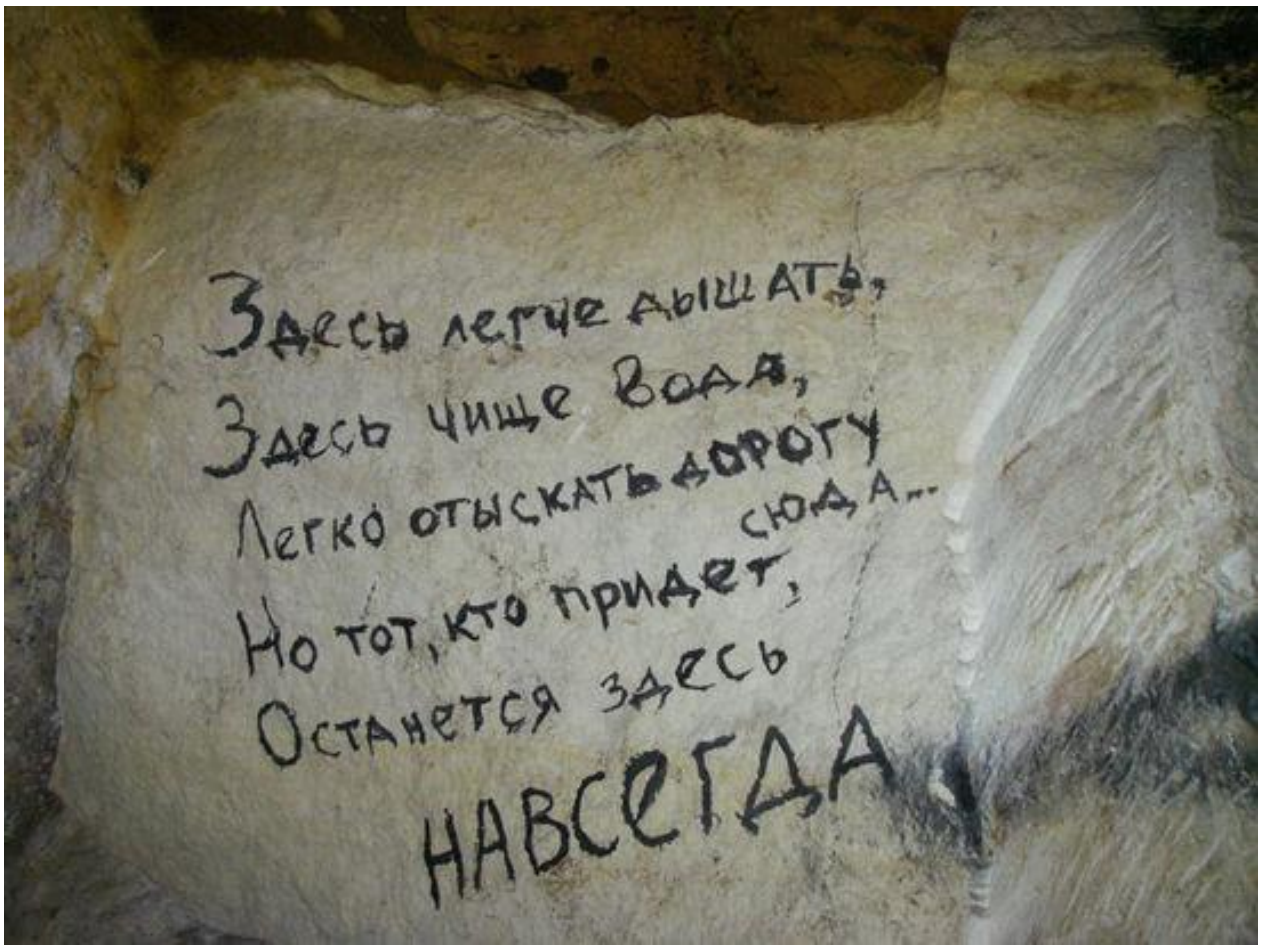
В Ставропольском крае есть каменоломни, которые так и называются: Письменные. По изобилию покрывающих их стены автографов-граффити. Средь которых и автограф М. Ю. Лермонтова был недавно обнаружен… А уж что до фантастически красивых росписей Маастрихта (и многих других подземных рудников, каменоломен, шахт и катакомб Голландии, Бельгии, Германии, Польши, Франции, Италии и Мальты) — поезжайте и смотрите. Или хотя бы зайдите на сайт замечательного спелеофотографа Чорски – http://translate.google.com/translate?u=http://tchorski.morkitu.org/2/3202.htm&langpair=fr. Почитайте работы исследователей одесских подземных граффити,–

– сравните прелесть общения с коллегой по жанру в варианте: «ну, это стало быть, вот этот грот,– нет, не этот, а этот,– нет – то, что ты так назвал, совсем в ином месте находится, а здесь находится именно этот, да с чего ты взял, что он не так называется, я его так называю уж 10 лет, а ты ни фига не въезжаешь!» — и в варианте «да, это было около КД, по выходу из него направо и вверх по насыпи, к Шагалу»,–

: какой вариант информативней и удобней в общении?.. В каком варианте каменоломня становится ближе и понятней для нас?..

А потом трендите о “допустимости” или “недопустимости” «изуродования каменоломенных стен рисунками и погаными надписями».

Вот несколько фотографий, сделанных в подмосковных каменоломнях и взятых мной с сайта Самадхи “Подземля” [http://podzemlya.gallery.ru/ – искренне рекомендую для посещения этот сайт всем любителям спелеотворчества] и http://www.speleo.ru/phpBB3/viewtopic.php?f=32&p=6448#p6448 [n1788]:


Здесь легче дышать,
Здесь чище вода,
Легко отыскать дорогу
сюда...
Но тот, кто придет,
Останется здесь
НАВСЕГДА!

Norcoman.Livejournal.com

— неужели ревнителям “чистой подземной экологии” может прийти в голову назвать эти изображения (с сопутствующим архитектурным дизайном) “уродующими” и “оскверняющими” Мир Подземли?..

Они – светлое окошко в пещерном мире. В этих настенных граффити души ходящих под землю, и души Творящих Её.

При этом запомните: НЕДОПУСТИМО НИКОГДА И НИ ПОД КАКИМ ПРЕДЛОГОМ РАСПИСЫВАТЬ ПОДЗЕМНЫЕ И ПЕЩЕРНЫЕ ХРАМЫ. Потому что это в любом случае – храм, пусть и бывший. Кто имел право – его уже расписал. Задумайте продолжить отношения с Небом в этом храме в каноне тех, кто его до вас выкопал ради Общения с Небом, и коль Небо в процессе вашего с ним общения скажет: пиши! — тогда и можно подумать. И то, вначале разберитесь в своей душе – кто это там бормочет: сам Боженька, или внутренний самоуверенный голос.

: Не приходит же вам в голову лезть со своими росписями в церкви на поверхности? Вот так и тут.

Недопустимо так же оставлять граффити в небольших каменоломнях вне зависимости от эстетической ценности их ландшафта только потому, что ориентационного смысла они нести не будут, а “прочее от лукавого”. Разве, коль вы сами вскрыли такую каменоломню – данное вами название оставить можно и нужно. Ну и дату вашего славного подвига. Но не более.

Для приложения ваших творческих сил достанет протяжённых и сложных лабиринтов,– там, где в оставлении ориентационных знаков есть хоть какой-то смысл, нужно их оставлять. Но перед тем сто раз подумать об их энергетическом и художественном наполнении. А уж потом шкрябать.

При этом: если в данной Системе вы не являетесь хозяином,– не вы вскрыли её, не вы её обнаружили первым, не вы занимаетесь её постоянным мониторингом-обслуживанием и подземожителем данной каменоломни считаться не можете — НЕ ФИГ МАЛЕВАТЬ. Равно указывать хозяевам данной пещеры, как им писать-рисовать на стенах, и что. Вольётесь в спелеум, что сложился в этой пещере, примите его культурно-творческие каноны – тогда и рисуйте. А пока на экскурсии — ведите себя, как положено экскурсанту в любом музее.

Вот если вы самостоятельно вскроете протяжённый лабиринт – ваше право определить, как ему выглядеть. Какие чувства вызывать у последующих посетителей: добрые в отношении вас или злые. Причём в эстетических оценках на гоблинов лучше не ориентироваться. Старайтесь делать так, чтоб ваши граффити были одновременно и информационными (то есть способствующими ориентации), и в должной мере художественными.

На мой взгляд, под определение “информационно-художественных надписей” попадают названия гротов или фразы-девизы-цитаты, коррелирующие с данным местом и выполненные так, что природной красоты его не уничтожают (чем красивее оформлена надпись и чем менее она катахрезична с местом – тем лучше, а потому рекомендую пользоваться не химическими, а природными красителями; акварель не подходит, потому что растворяется пещерной влагой, но гуашь, особенно художественная, даёт всё разноцветие спектра, которого так не хватает под землёй, и хорошо держится на камне,– при этом для рисова-

ния она столь же пригодна, как и для надписей); допустимы имена первопроходцев в дальней части вскрытой и пройденной впервые Системы (дата такого увековечивания обязательна!) — и не попадают автографы случайных матрасников, “расписавшихся” в явно не ими открытом и найденном гроте. Иной раз для отмечания какого-то места можно сложить замысловатой, или просто красивой формы тур-стелу – но увлекаться такого рода зодчеством не стоит.

– Помните: каждый ваш Подземный Творческий Акт должен рождать артефакт, а не конвейерную продукцию масс-культуры. То есть его *штучность* не менее важна, чем информационность. Подземля вообще уникально-штучна и индивидуальна, и личностей к себе притягивает соответствующих,– конвейерные достижения “масс-культуры” не про неё. Да и с творчеством, как правило, пути масс-культуры не сходятся. Впрочем, словом “штучность” всё сказано: если единственный смысл ваших граффити и пирамидок состоит в том, чтоб “как бы не заблудиться”, и интеллектуально-художественной ценности они не представляют – это банальные отходы от вашего гуляния по пещере, мусор. А не творчество. С мусором под землёй нужно бороться, ибо энтропии под землёй хватает и без него.

А потому в раздел “информационно-художественных атрефактов” не попадают многочисленные пирамидки, настенная цифирь и бумажные нумерованные пикеты, оставляемые “на веки вечные” под землёй бестолково снующими чайниками и любителями спелеотопосъёмки. В этом смысле наукообразные деятели подземной топографии наносят своими пикетами откартографированной пещере точно такой же вред, как “неразумные чайники”. Причём в моральном аспекте их вред гораздо больше: чичака, намусоривший в пещере при первом её посещении, действует по неразумению, и при должном воспитании понимает свою неправоту — но попробуйте объяснить упёртому топосъёмщику, мнящему себя Очень Крутым Спелестологом, что его “жизненно важные” для возможной последующей пересъёмки пикеты – которая, конечно, никогда на самом деле не последует, как показывает практика – точно такой же мусор, как случайная чайничья бумажка!

: Когда встречаю под землёй пикетажный сор, оставленный на каждом перекрёстке прошедшей передо мной топосъёмочной командой, я при всём желании не могу увидеть в нём хоть какого-то “творческого” или эзотерически светлого начала. Ибо чужеродная бумажка (варианты: кусок картона, металла, пластика, фольги,– etc.), брошенная посреди грота и не несущая никакого эстетического или прикольно-игрового смысла (кроме как для оставившего её случайно-залётного топосъёмщика) **есть мусор** во-первых, во-вторых и в-третьих. ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ. Причём оставленный рылом, прекрасно осознающим пагубность такого действия. И в количестве, в сотни раз превышающем то, что способен по недомыслию оставить после себя экологически необразованный чайник.

Опять же: табличка, вывеска или дорожный знак, по игровому приколу затащенный в явно не свойственное ему от природы место – знак некого перформанса, деяния. Игры и Творчества. О, сколько весёлых минут подарили посетителям каменоломен всевозможные «Негабаритное место» или «Мест для

сидения 110», «300 метров – сердечные, язвенные болезни», оставленные в самых лютых и непроходимых шкуродёрах! Не говоря уж об их ориентационной значимости…

: Что они “нарушили”, какую “экологию” в искусственном, по определению, подземном объекте?.. Эти прикольно-творческие знаки, привнесённые в энторопию подземного Хаоса, лишь увеличили меру его негэнтропии. Одомашили, очеловечили место – а не загадили его бездумным отходом от посещения-пребывания.

: деление на осознанное деяние, творческое вмешательство в энтропию – и бездумный мусорный отход от какой-либо деятельности здесь ключевое. **Ибо мусор, от чего бы он ни образовался — та самая энтропия и есть.**

Главное – разумный баланс меж прикольно-эстетической стороной этого процесса и количественной. Потому что, конечно, принесённый под землю Артефакт – точно такое же свидетельство нашего антропогенно-творческого общения с Подземлёй, как оборудованный грот, оснащённый полиэтиленом и ёмкостью для сбора воды водокап или расчищенный от шкурников удобный и безопасный проход. С другой — когда этих табличек становится много, и стилистически они походят одна на другую – пещера с их изобилием становится похожа на помойку. Бездумно приносимые под землю бесчисленные «Лифт остановлен на профилактический ремонт» *не являются штучными,*– а потому не вызывают улыбки – но точно такую же брань, как любая иная “масс-продукция”, в подземном восприятии от мусора неотделимая.

Как, например, чайничьи нитки или топографические пикеты.

Или дымовая завеса.

: Безусловно, дым от волоков – следствие спелеовойн и просто безбашенного хулиганства (особенно практиковались в Системе Силикатная в Подмосковье в семидесятые-восьмидесятые годы и, несколько позже, в Сьянах) – явное и ничем не оправданное экологическое зло. Не говоря о том, какой вред нашим лёгким приносит поглощаемая ими химозная сажа – результат горения резины и пластиков, полиэтилена и прочей нефтегазовой химии отравляет воду, которую мы пьём под землёй, ухудшает фильтрационные свойства породы и блокирует то самое “дыхание пещеры”, что не только дарит нам целительный подземный микроклимат – весьма оздоровляет воздух на поверхности. Ну и просто превращает пещеру в разновидность перманентно горящей помойки. *Бороться с подобным проявлением спелеоидиотизма можно и должно всеми способами — включая уголовно наказуемые.*

– Да: копоть от необёрнутого плекса, свеч, факелов и ацетиленовых ламп, конечно, “экологически тоже не вполне приятна”. Но реальной угрозы (за исключением эстетики восприятия девственно-чистого от копоти свода) сажа, то бишь чистый углерод, не несёт – коль образуется в виде непроизвольного отхода от нашей бытовой деятельности – и вряд-ли по своему количеству превышает сажу, что оставляли разработчики каменоломен от лучинно-факельного и лампадного освещения. [Единственное исключение в

этом списке – карбидки: то, что они выделяют в воздух пещеры, весьма пагубно действует на эмаль наших зубов и на лёгкие. Как и на окружающий камень. А потому *радетелям спелеоэкологии* я искренне советую засунуть себе в задницу упомянутое средство освещения, коль они ещё пользуются им — “и там два раза провернуть”, прежде чем трендить “за экологию под землёй”.]

– К тому же бороться с закопчённостью сводов можно: азотная кислота (в виде раствора), например, просто “съедает” чёрную копоть со свода. В подмосковной Системе Кисели при очистке грота Эрмитаж Прохор и Паникёр применили более радикальный способ: они просто выкрасили стены и закопчённые своды грота белой известняковой краской. Не думаю, что их деяние было более “антиэкологичным”, чем оставление на стенах каменоломни сажевых или гуашевых граффити – как современного новодела, так имеющих безусловную историческую ценность.

Конечно, существенный “минус” нашего постоянного бытия в любимых каменоломнях – разнообразный бытовой мусор и физиологические отходы. Иные радетели “подземной чистоты” предлагают весь мусор паковать в трансы и вынимать на поверхность. И там вываливать около входа (по крайней мере, в ряде случаев так делается на практике). Даже бычки от сигарет, по мысли этих “спелеогринписов”, следует зашхеривать в карманчик комбеза.

: Простите – а дым от тех же сигарет в специальный полиэтиленовый пакетик не выдыхать? А с фекалиями что делать изволите? С мочой? С излишками тепла, что выделяет работающий примус, газулька, плекс и свечи – и если уж на то пошло, сам спелестолог?.. [Кстати: килокалорий человек выделяет куда больше примуса – в этом не трудно убедиться, перемножив температуру горелки примуса на её площадь и произведя аналогичное действие с температурой и площадью человеческого тела.]

В экологическом смысле это тепло может быть даже более вредным для пещеры, чем случайно обронённая бумажка. Не верите? Значит, вы не вполне образованы. И просто не представляете, что от изменения влажности на полпроцента или температуры камня на десятую долю градуса вполне может случиться обвал. (Ведь случаются, и не так редко!) Или оборвётся рост натёка, кристаллической друзы.

– А что “от перемены мест слагаемых сумма не меняется”, знаете? Что с того, что вы намусорили не в самой пещере – а на поверхности около входа в оную? Это сделало природу Земли краше и чище?

: Сожгли вытащенный мусор в костре, выбросили на деревенскую свалку – и спите спокойно? ЗРЯ. Сожгли пластик – подарили воздуху планеты очередную дозу канцерогенного наполнителя. Очередную дозу ОВ. Выбросили на деревенскую свалку — и местные вам за это “спасибо не скажут” (у них своего мусора хватает), и, по сути, вернулись к предидущему пункту.

— В 2003 году я водил по Никитам группу МЧС-ных спасателей. Новичков, которым требовалось соответствующее обучение. Так вот: увидев наше отхожее место (оно же место утилизации мусора), они разом пришли в прямо-таки восторженное негодование [при этом в самой Системе, помимо этих мест, они не смогли обнаружить ни

брошенной спичечки, ни, подавно, пачки от сигарет] – “ну-как-мол-мы-смеем-мусорить-гадить-где-живём…” [и так далее].

: Очевидно, начитались писаний спелеогринписов. А после очень правильных речей один из этих орлов легко и непринуждённо оснастил пол нашего обитаемого грота десятком бычков; в ответ на замечание начал втаптывать их каблуком в землю вместо того, чтобы старательно собрать и отнести на помойку,– другой наблевал, перекушав скверного коньячка, в шкурнике… Ясное дело: лужу блевотины за этим спелеоэкологом убирали не те, кто трендил об экологии.

*И так далее — **никто из них на практике не следовал высоким объявленным принципам. А вот поучить нас, недоумков, рвения хватило. И гонора.***

Я понимаю: в небольшой и чистой пещере, пусть хоть трижды искусственной, ВЕСЬ МУСОР следует выносить на поверхность. Собственно, строители и обитатели подземных храмов и городов во всём мире во всех земных социумах так всегда и поступали,– оттого причитают археологи о ничтожности “культурного слоя” в искусственных пещерах данного типа. Такое отношение к Подземле сродни отношению к собственному дому,– не только человек, но и многие животные никогда не гадят там, где живут.

: с этой стороной спелеоэкологии всё предельно просто.

Даже если пещера-каменоломня большая, но с относительно просторными ходами, проблем не возникнет. Коль посетителей в такой пещере не счесть, и те, что полагают себя за её хранителей-старожилов, такое положение (с массовым хождением нерегулируемых и не воспитуемых новичков) допускают — что ж: извольте делать субботники. Стройте всех, вручайте мусорные мешки, заказывайте пункеры ко входу,– развлекайтесь с экологической для Подземли пользой.

— с этим моментом тоже всё ясно < за исключением ехидного: неужели массовое хождение не контролируемых и необучаемых чайников идёт вам и вашей любимой пещере на пользу?.. — оставим его в “исключающих уголках” и не будем причитать об облике такой пещеры меж субботников и о том, что “чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят” >,–

— Но как быть, коли размеры пещеры велики, ходы её узки и труднопроходимы, а пребывание ваше не прогулка выходного дня, но кейвлайвинг, то есть подземожительство, и ежедневных визитов на поверхность “немного не предусматривает”?.. Как быть, когда реальная транспортировка случающихся отходов “хоть немного в сторону выхода” представляет из себя спортивно-техническую проблему?

При этом понятно: массовое посещение такой Системе не грозит, уже хотя бы в силу её труднодоступности. А коль намечаются рецидивы – постоянное население её гасит порывы массовиков-затейников очевидными способами: вменяемым объясняются основы спелеоэкологии, невменяемые больше не возвращаются. Те, что решают вернуться в столь сложный подземный мир — как правило, быстро становятся неотличимы по своей психологии (и отноше-

нию к экологии) от ветеранов.

Но даже “относительная малость” посетителей экологической проблемы не отменяет. Она лишь притормаживает её — тут на память приходит образ известного миллиардера из бессмертной трилогии Н. Носова: можно, загадив один грот, перейти в следующий. Но сколь долго так можно поступать?

– ТАК ВОТ. Никитская Система,– она же Никиты,– одна из самых сложных искусственных пещер, что я знаю. Посещаю я её уж более 30 лет – с очевидной любовью и уважением. Как и многие мои подземные друзья и коллеги. В год мы прибавляем к ней около 100 метров новых ходов. Иногда 500, иногда 1000. А если не увеличиваем её топографически (“год на год не приходится”) – расширяем существующие проходы и гроты, укрепляем их, творим новые сбойки различных систем. Разбираем завалы, оборудуем новые стояночные гроты. В результате чего *суммарный объём* ежегодно отвоёванного у обвальной стихии пространства описывается кубометрами. Это в самом малом случае.

Теперь представьте: вы находитесь в части Системы, от которой до выхода двигаться не менее часа. Причём не беговым хайвэем – а самыми лютыми и жуткими шкурниками, что вы способны представить. В Никитах это обычное дело. И тут у вас схватило живот. Хорошо хоть аварийная бумажка в кармане присутствует. Ибо просто обязана быть – причём не только в санитарно-гигиенических целях.

– Что вы будете делать в такой ситуации: побежите “на выход”? Так ведь не добежите “по определению”. Самое естественное, что можно представить — забыв рекомендации кабинетных апологетов спелеоэкологии, насрать в подходящую ямку. И привалить сверху соответствующим камушком. Через месяц ваше гавно растворится, будто его не было. А через три и подтирочная бумажка.

: Подземля на удивление легко справляется что с дерьмом, что с целлюлозой. И с алюминием, кстати, тоже. Но за чуть больший срок. А жестянку из-под консервов утилизирует за несколько лет. Если, конечно, её прикопать в достаточно влажном месте.

– Понимаете, к чему я клоню? Уж коль мы прибавляем к подземному объёму ежегодно самое малое десяток кубометров пространства – ничего “антиэкологичного” нет в том, чтобы пару сотворённых нашими руками кубометров использовать под сортир и помойку одновременно. Причём грязная вода от мытья рук (умывальник у нас оборудован должным образом), посуды, стирки одежды и чистки картофеля выливается в эту помойку и весьма ускоряет процессы её разложения. Присыпанное грунтом (что периодически появляется, как излишек, при очередном расширении/переустройстве жилого грота), всё сгниёт-перемелится. Кроме, конечно, полиэтилена. Но он и на поверхности не склонен к быстрому разрушению. При этом *обустроенная помойка* сама предлагает даже случайным, неосведомлённым о спелеоэкологии посетителям: мусор бросать здесь. А не где попало.

Раз в год этот мусор можно пропитать азотной кислотой. Разложение пойдёт быстрее. Можно серной – но образующиеся пары экологической чистоты

пещере не прибавят.

По окончании зимнего сезона (летом хождение, как правило, на порядок меньше) скопившийся за зиму мусор с нечистотами можно запалить, облив пятью литрами бензина или соляры. Предварительно полиэтиленовым занавесом по возможности локализовав распространение волока. И убедившись, что от перегрева не сядет свод.

Окружающие щели в известняке (а в пещерах такого типа их всегда в избытке) адсорбируют сажу и прочие прелести горящей помойки. Волок не пойдёт “бродить по Системе” – не отравит ни подземного воздуха, ни подземной воды. Не забьёт сажей и нефтехимическими гостинцами дышащие поры камня. Только почернеет свод в районе вашего сортира. [Который, как уже писалось, можно очистить до первозданной чистоты и свежести – не химическим способом, так соскабливанием.]

: Вреда от такой утилизации ваших отходов будет не больше, чем от чадящих лучин и масляных ламп тех, кто когда-то бил в камне эти ходы.

И при длительных пребываниях в одной пещере, и при постоянном хождении в пещеру сложного лабиринтового типа от подобной утилизации наших отходов никуда не деться. По сути, она — тоже самое, что наличие санузла в городской квартире. И так как подземожительство наше само по себе есть не подземное бытиё хоронящегося от опасностей верхнего мира зверька-троглодита, но перенесение в подземный мир нашего подлинно человеческого начала — не понимаю, почему наиболее культурного аспекта этого начала нужно бежать, а подземное своё бытиё превращать в клининговый вид спорта. В непрерывное сражение с искусственно создаваемыи трудностями.

: Как уже говорилось, при подземожительстве мы моем и чистим картошку. Часто это делается в одной и той же воде. Помимо картошки существуют другие овощи и продукты, нуждающиеся в обработке,– безусловно, оставляющей органические непищевые отходы. Мы моем и чистим посуду, моемся сами и стираем свою одежду – в общем всё обстоит примерно так, как и в городе. У нас остаются упаковки от принесённых продуктов; отходы от нашего технического оснащения и неизбежной физиологической деятельности.

Но помимо этого неизбежно разрушается какая-то часть нашего снаряжения – например, транспортные мешки или коробки от каких-либо грузов,– а ещё мы занимаемся “подземным строительством” – то есть оборудуем свои жилые гроты (не путать с ПБЛ – подземным базовым лагерем, который, при всей своей “базовости”, явление под землёй временное, сродни лагерю туристов на лесной поляне); это строительство оставляет каменные отходы в виде бута и щебня, лишнюю глину, обрезки старых и новых крепей, обрезки досок и пластика — причём сколь бы красиво и естественно мы ни встраивались в окружающий подземный ландшафт, и сколь бы естественно все наши полочки, столы и сиденья ни повторяли природных форм грота – отходы остаются полюбому. И в изрядном количестве.

Если мы уподобляем обитаемую пещеру космическому кораблю (а это отправной пункт философствований спелеоэкологов) — давайте учиться по

возможности полно утилизировать весь этот мусор по месту его образования, то есть нашего подземно-космического бытия.

Ибо в том же космическом корабле все эти проблемы приходится решать именно так. Если выбрасывается в космос некий образовавшийся мусор — он потом неизбежно возвращается к вам с горячим орбитальным приветом.

Не нравится космический образ — можете считать, что выбросив за борт вашего подземного корабля ненужную рухлядь, вы от неё избавились и в мире стало “экологически лучше”.

: лучше, понятно, не стало – но пусть вам станет легче от этого недалёкого рассуждения.

И пусть не станет ‘зримо тяжелее’, когда в гроте потребуется сделать ремонт – и вы вспомните, что буквально “на прошлой неделе” выбросили на деревенскую помойку все те обрезки крепей, досок и пластика, в которых теперь отчаянно нуждаетесь. И даже пару мотков и десяток метровых обрезков репа выбросили, ибо они тогда “не пригодились” и были приравнены к мусору.

И прохудившиеся канистры выбросили,– ах, как бы теперь они, со срезанными боковыми стенками, пригодились для выемки земли из творимого раскопа!..

Или для установки на водокапе.

Прорвавшийся полиэтиленовый лист с водокапа тоже выбросили — но возникла нужда герметизировать оставляемые в нычке спальники, и тут этот лист, в три слоя обёрнутый, был бы очень кстати — “а нету”.

— И так далее.

: Понятно, что кейвлайверы так не поступают. Любые строительные и технические отходы не считаются у нас мусором (хоть статуса отходов это не отменяет) – они лишь “запасной материал”, который подлежит временному складированию в специальных гротах. Поблизости от жилого, типа городского квартирного чуланчка.

Возможно, случайных посетителей с сильными экологическими аберрациями в голове вид этих “чуланчиков” немного шокирует — но это не свалка, это стратегический запас. Придёт время – понадобится. И нового затаскивания в пещеру “антропогенных материалов” не вызовет. Как и отпиливания от хорошей двухметровой крепи (что может понадобиться по прямому назначению “в полный рост свой”) полуметрового кусочка для ремонта ножки стола.

Понятно: лица, *диктующие нам подземные экологические нормы,* под землёй случайные гости. Для любого кейвлайвера все их рекомендации по меньшей мере бессмысленны. В своём подземожительстве кейвлайвр – точно так, как и любой хозяин городского или сельского жилища – сам определяет-решает: что ему выкидывать, и куда. Что и как утилизировать — какие отходы направлять в унитаз, какие в мусорное ведро, а чего примет и кухонная раковина.

Уже хотя бы потому, что ***в реальной подземной жизни в сложной пещере*** не так-то легко избавиться от мусора, *в том числе физиологического происхождения* путём “выбрасывания его на поверхность”:

: Я не могу представить, что складирую ВСЕ ОТХО-

ДЫ ОТ СВОЕЙ ПОДЗЕМНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВКЛЮЧАЯ ГАВНО И МОЧУ в какой-то специальный “транспортный мешок” хотя бы в течение одной подземной недели. Зато легко могу представить, как подобный мешок будет выглядеть через неделю его наполнения.

Я не могу представить себе, как, из чего – и сколько! – мне нужно будет сшить специальных транспортных мешков для БЕЗАВАРИЙНОГО удаления всех пищевых, непищевых и физиологических отходов на поверхность после недели собственного подземного пребывания, или за два-три подземных дня группы из, скажем, десяти человек. В которой пара маленьких детей.

Тем более, коль во время этого выезда не слонялись в режиме любопытствующих чайников по Системе — занимались важным делом капитального ремонта и переоборудования грота.

– Не могу представить, хотя советов за свою подземную жизнь выслушал не мало. И заметил следующее: “за подземные помойки” нас склонны укорять те, что сами крайне редко ходят под землю. То есть люди, от реального кейвлайвинга более чем далёкие. Как правило, они приходят на всё готовое – в оборудованный для комфортной стоянки грот по расчищенной от шкуродёров безопасной магистрали [в гроте пользуются уже принесённой туда удобной стационарной посудой, жилым модулем, столом с мягкими тёплыми сиденьями,– etc.] — и, вкусив комфорта, созданного чужими руками, начинают трендить о “недопустимости вмешательства в первозданный вид полости” [простите: под первозданностью они понимают изначальный монолит – или забой разработчиков каменоломни? А может, завал, который был расчищен/ликвидирован в этом месте?..],– но главное, что *весь мусор надлежит* ***в специально сшитых трансиках*** *выволакивать по километровым шкуродёрам наружу…*

: Хорошо так трендить, коль самому не нести на выход, кроме транса с мусором и немногих личных вещей, ни общественную посуду, ни примус (газульку), ни звуковую аппаратуру (усилитель, плэер с колонками, аккумуляторы к ним и гитару), что подарили уют и кайф подземного времяпровождения,– ни инструмент для раскопок, ни рулоны специально к празднику выпущенных настенных газет,– ни потребную для проводимых исследований аппаратуру…

– А что делать, коль транс с дерьмом и мусором разорвётся в шкуродёре в аккурат посредине меж гротом и выходом, на самом торном месте?.. Учтите: стеклянная посуда – тоже часть мусора. И неизбежная. Ибо мне трудно представить, как новогоднее шампанское заранее переливается в некую фляжечку. Или доброй формы и содержания фирменная бутылочка коньяка (один вид которой на подземном столе дарит ощущение Праздника) заменяется вонючим пластиком “от Севен Ап”.

Вспомните о природной хрупкости стекла и об остроте металлической, вскрытой ножом, консервной жестянки. Представьте процесс протаскивания вашего “дерьмотранса” по узкому шкурнику или кривому, извилистому лифту. Всплакните об его шкурке – и о том, что вам потом по всему этому дерьму лезть в своём комбезе. Не забудьте, что именно по дерьму, а не только стек-

лянно-мусорным осколкам. По дерьму, с мочой и грязно-мыльными водами перемешанному,–

“Ой, любо!..”

: Шьём герметичный неубиваемый в принципе транс из супердорогих материалов, армируем его специально купленной пенкой,– и после транспортировки выбрасываем на помойке, ибо ГДЕ дома вы будете ТАКОЕ стирать?.. А хранить нестиранное?..

Значит – выбрасываем каждое воскресенье. Ибо подземный сезон кейвлайвера не подразумевает “городских выходных”. На хорошо продуманном досуге можно представить себе, из каких неубиваемых материалов следует изготовить такой одноразовый транс, сколько он и его изготовление будут стоить – и финансовые ваши расходы за сезон ради ублажения некого вульвобола с тяжёлым экологическим задвигом.

: Понятно, что никакой нормальный человек так поступать не будет. Значит, наступая отмороженной экологической песне на горло, сокращаем список. В первую очередь – что?

: Мочу, дерьмо и грязные воды от мытья посуды, смешанные с неизбежными пищевыми отходами? А почему??? Они воняют поболее, чем пластиковая пивная бутылка или пакет из-под молока.

Понятно, что оставшиеся в списке ингридиенты можно вытащить в халявном мешке из-под сахара,– да только стеклянные осколки рвут его “на раз”, и путешествие по шкурнику с мусорным трассиром из вашего мешка ощущения экологической чистоты не прибавит; сортир и помойка всё равно останутся у вашего грота. Просто наполнение их пойдёт медленнее. Зато вонь и сопутствующие разложению-тлению органики процессы останутся в полной мере. Разве что выжигать это мокро-вонючее дело по заверении сезона станет на порядок труднее – ибо всё, что могло поддержать огонь, помимо налитого бензина, вы своими руками вынесли на площадку перед входом в Систему. (Кроме того, что промаркировало дорогу к вашему гроту из прохудившегося мешка и сделало её легко различимой для любого приблудного Мальчик-с-Пальчика.)

– Так что выигрываем, не считая ежевоскресной клининговой тренировки с попутным засиранием торных пещерных маршрутов и неимоверной гордости за вклад в экологическое вульвобольство?..

При этом – повторюсь! – по мысли продвинутых спелеоэкологов, оставлять бумажно-пластиковые упаковочные материалы в специально оборудованных у жилого грота отхожих местах НЕЛЬЗЯ, а бумажно-пластиковые пикеты, как отходы от топосъёмки, МОЖНО БРОСАТЬ ПО ВСЕЙ ПЕЩЕРЕ. С интервалом в несколько метров. “Это не отходы; это, типа, Наука.”

: Хороший лозунг. Да только какой-то односторонний. Потому что и топосъёмка ваша в большинстве случаев к науке не имеет отношения, и никому, кроме вас лично, не нужна,– и современных способов БЕЗПИКЕТНОЙ съёмки пещер достаточно. Наша команда уж 10 лет так и топосъёмит. Причём с устраивающей нас точностью. Современная лазерная аппаратура, совмещённая с фотопикетированием, никаких отходов по определению не оставляет, и

точность обеспечивает отменную. Ту самую, “вполне научную”. А не развлекательно-туристическую.

Мы оборудуем под землёй специальные места для утилизации мусора – но при гулянии по Системе не бросаем на пол ни бычков, ни сигаретных пачек, ни топосъёмочного мусора,–

— чьё хождение под землю более “экологично”?..

Кстати о стекле. Бутылку можно разбить в помойке (чтоб занимала меньше места), можно попытаться вынести на поверхность. А можно сложить из опорожнённых стеклянных бутылок бутовую стенку, или окошко в оной (при фиксации применив монтажную пену) — и то, что было мусором, становится удивительно красивым элементом подземного зодчества.

Пустые консервные банки можно разместить под интенсивными каплепадами – в результате чего получим уже акустический артефакт. В Никитской Системе такой есть,– называется Сумасшедший Барабанщик и для всех посетителей Никит служит чуть-ли не символом нашей Системы, Меккой всех подземных маршрутов.

В этих простых примерах сама суть того, как элементарный Творческий Акт превращает энтропийный отброс в негэнтропию. Умножает меру красоты и гармонии мира, а не мусорный привходовой террикон.

Сдаётся мне, современные трендилы “за спелеоэкологию” не только чужды реальному кейвлайвингу и не понимают ни его сути, ни культурных традиций (хотя навязывать своё “понимание” пытаются изо всех сил),– они того отношения к жизни, что именуется *творческим* — и собственно отличает homo sapiens’а от животного – не понимают. В принципе. И не приемлют, причём в агрессивной форме,– примерно на том же уровне, каковым владел известный мастер нацистской пропаганды.

: За пистолет при словах “культура” и “творчество” они, конечно, не хватаются (и за ледоруб с кайлом пока тоже), но любое упоминание недоступных их уровню понятий ‘вштыривает их неподетски’.

— Вот тому пример:

В мае 2004 года в Старицком районе нашей группой была вскрыта каменоломня КА2, суммарная длина ходов которой сейчас приближается к 30 км. За время исследования этой пещеры (представляющей собой сложнейший лабиринт с весьма затруднённой ориентацией) было выполнено стрелочное обозначение маршрута (стрелки наносились ножом) привходовой части пещеры, позволяющее без излишних блужданий добраться до созданного нами входа; названия гротов, *данные по праву первооткрывателей,* наносились либо меловым штрихом, либо копотью карбидки. Либо с помощью того же ножа. Чуть позже для более заметного обозначения некоторых гротов была применена цветная гуашь. Принцип названия гротов почти во всех случаях был следующий: увековечивались имена наших любимых музыкантов, поэтов, писателей и художников. Исключения касались культовых фраз из любимых анекдотов, рассказанных в нужный момент для общего поднятия настроения,– впрочем, исключений этих было два или три. Матерного, естественно – ни

одного.

Один из гротов, названный нами Глюкало, был оснащён специально ориентированным отражателем от автомобильной фары; в другом гроте на полочке в стене была оставлена банка из-под съеденной во время перекуса тресковой печени. Тоже в качестве зримого ориентира. (Весь иной мусор, конечно, был старательно вынесен нами на поверхность и утилизирован по стандартному сценарию.) Помимо этого специальными предупредительными надписями и знаками был ограничен район обитания барсучьего семейства с недавно появившимся молодняком – если говорить об экологии, человеку в этом месте точно нечего делать. И по соображением своей безопасности (ударом передней лапы барсук запросто разрывает собаку средних размеров), и из принципа “не навреди природе”. В дальней точке пройденного нами тогда маршрута на изначально закопчённом (разработчиками каменоломни) участке стены размерами 10 X 10 см оставили имена первовскрывателей пещеры и дату нашего первопрохождения. Как, в общем-то, принято поступать в подобных случаях. [Размер собственно имён не превышал 5 X 5 см.]

Через полгода эту пещеру по нашим следам посетили товарищи, известные своей “как бы экологической” озабоченностью. И по возвращении принялись нас укорять, что мы, якобы, “просто чудовищно засрали пещеру” (фраза дословна).

Что характерно в этой истории — пришедшие по нашим стопам экологические ревизоры нашего открытия загадили всю привходовую часть КА2 бумажными топосъёмочными пикетами. Хорошо, что по ряду своих качеств не смогли найти прохода в действительные окоёмы пещеры, а то бы и им досталось. А так мы всего лишь несколько выездов подряд убирали их бумажки, да соскоблили в паре мест со стен название их группы.

Конечно, когда выезжаешь за 250 км от родного города, да ещё на два-три дня, жалко каждого часа такого дальнего выезда — но не очистить пещеру от следов наших контролёров-ревизоров мы не могли.

: Можно было бы не упоминать этой смешной истории — кабы недавно на спелеофоруме http://www.speleo.ru/phpBB3/viewtopic.php?f=25&t=465 не была устроена “образцово-показательная порка НК” с тем же рефреном, причём участникам дискуссии предлагалось “не отвлекаться” на принципиальные вопросы спелеоэкологии (что проблему топосъёмочного замусоривания пещер вытягивали со всей однозначностью), а чётко выразить своё отношение к **принципиальной недопустимости** исключительно граффити-новоделов. Естественно, в ходе дискуссии (к участию в которой НК вынудили путём не только официально приемлемым, но и с помощью оскорбительной “личной переписки”), быстро выяснилось: “принципиальный вопрос” об оставлении названий гротов на стенах касается в практическом смысле только НК, “испохабившего своими надписями” прекрасную до них пещеру. Почему “испохабившими”, а не “украсившими”, было разъяснено: неразумные глупые чайники, оказавшись каким-то немыслимым телепортационным процессом в дальних окоёмах КА2 (где наши хулители смогли оказаться лишь после нескольких лет безуспешных

попыток,– впрочем, истинный периметр Системы им-таки остался неведом), увидев на стенах имена наших любимых писателей, музыкантов и художников, решат: “а-а, нам теперь тоже можно писать в любом месте на любой пещерной стене слово ХУЙ!!!”

Из оборота беседы было выведено, что все, впервые посещаемые чайниками пещеры, уже давно расписаны “в три наката” в своей привходовой части, и коль делать воспитательные движения — то именно эти надписи следует уничтожать. “Срочно, немедленно, бегом”,– а не бодаться в ‘тырнете’ –

: Беседа, напоминавшая партсобрание с разбором личного дела согрешившего комсмольца (за исключением того, что отвечать я мог в полную силу: интернетное флудерство не товарищеский самосуд Линча) сопровождалась истерично-весёленькими подколами и шуточками нападающей стороны, характерными для спелеогоблинского мышления.

Об общем культурном и конкретно спелестологическом уровне наших оппонентов в той дискуссии прекрасно свидетельствует даже не стиль ведения “дискуссии” (сам по себе изрядно хамский), но одно из полученных “личных сообщений” с такими строками: *«я более чем уверена, что фраза "В эниологическом аспекте творческое название объекта равносильно его перевключению в иную, негэнтропийную категорию. Равнозначно творению новых связей, увеличению меры негэнтропии мира - против обвально-взрывной энтропии, деструкции." не понятна 99% НК. И если они об этом не говорят, то исключительно из уважения. Так же далеко не всем понятны сокращение. Я не знаю что означает - ПАС и ГВ. Предлагаю компромисс вариант - ты переписываешь свое сообщение обычным рабоче-крестьянским языком, что бы любой человек мог прочитать и понять о чем идет речь, а я удаляю свое сообщение.»*

: Цитата добуквенно-дословна. Особенно хороша в ней **декларированная уверенность** в отношении среднего интеллекта НК – то есть Никитского Круга – на фоне орфографических ошибок в сочетании с абсолютной неинформированностью о БАЗОВЫХ спелестологических терминах. < Смайлик улыбки. >

— Что можно было сказать на эти истерические вопли[44]: что наши знаки, оставленные под землёй в этой конкретной пещере (за 30-летнюю историю НК мы вскрыли не менее 20 полостей, но рисунки-граффити по принципиальным соображением сделали лишь в двух из них) связывают впервые пройденную Систему с нами – не только позволяя в ней ориентироваться, но и ‘приручая’ пещеру к нам, соединяя её с нами на уровне духовно-творческом? Что если юмор, который мы (иной раз) вкладывали в названия гротов, непонятен некоторым последующим посетителям (к

[44] Помимо того, что в НК уж 20 лет говорят *именно таким языком и на такие темы* – правда, конечно, не каждый день, а когда всплывает в беседе соответствующая тема,– и язык наш, как и темы бесед, 99 % НК вполне полнятны и интересны — а вот оппонентам нашим… “Немного того, значить.”

Ну так и сравниваить нечего: НК и гонористых люмпенов.

Вообще-то должны быть благодарны, что имён позорных не называю.

открытию и освоению Системы не имевшим никакого отношения) – это не проблемы спелеоэкологии, а проблемы данных посетителей?.. Что названия гротов, написанные на их стенах, а не на случайно подвернувшихся камушках или табличках, реально помогают ориентироваться в сложнейшей по своей топологии Системе, и названия эти трудновато уничтожить даже самому отмороженному шутнику?.. Что любое прохождение человека в полость – связанное, как минимум, с раскрытием входа, крепежом опасных участков и разбором завалов, по определению есть вмешательство в некий условно-первозданный её вид? Что граффити, повествующие о нашем свершении, ничем не хуже, чем оставленные на стенах пещеры её разработчиками?..

: Древних граффити, притом весьма пространных, в КА2 нами было обнаружено не мало. Как найдено остатков утвари каменотёсов – в том числе стеклянных осколков бутылок и керамических горшочечных черепков.

В части пещеры штреки были полузавалены явно специально разрушенными бутовыми стенками — складывалось ощущение, что добытчики камня по завершении зимнего этапа работ “не пришли к консенсусу” с купцом-заказчиком относительно платы за добытый камень – в результате чего постарались нанести зоне работы как можно больший ущерб с тем, чтобы бригада, которая могла прийти им на смену (очевидно, согласившись работать за меньшие деньги) получила как можно больше трудностей на свою производственную жопу.

: Эти разрушения, с точки зрения ревнителей спелеоэкологии, относятся к “памятнику старины” – или их можно устранять, чтоб сделать хождение по штрекам “менее ноголомным”?..

– Считается-ли оборудование комфортного стояночного грота “антиэкологическим злом”, вмешательством в первозданный вид полости?.. Если надпись о вскрытии и первопрохождении полости “антиэкологическое зло” – как относиться к аналогичным надписям от 1942 и 1929 года? А к граффити, покрывающим стены Аджимушкайских каменоломен? К рисункам XIX века, сохранившимся в Одесских каменоломнях – и в той же КА2, датированных 1912, 1909, 1894 и 1896 годами?..

: Осколки посуды каменотёсов и брошенный ими инструмент – мусор или нет? Чем они “экологически чище” банки из-под рыбных консервов (с выбитой на ней датой производства), оставленной нами в единственном экземпляре в качестве зримого ориентира и в знак памяти ситуации, в которой данная консерва была съедена?

— и не стоит-ли, коль трендишь о неком “первозданном виде полости”, подтужиться – и вернуть на исконное место все случившиеся в Системе обрушения, поднять и разместить на изначальных местах все конуса чёрной, серой и красной глины – не забыв про конуса песчаные и нанесённые паводками иловые наносы и замывы???

Крепи, между прочим, тоже есть привнесённый в пещеру “антропогенный мусор” — если быть до конца логичным и наши разборы узостей и крепёж опасных участков пещеры объявлять вмешательством в её “первозданную чистоту”. Как принесённые прикольные таблички и знаки – что спокон веку

были характерным проявлением спелеоюмора и более, чем точно, характеризовали сложившийся в пещере спелеум.

Если быть последовательным до конца – каменоломня сама по себе насильственное (и антиэкологическое) вмешательство в первозданно-монолитный пласт "белого камня". Деревянный крепёж – истребление леса на поверхности.

И так далее.

Что не могло не поразить нашу команду – лица, что укоряли нас "антиэкологичностью" нашего подземного образа жизни, *принципиально похеривая* общечеловеческий принцип "со своим уставом в чужой монастырь не суйся", явившись в обжитую нами Никитскую Систему ради проведения в ней *своей* топосъёмки, "украсили" её таким количеством бумажек-пикетов, что все обитатели Никит пришли в ярость.

: Такие ***принципиальные*** *"спелеоэкологи"…*

За всеми "экологическими" призывами которых, похоже, стоит одно: агрессивное безкультурие и хамство. И не менее агрессивная антиинтеллектуальность. Но никак не кейвлайвинг, не спелеонавтика, не спелестология и уж никакая не спелеоэкология.

А что иной раз они ссылаются на "опыт зарубежных коллег" — милаи мои! вы вначале разберитесь, что это за опыт, где он возник, у кого и почему. А потом флудите –

: да, современные бельгийские спелестологи (исповедующие экскурсионно-безночёвочный стиль посещения каменоломен, а не кейвлайвинг), вслед за своими 'двоюродными коллегами' из американской Лечугии, начали практиковать хождение в каменоломнях в специальных белых тапочках.[45] Дабы, якобы, "не мусорить под землёй своими следами",–

: С усмешкой представляю, как зимой перед входом в Сьяны или в Никиты спелестолог переодевается на холодке в эту форму одежды – затем с чавканьем погружается в заплывший грязью вход…

Но мусор, что мы так или иначе оставляем под землёй – фигня против того, что дарят пещерам промышленные предприятия на поверхности. И безбашенное ведение сельского хозяйства.

В отличие от интернетных экологов-флудерастов, я неоднократно писал о том, что около трети современных обвалов кровли пещер Старицкого района вызвано продольной распашкой полей, находящихся над пещерами и имеющих уклон в сторону долины Волги от 1,5 до 10°. Хотя агрономические учебники подобную распашку склонов, мягко говоря, "не приветствуют". Почему – способен сообразить даже самый асфальтовый горожанин со средним образованием. Так вот: без громкой экологической трескотни нашей команде удалось остановить столь варварское отношение к земле в двух старицких колхозах. То есть спасти от прогрессирующего разрушения пещеры, находящиеся на этой земле. Любители эффектных спелеоэкологических лозунгов сделали больше?..

---

[45] Какая светлая ассоциация!..

См. http://speleoastronomy.org/eko/Cave_Protection_Russian.pdf.

: Нет, потому что и не пытались. Их раздражают имена Мураками, Желязны, Брэдбери и Бестера на стене грота – но продольную распашку склонов, что сажает каменоломню в неизбежном будущем, они в упор не замечают.

Их бесят на стенах пещеры имена Дали, Фоменко, Йерки, Магрита, Зверева и Эшера – но мимо взгляда проходят кучи амселитры на краю колхозного поля ровнёхонько над пещерным водокапом.

Они впадают в ступор, читая на очищенном от грязи монолите “The Beatles”, “Pink Floyd”, “Uriah Heep”, “Paul McCartney”, “ELP”, “Led Zeppelin”, “JethroTull”, “King Crimson”, “Vangelis”, “Schulze”, “Бах”, “Гродберг”, “Герберт фон Караян”, “Томазо Альбинони”, “Гершвин”, “Jarrett” и “J-M-J” —

— но собственные пикеты, разбросанные *в чужой пещере, аки в чужой квартире пьяно-гостевой срач,* воспринимаются с той же благостью, как горы мусора вокруг входа в “свою” пещеру, эксгумированные во время очередного “субботника”.

: такая вот “экология точечного назначения” —

С назначением которой всё гораздо понятней, чем с экологичностью.

Но вернёмся к промышленному уничтожению пещер,– этими “экологами” по удивительной причине тоже “в упор не замечаемому”:

– известно: если какое-то производство обнаруживает на своей территории, или по соседству с оной, дыру в земле – причём “немереного объёма” – плевать, каменоломня это, подземный храм, древнее хранилище манускриптов или сказочной красоты естественная полость — оно и спелеологов никогда не допустит до исследования прихватизированного подземного пространства, и использует его однозначно –

: в качестве выгребной ямы, свалки технологических и биологических отходов, места слива ОВ и прочего, в том же вкусе. Под Одессой некоторые каменоломни доверху заполнены виноградным жмыхом (на поверхности винзавод), нефтепродуктами (предприятие нефтехима), гниющим мясом и костями (мясокомбинат, птицефабрика), затоплены сбрасываемой водой (мелиораторы, горводоканал) и просто мусором. В Самарской области положение не лучше. В Подмосковье и Ленобласти лучше – но не на много. А уж что творится на Урале – особенно в связи с возведением новых гидротехнических комплексов… Сейчас спелеологи мира, затаив дыхание, ждут: затопит уникальную пещеру Сумган полностью, наполовину – или “только нижние этажи”?..

Почитайте-ка внимательно статью И. А. Биржевой «Загрязнение подземных вод в районе Кунгурской пещеры» [“Пещеры”, Пермь, 2001]. Откройте сборник «Спелеология в Самарской области», №2, статью О. Я. Червяцовой «Современные изменения в пещерах Самарской области». Поднимите подшивку журнала «Свет». Полюбуйтесь на разноцветные (голубые, зелёные) сталактиты в пещерах Старицкого района и Одесских каменоломен. Откройте примечательную книгу У. Холидея «Приключения под землёй» на исполненной печального юмора фразе *«воду под землёй пить нельзя, ибо на поверхности над пещерой могут находиться промышленные предприятия…»*

: Голубые и зеленоватые сталактиты – признак загрязнения почвы амсе-

литрой и прочими химическими удобрениями. А также соединениями медной, никелевой и хромовой групп. Известняк, конечно, потрясающе фильтрует/очищает путешествующую по его слоям воду — да вот беда: карстовому процессу не прикажешь. Агрессивная вода, нафаршированная кислыми растворителями серной, хлорной и нитратной групп, а также металлами, радиоактивными изотопами, моющими средствами, антикоррозийными и антинакипными присадками принимает весомое участие в современных процессах карстообразования. Причём как в первой стадии – растворении пород, их выщелачивании и разрушении, как следствие, кровли каменоломен и естественных пещер – так и на стадии второй: образовании разноцветных красивеньких натёков. И артефактного вида кристаллических друз. Нафаршированных радиоактивными изотопами и тяжёлыми металлами. А также их солями.

В виде положительных, крайне вредно действующих на физиологию человека, аэроионов, вся эта дрянь проникает в воздух пещер. В подземную воду.

— ЛЮБИТЕЛИ СПЕЛЕОЭКОЛОГИИ! МОЖЕТ, ВЫ ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ЭТОТ ТРЕВОЖНЫЙ ФАКТ – А НЕ НА НАШИ ПОДЗЕМНЫЕ ТУАЛЕТЫ И НАСТЕННЫЕ РОСПИСИ???

: Тщетен призыв. Ибо куда болтунам тягаться с государственной машиной… Вот потрендить о якобы имеющей место “загаженности каменоломен” — это да. И будто бы в целях “экологической сохранности пещеры” впендюрить во вход дверь. Вместо создания специальной службы экологического контроля. Которая не только, совмещая функции с дежурной КСС, должным образом просветительствовала бы приходящих в пещеру чайников (многие ведь мусорят не со зла – от разгильдяйства и незнания) но и, используя практику страховых компаний, взимала бы с приходящих в пещеры “экологический сбор”. И на вырученные деньги периодически чистила пещеру в соответствии со своими экологическими представлениями.

– Ясно: создать такую реально действующую структуру спелеогринписам не под силу. В крайнем случае они “закроют пещеру для посещения”. Уповая на то, что так поступают в Америке. И в Турции.

Но давайте разберёмся, кто так поступает – и во имя каких целей.

Любое самовольное посещение подземной полости в Турции – без разницы, искусственной или естественной – приравнивается к государственному преступлению. Ибо в Турции действует закон, по строгости превосходящий сталинский Указ от 1947 года и советский Закон о Недрах: восточный менталитет чужд демократического вульвобольства. Потому что около 90 % всех водных запасов Турции – карстового происхождения. Либо связаны с существующими пещерами. Загрязнение пещеры в Турции равнозначно загрязнению питьевой воды. Искусственные подземные полости в Турции – ПГВ и ПАС, а также КП, ОП и всевозможные сочетания антропогенных и геологических пещер – охраняемые государством памятники культуры, архитектуры, истории, религии, ремесла и прочего; объекты международного и внутреннего туризма — и (в случае древних и современных гидротехнических сооружений) – те же источники питьевой воды. Так что турецкое правительство понять можно.

А потому *ни любительской, ни частной, ни самодеятельной спелеологии в Турции нет.* Но есть — спелеология (и спелестология) государственная. То есть соответствующие подразделения государственных геологических и исторических ведомств. Все спелеологи и спелестологи Турции – профессионалы, проводящие свои исследования на деньги государства. И в должной мере, в соответствии с законом, соблюдающие правила и нормы экологической охраны подземных полостей.

— В США есть Национальный Союз Спелеологов. Эта организация не кормит функционеров и не диктует никому, как следует изучать/воспринимать Мир Подземли. Это федеративный орган, объединяющий самые разные спелеоклубы. Управленческий аппарат минимален – по сути, это выборный совет, в который на общественных началах входят наиболее известные спелеологи страны. Причём не только спортсмены – но и учёные из различных институтов, имеющие свой “подземный интерес”, и представители государственных геологических и экологических служб. Решения этого совета обязательны для всех спелеоклубов и носят рекомендательный характер для государственных учреждений. При возникающих конфликтах с корпорациями и частными землепользователями (а также государственными службами) все вопросы решаются в арбитражном порядке. Министерство геологии поддерживает деятельность НСС и выполняет его решения автоматически – коль они не противоречат интересам государства. [Под “интересами государства” в США понимается несколько иное, чем в России – по крайней мере в области сохранения природных богатств. Если в СССР вопрос “либо пещера, либо промышленная добыча оникса” даже не мог быть поставлен — в США аналогичный вопрос не может возникнуть по прямо противоположной причине. Во время президентства Р. Рейгана американцы приняли очень суровый федеральный экологический закон, который за расхищение или уничтожение пещерных богатств, а также за загрязнение пещеры или пещерных вод “по первому разу” штрафует виновника на сумму около 10.000 $; по второму разу эта сумма возрастает в несколько раз – при рецидиве следует тюремное заключение. Причём относится это не только к случайным посетителям пещер или промышленным предприятиям – к владельцам пещер в той же мере.]

: В США, и во многих других странах, вход в пещеру находится либо на территории национального заповедника (часто спелеологического уклона), либо на частной земле – пещера является собственностью владельца земли. Как и всё, что в этой земле находится. < Что не освобождает, как уже было сказано, владельца пещеры от действия федерального закона, обязательного к исполнению на территории всех американских штатов.[46] >

[46] Данный закон не применяется по отношению к искусственным подземным сооружениям типа ПГВ – под его действие попадают лишь естественные пещеры и объекты терратектуры, то есть ПАС. Функционирование рудников, каменоломен и шахт (как действующих, так и заброшенных) определяется нормами горной инспекции. В которых экологических запретов и ограничений

– У нас недра страны безоговорочно принадлежат государству. Даже если ты купишь участок земли под котеджик, и на нём обнаружится вход в каменоломню/пещеру — тебе она принадлежать не будет.

А потому уже исходя из этого все попытки создания любительских, общественных, частных, коммерческих и прочих подземных музеев, спелеолабораторий, стационаров, спелеозаповедников и прочего — немного фикция. Пока власти насрать – создавай, сколько душе угодно. Но помни: созданное тобой под землёй тебе никогда принадлежать не будет. По закону.

И потому опыт западных спелеоэкологических служб не применим к реалиям нашей страны в принципе.

В Америке официально закрывается пещера – но любой спелеолог, заручившийся поддержкой клуба, входящего в НСС, имеет полное право на посещение законсервированной “дырки”. [Исключением является уникальная Система Лечугия – но, во-первых, она изначально не сообщалась с поверхностью, и потому закрытие её специально созданным тамбурным люком было необходимо ради сохранения баланса микроклимата,– во-вторых, уникальность этой Системы и её красота требовали ввести режим максимальной экологической безопасности. Изучение её проводится только теми, кому это действительно необходимо – исходя из чисто профессиональных критериев. Прочие могут сами открыть нечто подобное. Не возбраняется. Даже приветствуется. И вообще: что это за мода – толпами валить на чужое открытие, как мухи на мёд?.. Я вполне понимаю тех, кто открыл Лечугию – и закрыл её от праздного шатания любопытствующих туристов.]

Если пещера находится на частной земле – заплати за вход и изучай, что хочешь. Намусоришь – будешь отвечать по закону перед хозяином земли. Через суд.

: У нас такой номер не проходит. У нас, в нарушение главного закона страны «О Недрах», регулирующего наши отношения с Подземлёй [«строгость российских законов всегда компенсировалась их полным несоблюдением»: Карамзин], любой областной клуб или секция, частная группа лиц, или геологическое ведомство может закрыть любую пещеру. И единолично определять: этих мы пускаем, как друзей; этих – за бабки. А этих – ни за что на свете. И экологические соображения тут будут ни при чём. Просто самодурство. Амбиции. Личные счёты. Манька-величка. Наивная жажда наживы.

Будут, конечно, говориться слова о “спелеоэкологии”. Будет во вход впендюрина бронированная дверь. Что “на раз” нарушит и стабильность сложившегося микроклимата данной пещеры, и нанесёт смертельный удар по популяции рукокрылых. По пещере пойдут спровоцированные подобным вмешательством обвалы. [См., например, указанную выше статью О. Я. Червяцовой; также – историю пещеры Помойка в Ленобласти.]

– Но хрен-ли всё это “закрывателям”? У них появилась игрушка, почти личная собственность. Кстати, наряду со словесами о спелео-

---

“тоже хватает”.

экологии будет не меньший трендёж о спелеобезопасности. Под который уже не частные группы “спелеозахвата”, но сама власть очень любит взрывать или заливать бетоном входы в пещеры.

И что самое забавное (или не забавное, это зависит от работы миндалины): кто бы ни закрывал вход в пещеру – каким образом и во имя чего, без разницы – эти действия противоправны по сути своей. Уничтожение подобного препятствия на входе в пещеру не может являться преступлением согласно одному из основных законов нашей страны – “Закону о Недрах”.

Кроме одного случая: *когда реальные представители власти (в годы совка это была цепочка “КГБ – райком – МВД – военный комендант района – георазведка”) взрывают вход в пещеру, на деле показывая спелеологам, “кто в гроте хозяин”.* ***Ибо “Недра нашей страны…”***

: уже не раз цитировалось.

А потому сто раз подумайте, прежде чем в экологическом рвении призывать закрывать все пещеры железными дверями и решётками. Ибо с точки зрения Закона это действие – противоправно, за взлом такой двери наказать человека чрезвычайно трудно. Но учтите. Закрыть для посторонних доступ в пещеру реально может организация, имеющая от государства лицензию на использование конкретного подземного пространства в добывающих или промышленных целях. В этом случае пещера приравнивается к руднику, промышленному предприятию. Минздрав может договориться с рудоуправлением об использовании заброшенной выработки в качестве подземной лечебницы; в данном случае он является арендатором. Не пускать посторонних на свою территорию имеет полное право. Если в пещере создан спелеозаповедник – его статус равняется статусу государственного заповедника. Посещение которого произвольно регулирует местное начальство. Если пещера находится на территории режимного предприятия или военной части – забудьте о существовании оной. Это все, предусмотренные законом, случаи возможного закрытия пещер “от народа”.

: Любые вопли о необходимости “закрытия пещер” на руку власти, которая спелестологов и спелеологов, мягко говоря, в гробу видала. Они с радостью ухватятся за идею бронирования пещерных входов от нас с вами — и что тогда?..

… Но допустим смешную возможность: государство вдруг озаботились спелеоэкологическими проблемами. В Думе создана специальная комиссия, куда, допустим, даже войдёт полтора-два официальных спелеолога лет 70. (Кто помоложе – не надейтесь поучаствовать даже интерактивным образом: там уж давно всё схвачено и пристреляно.) Комиссия позаседает лет пять (два года, десять лет – в зависимости от геронтологического уровня избранных членов) и примет решение о создании в стране Службы Спелеоэкологической Безопасности. Далее начнётся перетягивание бюджетного одеяла меж МЧС и уже существующей Экологической полицией. Ибо фонды – это деньги, техника, льготы, офисные площади и прочее, прочее. Каждому чиновнику кушать хочется – и по возможности, максимально жирно. Ещё пять лет они всё это будут делить. Затем, в зависимости от вложенных “бабок”, победит какое-то

лобби. Нам в принципе плевать, какое – потому как результат предопределён. Новая организация рекрутирует тысяч десять голодных чиновников – спелеологов и, паче чаяния, спелестологов средь которых не случится “по определению”. Фондов хватит на машины и дачи, факсы, компьютеры и офисы. На льготы и привилегии. На бумагу и сортиры из золота.

: Не хватит только на одно – реальную защиту пещер. На очистку их от скопившегося мусора.

— Знаете, сколько мусора за 40 лет развития вертикальной спортивной спелеологии понатащили клубные вертикальщики под землю? ТОННЫ. При этом, между прочим, забитые в стены крючья, брошенные верёвки, пикеты, отработанные батарейки и телефонные провода – мусор по определению. Ибо отход от жизнедеятельности. На уровне фекалий и консервных баночек. А знаете, сколько мусора вытащили клубные спелеологи из оккупированных ими любимых пещер?

: Догадались?.. То-то. [Сотню трансов за всю историю вертикальной совеЦкой спелеологии и её российской наследницы. Ибо вытащить мусор из вертикалки много труднее, чем из любого горизонтального, но проходимого в полный рост, лабиринта.]

– Но двери на входы в наши пещеры, может быть, поставят. На столько пещер, сколько значится в кадастрах. Это при максимально безмерных отпущенных средствах, конечно.

: Входы в каменоломни просто взорвут. “Нет пещеры – нет экологической проблемы.”

*Вскрытие **этих дверей** и завалов станет уже государственным преступлением. По соответствующей статье “за экологию” принятого УК.*

Предприятия, что уничтожали пещеры или превращали их в свалки, продолжат свою деятельность. Суммы “отстёжек” определятся менее, чем за год.

И вся экология —

: Верите, что может случиться иначе? Вы неисправимый оптимист. Или живёте в какой-то иной стране. Примеров-то для оптимизма — ни одного.

: Увы – даже положительный опыт спелеологов Татарии [обращаемся к замечательному сайту PRO Speieo http://speleo.ucoz.ru/], опыт создания Кунгурского эксплуатируемого спелеокомплекса, Новоафонской туристической метропещеры и подземной клиники спелеотерапии при Березняковском рудуправлении,– и уж тем более опыт бандитского изъятия из спелеоупотребления питерской пещеры Помойка однозначно свидетельствует: *изъять пещеру из общедоступности можно, даже если все спелестологические и спелеологические силы встанут раком*. И можно начать зарабатывать на изъятой из общего употребления пещере какие-то деньги. Главное: доказать местной власти, что она хоть чего-то поимеет с вашего проекта, при этом никаких финансовых вложений от неё не потребуется. Что проблем не возникнет, и даже ЧОП для охраны входа вы будете содержать на свои деньги. Докажите, что всё, что от неё потребуется, это некая “легитимность” вашего захвата; договоритесь о сумме отстёжек — будет вам легитимность, захватывайте.

Делайте что угодно – хоть погребок, хоть туристический аттракцион, хоть экологический подземный заказник –

— но не забудьте: если проект ваш вдруг начнёт давать устойчивый приток бабла, вас с него “отодвинут”, как отодвинули Ляхницкого.

Ибо для управления дающих бабло процессов у власти есть свои, “специально обученные” люди.

*Слово **“экология”** в их лексикон не входит по определению. Даже в кавычках –*

А мы здесь говорим — именно о ней, родимой.

ПЕЩЕРА – ЧЕЛОВЕКУ

«Дети! Берегите лес – он нам ещё сгодится!..»
: перевод с западноукраинского

Теперь обратимся ко второму пункту моего списка.

Немаловажный аспект спелеоэкологии — *защита поверхности ОТ ПЕЩЕР* – от провалов, что сулят разрушающиеся заброшенные каменоломни, рудники, подземные ходы и прочие пустоты, созданные человеком под землёй. Как, впрочем, и естественные пещеры. В книге Дублянского и к° «Классификация, использование и охрана подземных пространств» об этом аспекте спелеоэкологии не найдёте и строчки — но между тем именно эта проблема мне представляется важнейшей. А не словесные баталии на уровне “кому дозволенно посещать мир Подземли – а кому нет”. (И в какого цвета тапочках это делать.)

Ибо за последние 50 лет весьма ускорились карстовые и сходные с ними процессы разрушения почв и известняковых пластов. Вызвано это во-первых, усилившейся кислотной составляющей атмосферных осадков[47]; во-вторых, огромным количеством разнообразных агрессивных химических соединений, попадающих во вине человека в почву (удобрения на полях, в городе продукты органической химии, моющие и растворяющие средства, кислотно-щелочные отходы, прорывающиеся из теплоцентралей горячие воды с “антинакипными” присадками, направленными на растворение соединений карбонатной и силикатной групп, растапливающие при отрицательной температуре снег химикалии – и т. п.). Следствие №1: мы не только теряем спелестологические объекты (с каждым годом всё больше и больше),– *спелестологические*

[47] Подробнее смотрите А. М. Викторов, Л. И. Звягинцев: «Белый камень» [“Наука”, М., 1981], «Белый камень Подмосковья» [Москва, “Недра”, 1989], Чикишев А. Г. «Карст русской равнины» [“Наука”, М., 1973] и Степанов В. Я., Флоренский К. П. «Наблюдения над характером разрушения белокаменных памятников архитектуры Владимиро-Суздальской Руси XII ÷ XIII вв.» [тр. ИГАН СССР, 1952, вып. 14, с. 76 ÷ 101].

объекты в силу разрушения пород кровли начинают представлять всё большую опасность и для посещающих их, и для того, что находится над ними на поверхности. Тем не менее — поскольку схемы существующих подземных сооружений "спелестологической ориентации" намеренно уничтожены или утеряны, или не существовали вовсе, а любые публикации в прессе если случаются, то под неодолимой печатью идиотизма (тоже касается ТВ),– при этом "разговорчики в строю" официальных исследователей Подземли пресекаются на корню, как "по Уставу не положенные" — неизбежно следует застройка подработанных подземными полостями территорий, распашка склонов, *причём продольная,* над каменоломнями – что приводит к зримому усилению карстово-эрозионных процессов. Между прочим, сопровождающихся смывом с полей всевозможных химических соединений, внесённых в почву для её, якобы, "улучшения" – одним из следствий чего является наблюдаемое сталактитовое разноцветье в Системе Лисья. Сомневаюсь, что вода, капающая с зеленоватых или ярко голубых сталактитов, является питьевой.

В 2001 году в Интернете появилась замечательная статья голландского спелестолога Р. Ф. Бекендама «История крупномасштабных обвалов в каменоломнях Голландии»[48]. В этой статье Р. Ф. Бекендам описывает генезис нескольких десятков крупных проседаний почвы, случившихся в голландской провинции Лимбург (район Маастрихт) – причиной которых стали разрушения кровли каменоломен. Голландские каменоломни древнее подмосковных (если уж на то пошло, то и большей части украинских и российских) и кровля их, конечно, испытала больший "прессинг времени". А значит, нам ещё предстоит то, что сейчас происходит в Голландии – где площадь проседаний над подработанными каменоломнями территориями *описывается гектарами.* В числе причин, приводящих к крупномасштабным обвалам каменоломен – и как следствию, масштабным проседаниям почвы на поверхности, Бекендам называет:

1) взрывные работы под землёй, производимые в каменоломнях после окончания добычи в них камня с военной или какой иной целью (аналогия с действиями наших властей, взрывающих входы в каменоломни, прослеживается полная);

2) "воровская", то есть идущая вне какого-либо плана и не санкционированная специальными горными исследованиями добыча камня, при которой, в частности, размеры ходов превышают максимально возможные относительно запаса прочности свода (то же самое происходило и происходит в России, практически во всех губерниях – и повторная добыча камня в каменоломнях имела место быть по полной программе, и количество "диких", самопальных разработок явно превышает количество официально контролируемых горной инспекцией);

3) ветшание или отсутствие необходимого крепежа свода (аналогия сто-

[48] Источник: "ACCOUNTS OF LARGE-SCALE COLLAPSES", сайт "The Dutch limestone quarries". На русском языке в переводе М. Степанова она была опубликована в "Спелестологическом ежегоднике РОСИ" за 2001 год.

процентная);

4) карстовые процессы, усилившиеся во второй половине XX века (без комментариев);

5) обильные дожди, вызывающие “утяжеление кровли” (разве у нас они не идут?.. разве не случается гораздо более мощного, против Голландии, весеннего проникновения нивальных вод под землю?..).

– Таким образом, статью Бекендама можно расценивать не только как описательный материал, интересный лишь голландским спелестологам — как предупреждение всем нам: смотрите, что нас ожидает.

Вот хрестоматийно-известные примеры только по Домодедовскому району Московской области (учтите: согласно Бекендаму, это лишь “начало начал”): провал и частичное разрушение школы в Чурилково, оседание местных совхозных “хрущёб” (входы в находящуюся под ними каменоломню были замурованы властью в начале семидесятых); разрушение и провалы фундаментов частных домов в районах коттеджной застройки близ Никитского, Мещерского, Чурилково, Котляково, Новленского, Камкино, Киселихи; “пьяный лес”, состоящий из столбов былой телеграфной линии близ Киселихи/Котляково, ушедшая “по пояс в сыру землю” опора ЛЭП-500 у Никитского, разрушение и провал на глубину около 5 метров территории трёх садовых участков (там же) – между прочим, в нарушение всех экологических норм и требований безопасности “отданных народу” непосредственно под проводами и меж опор ЛЭП… Это данные лишь по одному из районов с не самой интенсивной в прошлом добычей белого камня. В Подольском и Старицком районах ситуация складывается не менее удручающая; что творится в Одессе и Керчи – отдельный печальный рассказ. Например, в Одессе только за период 1965/70 гг. произошло более 100 провалов[49]; в Москве с 1995 по 2000 г. – около 20 крупных, приведших к разрушениям зданий и ДТП, и более 200 “мелких” – то есть оставшихся без трагических последствий.[50] Вот краткий перечень наиболее известных провалов московской почвы за последние десятилетия: 1970/1980 гг. – провалы, обрушения домов на Хорошевском шоссе (смещение пластов до 40 м глубиной вызвано обрушением кровли старинной каменоломни, существование которой ещё недавно отрицалось даже такими опытными спелестологами, как Ю. Долотов); 1985 г. – строительство ст. метро “Боровицкая” вызвало оползень Боровицкого холма и разрушение стен Румянцевской библиотеки; 1995 г. – провалы и подземные толчки на Госпитальном валу (Лефортово); 1996 г. – подземная стройка на Манежной площади вызвала обрушения карстовых полостей в радиусе 1,5 км; 1998 г. – провал мостовой и обрушение дома на улице Большая Дмитровка; 1999 год – многочисленные провалы и оседания почвы в районе Трубной площади, разрушение асфальтового покрытия улиц; 2001 г. – провалился подвал Театра им. Дурова; 2002 г. –

[49] «Одесские катакомбы», сост. А. Н. Долженкова, Одесса, “Маяк”, 1973 г.

[50] «18 московских домов уходят под землю»,– “КП” (Московский выпуск), 13. 10. 2003.

провал мостовой на ул. Профсоюзной близ Д/К “Меридиан” вызвал серьёзное ДТП (в провал на полной скорости въехала маршрутка с пассажирами); 2003 г. – провалы посреди Ленинградского проспекта в районе ст. метро “Аэропорт”,– и т.д., и т.п.

В качестве иллюстрации приведу несколько цитат из Интернета – обратите внимание на то, что два первых сообщения относятся к одной и той же дате. Временной интервал меж этими событиями — всего несколько часов…

Из-за подтопления на Ленинградском проспекте в Москве провалился многотонный самосвал.

11.09.2006, Москва 05:54:49, www.rian.ru

Многотонный самосвал провалился под грунт из-за подтопления на Ленинградском проспекте в Москве. Как передает радиостанция "Эхо Москвы", грузовик был припаркован у обочины дороги. Аварийным службам города пока не удается определить источник поступления воды.

Провал произошел на Ленинградском проспекте поздно вечером 10 сентября в районе дома номер 30. Его площадь - около 300 кв м, глубина на разных участках - 1-1,5 м. Из-за подтопления рухнула мачта городского освещения, оборвав троллейбусные провода.

Движение троллейбусов по Ленинградскому шоссе было прекращено. Серьезно затруднилось и движение автотранспорта по боковому проезду Ленинградского шоссе от станции метро "Сокол" - образовалась автомобильная пробка.

На северо-востоке Москвы произошел провал асфальтового покрытия

11.09.2006 21:03, www.rian.ru

МОСКВА, 11 сен - РИА Новости. На северо-востоке Москвы провалилась часть асфальтового покрытия на проезжей части. Об этом РИА Новости сообщили в Управлении МЧС по Москве. "Инцидент зафиксирован примерно в 19.39 мск",– отметил собеседник агентства. По его словам, в проезде Дежнева, в районе дома 38, в крайнем правом ряду провалилась часть асфальтового покрытия. Размер ямы составляет примерно 2х2 метра и глубиной 1,5 метра. В настоящее время, отметил собеседник агентства, на место прибыли сотрудники автоинспекции, устанавливаются причины происшествия.

Очередной провал грунта в Москве: в 5-метровую яму упал автомобиль

Очередной провал грунта произошел в Духовском переулке на юге Москвы в районе станции метро Тульская. В образовавшуюся яму упал автомобиль. Специалисты МЧС, которые прибыли на место события, выясняют причины происшествия. Туда же прибыли и инспекторы ГИБДД, которые перекрыли движение. Площадь провала составляет около 25 квадратных метров, глубина – почти 2 метра.[51]

… 25 сентября 2006 года:

В воскресенье днем в результате подмыва грунтовыми водами почвы произошел провал дорожного полотна площадью несколько квадратных метров в

[51] http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://forum.msk.ru/material/politic/

районе улицы Королева. В образовавшуюся промоину просел автомобиль "джип", пострадавших нет. Сейчас движение транспорта в районе аварии полностью восстановлено, хотя площадь провала огорожена, и до сих пор идут восстановительные работы.

Это уже третий провал грунта в Москве за последние две недели. 12 сентября из-за провала грунта на проезжей части было остановлено движение по проезду Дежнева в Северо-Восточном административном округе. Площадь провала 2х2 метра и глубиной 1,5 метра. По предварительной версии, асфальтовое покрытие могло провалиться из-за прорыва грунтовых вод.

10 сентября в Москве из-за обвала грунта было перекрыто движение по Ленинградскому проспекту от станции метро "Сокол" в районе площади Марины Расковой до аэровокзала, а также на выездах. Провал задел находящиеся в этом районе теплотрассы, электрические кабели и кабели связи. В образововшуюся яму размером примерно 20 на 40 метров и глубиной около 15 провалился КамАЗ. В провале грунта на Ленинградском проспекте власти города обвинили строителей.

Москва становится городом медленно, но верно уходящим под землю. По некоторым прогнозам, нас ожидают в ближайшее время провалы на Сухаревской площади, на площади Белорусского вокзала, на Ленинградском проспекте, на Петровском бульваре и Трубной площади, на улице Мясницкая, на улице Большая Дмитровка, во дворах Лубянки, в Солянском проезде, у гостиницы "Метрополь", на Старом Арбате и Арбате.

… февраль 2007 года:

На Кутузовском проспекте в районе Дарогомиловских каменоломен провалилось асфальтовое покрытие общей площадью провала 120 м^2, глубиной до 3 метров. Два дня блокировки движения автотранспорта.

Официальная версия – размыв грунта прорвавшимися водами теплоцентрали. Но куда-то им нужно было стекать, да ещё в таком объёме? Для спелестолога ответ очевиден: в закрытые для входа с поверхности бывшие Дарогомиловские каменоломни.

Через две недели – новое ЧП:

На трассе федерального значения снова провалился асфальт

Вчера в полдень Ленинградское шоссе провалилось в очередной раз. Напомним, 10 сентября прошлого года из-за обвала грунта в 15-метровую яму провалился целый «КамАЗ». В этот раз на участке дороги у станции метро «Динамо» по направлению в область образовалась яма глубиной до 30 сантиметров. Через несколько минут на трассе уже была многокилометровая пробка.

В этом месте под Ленинградкой идет прокладка подземного перехода. Из-за строительных работ все и произошло – в момент подземных работ неожиданно стала разрушаться боковая стена перехода, началась подвижка песчаного грунта.

[...]

В 15.00 провалы на асфальте приняли причудливую форму волны. Автомобилисты, видя впереди скопление машин, стали притормаживать. Но были и такие, кто, увидев впереди просвет, жал на газ… и тут же вставал у обочины, пытаясь заглянуть под дно авто — не отломилось ли чего?

[…]

В 17.00 пробка приобрела ярко-оранжевый цвет одного большого стоп-сигнала. Вместо того чтобы ремонтировать провал, строители гонялись за репортерами, пытаясь вырвать у них фотокамеры.

[…]

Сотрудники ГИБДД молча наблюдали, как несчастные автолюбители сдавали задним ходом на третье кольцо, чтобы не увязнуть у «Динамо». О происшествии водители узнавали по радио, а не от регулировщиков и строителей…

На момент подписания номера пробка на Ленинградке так и не рассосалась. (Комсомольская правда, 13.03.07.)

Провалы грунта в Москве. Справка (www.rian.ru):

1998 г.:

– В ночь с 13 на 14 мая произошел провал фрагмента дорожного полотна на пересечении улицы Большая Дмитровка и Столешникова переулка. Площадь провала достигла 600 кв. м, а в образовавшуюся яму обрушился фасад одного из находящихся рядом домов.

– 28 июня: обрушение грунта на улице Большая Дмитровка поблизости от зданий Генеральной прокуратуры РФ и Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

2001 г.:

– 5 июня: провал грунта на участке Нагорной улицы близ дома 12, произошедший из-за аварии на теплотрассе. Площадь провала составила порядка 100 кв. м.

2003 г.:

– 31 марта: провал грунта во дворе дома 67 корпус 1 по улице Юных ленинцев. Площадь провала составила около 10 кв. м, глубина - более 1 м. В этот же день был зафиксирован провал фрагмента дорожного полотна близ дома 30 по проезду Шокальского площадью 5 кв. м и глубиной до 1 м.

2005 г.:

– 21 июня: обвал грунта на участке улицы Алабяна между домами 11 и 13 (территория, примыкающая к котловану возводимого компанией "Баркли" элитного жилого комплекса), вызванный обильными атмосферными осадками.

– 3 августа: провал участка дорожного полотна на внешней стороне Садового кольца близ дома 1 по Садовой-Кудринской улице. Площадь провала составила 10 кв. м, глубина - 2 м. Из-за того, что образовавшаяся яма не была своевременно огорожена, в нее попал двигавшийся по автотрассе грузовой автомобиль.

– 4 августа: провал участка дорожного полотна близ дома 3 по Яузской улице. Площадь провала составила порядка 150 кв. м, глубина - около 3 м.

2006 г.:

– 14 марта: провал грунта на участке Кировоградской улице близ дома 24. В образовавшейся яме глубиной до 1 м застрял пожарный автомобиль, а в находящемся поблизости жилом здании появилась трещина.

– 30 марта: во дворе одного из домов по Алтуфьевскому шоссе в результате провала грунта под землю частично ушел припаркованный легковой автомобиль.

– 11 апреля: провал грунта на одном из участков дорожного полотна Даниловской набережной, вызванный аварией на теплотрассе.

Наиболее частыми причинами оседаний и провалов дорожных покрытий и земельных участков, помимо оттаивания почвы в весеннее время, являются аварии на устаревших и изношенных коммуникациях водо- и теплоснабжения (особенно это касается исторической части города), а также инженерные и технологические ошибки при строительстве новых сооружений и прокладке автотрасс. Помимо этого, к активизации неблагоприятных геологических процессов приводит деятельность метрополитена и многочисленных промышленных предприятий и других производств, способствующая посредством исходящих от них сейсмических колебаний разрыхлению грунта и образованию в нем карстовых пустот (диаметр которых в отдельных случаях может достигать 20 м).

По мнению специалистов, в Москве суммарная площадь потенциально опасных для строительства участков достигает 15 кв. км (причем, со временем эта территория может значительно увеличиться). На одном только участке Ходынского поля, расположенного поблизости от Хорошевского шоссе и проспекта Маршала Жукова, насчитываются более 40 провальных воронок. Наиболее опасными в контексте оползневой угрозы эксперты называют такие районы Москвы, как Капотня, Коломенское, Фили, Чагино, а также северо-запад столицы – Тушино, Сходня, Нижние Мневники, Щукино, Хорошево и Серебряный бор.

: Цитирование окончено. И не стоит думать, что это максимально полная информация – подробный перечень обрушений московских зданий, случившихся “по подземным причинам”, как и аналогичный перечень провалов мостовых и тротуаров только за последние пару лет может занять несколько страниц весьма убористого текста. Но говорить об этом по ТВ или радио, как и писать в прессе, до самого последнего времени считалось “как бы неприличным”. Почему — не вопрос.

Если думаете, что описанные выше разрушения кровли подземных сооружений случаются лишь в крупных городах – сильно ошибаетесь. Они происходят повсеместно,– везде, где общество лишено возможности контролировать бравую деятельность наших подземных спецслужб, и просто служб. Везде, где есть заброшенные иль не исследованные подземные сооружения. Не исследованные хотя бы по той причине, что входы в них уничтожены, либо блокированы властью от “излишне любопытных” спелестологов. Где слово “диггер” воспринимается не более, чем столичная экзотика. Или блажь подростков-переростков.

Город Саров [бывший Арзамас-16] в спелестологических кругах известен

подземным монастырём с весьма протяжённой длиной ходов,– причём подземный монастырь связан с возведённым над ним наземным монастырским комплексом. *«16 декабря 1992 года на монастырской площади произошла авария водопровода, образовался провал глубиной около 5 метров. Как оказалось впоследствии, лопнула старая труба, и около пятисот тонн воды и пятидесяти кубометров грунта ушли в открывшийся внизу провала вход в пещеры. Интересно, что провал произошёл на участке пещер, который был ранее недоступен и отсутствовал на имеющихся "официальных" планах.»*[52] Подобных эпизодов в моей печальной коллекции — сотни. Учтите: масштабы кислотного (атмосферные осадки) и термо-суффозионного (прорывы горячих вод из теплоцентралей) разрушения почв и, соответственно, кровли подземных полостей с каждым годом возрастают – при одновременном ветшании крепежа каменоломен и подземных ходов, созданного сотни лет назад. **В результате мы теряем не только уникальные спелестологические объекты — Подземля представляет всё большую опасность для наземного социума.**

Причём – повсеместно: в городах больших и малых, в сёлах и на дачных участках,– везде, где есть искусственные или естественные пустоты в земле. Вне зависимости от типа этого подземелья, вне зависимости от нагрузки, оказываемой на землю зданием – ибо главный фактор: *наличие подземной пустоты и разрушение её кровли.* Остальное вторично.

< Тут я, конечно, немного утрирую – ибо ясно: давление, оказываемое стоэтажным небоскрёбом на грунт, в принципе не сопоставимо с весом садового домика, и городская бетонная махина наверняка промнёт-деформирует кровлю подземного сооружения, даже если прочие факторы (кислотные осадки, техногенный карст) эту кровлю как-то пощадили. Но поверьте: земля проваливается даже без давления, оказываемого на неё зданиями — везде, где есть подземные сооружения. Чтобы не раздувать объём главы, я привёл здесь лишь малую часть фактов, имеющихся в моей печальной коллекции. Оседают и уничтожаются пещерные монастыри в Белгородской области и в Поволжье, на Украине и в России; обваливаются и образуют провальные воронки заброшенные шахты и рудники, каменоломни и подземные ходы — коль входы в них наглухо запечатаны/взорваны властью и постоянное посещение, обследование их спелестологами в принципе невозможно. >

Вот, например, как выглядит местность над брошенным Сарановским рудником [© Сергей Лукьянов, Пермский край, 2009],– учтите, что основные подземные выработки этого рудника, по сообщению автора фотографии, «стоят крепко» и доступны для посещения — но тем не менее:

[52] А. М. Подурец, «Саровская пустынь»,– "Спелестологический ежегодник РОСИ", 2001 год.

А теперь просто вопиющий недавний пример – гигантские обрушения и просадки в городе Березняки, поглотившие не только здания, но и железнодорожную магистраль [поскольку эпизод этот достоин отдельного повествования, рекомендую ознакомиться с ним на форуме Спелестология и Спелеология – http://www.speleo.ru/phpBB3/viewtopic.php?f=25&t=162; здесь я приведу лишь некоторые выдержки из опубликованных на форуме материалов]:

Начало

28 июля в 15 час. 31 мин. по местному времени на территории БКПРУ-1 ОАО «Уралкалий», в районе фабрики техсоли, произошел провал на земной поверхности над техногенной карстовой полостью. Размеры воронки, образовавшейся в результате обрушения грунтовых пород, составляли 50 на 70 м, глубина – около 15 м. 29 июля в 7 час. 33 мин. в образовавшемся провале произошло обрушение глубинных пород, сопровождавшееся громким хлопком, кратковременным колебанием земной поверхности и выбросом шахтного воздуха и кусков породы. Одновременно в месте образования воронки был зафиксирован выброс сероводорода. Олег Попов, начальник главного управления МЧС России по Пермскому краю: – Провал на земной поверхности произошел над техногенной карстовой полостью, образовавшийся в результате выщелачивания кровли соляной толщи слабоминерализованными рассолами.

Из оперативного сообщения Администрации края: "...Данное явление прогнозировалось на начальном этапе аварии, связанной с прорывом надсолевых вод в горные выработки рудника. Развитие ситуации контролируется путем видеонаблюдения в режиме реального времени с использованием передвижного пункта управления губернатора Пермского края и дирижабля краевого ГУВД. Угрозы для жителей города нет, ситуация находится под контролем. Возможное оседание земной поверхности в районе прорыва рассолов в шахту прогнозировалось учеными с первых дней аварии на руднике БКРУ-1. В соответствии с рекомендациями ученых доступ людей в опасную зону был прекращен, производственные объекты законсервированы и частично демонтирова-

ны. В связи с тем, что в зону возможного провала попали газопровод и часть железной дороги, было принято решение о переносе газопровода и строительстве обходной железнодорожной ветки. В целях минимизации последствий аварии на руднике БКРУ-1 был оперативно организован комплексный мониторинг как на территории БКРУ-1, так и в других районах города. Границы провала и процесс его образования полностью соответствуют прогнозам ученых, сделанным на основании результатов мониторинга опасной зоны."

провал через 20 дней

положение и размер провала в сентябре 2007г.

Почему?

В 40-х годах на глубине более 200 метров прямо под городом "Уралкалий" разрабатывал карналлит - руду, содержащую титан и марганец. Затем разработку прекратили. В 90-х годах, когда консервировали нерабочие выработки (пустоты под жилой частью города закладывали пустой породой), выработки карналлита не укреплялись. ***19 октября 2006 года*** *на "Уралкалии" произошла авария. Затопило нерабочую шахту, и грунтовые воды потекли по выработкам, постепенно размывая чрезвычайно быстрорастворимый карналлит. При подобном затоплении шахты за городом в 1986 году произошел знаменитый провал в котором образовалось озеро глубиной 120 и диаметром около 400 м.*

провал 1986 года. Снимок И.Лаврова, 2003г.

Развитие

С момента аварии размер провала рос с катастрофической скоростью. Но сделать что либо было уже невозможно.

Директор Горного института УрО РАН А. Красноштейн в сентябре 2007-го отметил: "Увеличение водопритока в рудник мы прогнозировали. Безусловно, чем медленнее идет затопление рудника, тем лучше. Но надо понимать, что поступление в рудник воды в результате природной аномалии – процесс, которым люди управлять не могут. Сегодняшний уровень поступления надсолевых вод не является катастрофичным. Как я уже говорил, прогнозы развития ситуации, связанной с аварией, мы производили, исходя из наихудшего варианта, предусматривающего объем водопритока от 7 до 10 тысяч кубов в час на протяжении длительного времени. В соответствии с прогнозами и был разработан план работ по минимизации негативных послед-

ствий аварии на Первом руднике, в том числе и по жилой застройке, расположенной в карналлитовой зоне". О том каков был этот план и что он дал лучше не вспоминать.

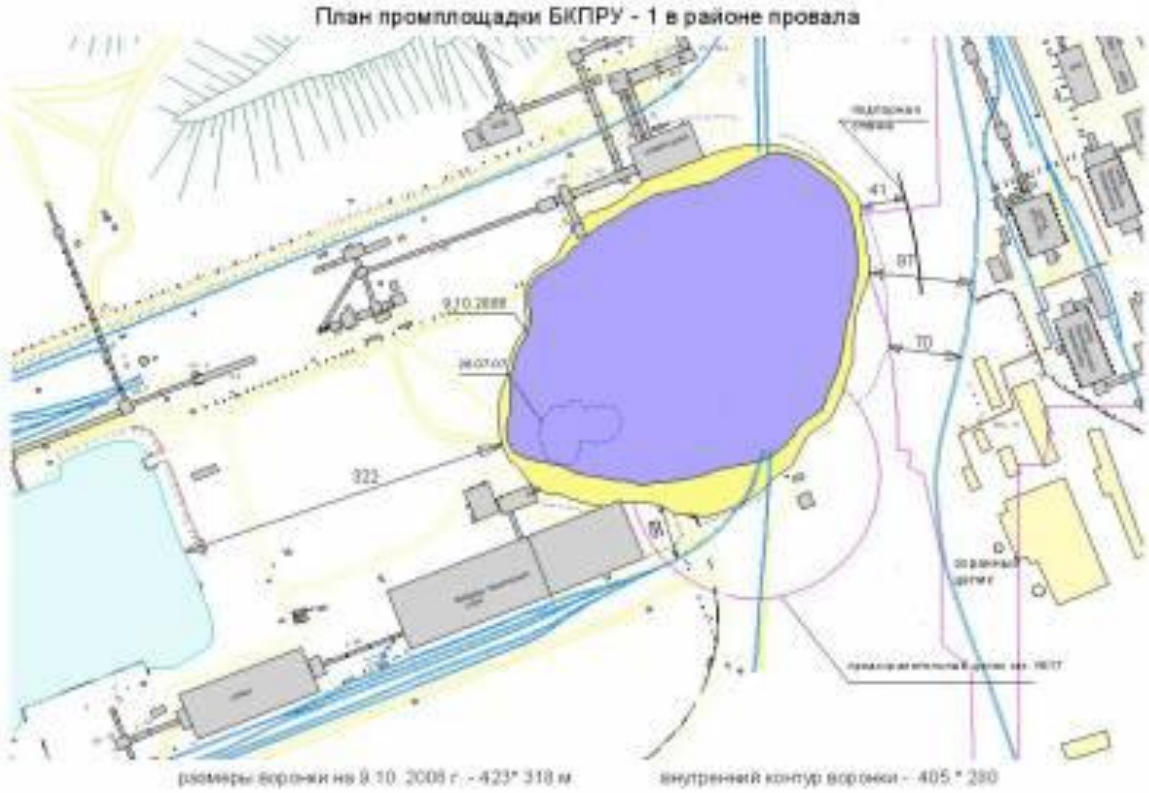
К январю 2008 г. провал в плане составлял уже 337 х 202 м, в коренных породах – 305 х 170 м. Обрушения продолжились в рыхлых породах на север в сторону здания новой сушки и с восточного борта провала. Расстояние от провала до действующей обводной железнодорожной ветки на составляло уже всего 105 м. Общий объем пустот в руднике - 81,7 млн. куб. м. Из них к январю было заполнено рассолами около 43,09 млн. куб. метров.

провал в январе 2008г.

К зиме власти впервые заговорили о проблеме в общегородских масштабах. Был опубликован перечень домов города, намеченных на полное переселение. Эти дома попали в «неблагожелательную» зону и могли быть разрушены в результате продолжения стихийных событий по разрушению огромных подземных выработок карналлита. Ряд домов уже полностью переселен в построенный городок на окраине города. К весне начался снос-разбор капитальных зданий в "карналлитовой" зоне.

По сообщению ОАО «Уралкалий» в сентябре 2008г. среднечасовой приток надсолевых вод и рассолов составил 4400 м3/час. На 4 сентября в рудник поступило около 74,0 млн. куб. метров рассолов. Размеры провала на 4 сентября – 410 на 310 м. Размеры воронки в коренных породах – 400 на 260 м. Отмечается активизация процессов обрушения рыхлых пород и образования трещин по южному борту провала. В провал стали обрушаться здания фабрики.

план провала на июнь 2008г.



Провал на 9.10.2008г.

Что дальше?

Мнения о будущем провала расходятся. Кто-то прогнозирует затухание его роста после затопления рудника, кто-то напротив - говорит о его неминуемом разрастании. Рядом с фабрикой расположен искусственный камский залив. В случае продвижения провала туда - есть опасность излива камских вод в провал. Что случится тогда сложно предсказать. Всего 100м остается от провала до обводной жд – являющейся федеральной веткой, но это с "легкостью излечится" новой веткой за границей "зоны". Инструментальные наблюдения, показали увеличение скорости оседаний на промплощадке БШСУ – до 10-60 мм/месяц, по ул. Ленина – до 30-55 мм/месяц. В районе от ул. Тельмана до ул. Коммунистической скорости оседаний остались на прежнем уровне или увеличились незначительно и составляют 20-25 мм/месяц. Город медленно, но верно "уходит" вниз.

Тяжела и судьба жителей города. Они вынуждены бросать свои дома и переезжать в наскорую руку отстроенные жилые комплексы. И уже оттуда наблюдать, как, в прямом смысле, слова рушится их прошлое.

Примечательно, что когда ещё в октябре 2006г. в шахте начался прилив вод, в прессе появлялись статьи лишь успокоительного содержания. Дескать «городу ничего не угрожает нет повода для беспокойств».[53]

При этом – что характерно для *нашей власти* – мнение специалистов, за несколько лет предупреждавших о грядущей катастрофе, полностью игнорировалось.

: Всё, как обычно.

Так же скрывалось, что на самом деле подтопление началось не в октябре 2006г. а на три года ранее,– лишь когда подтопление приняло катастрофически необратимый характер и наблюдать его стало возможным не только ответственным сотрудникам рудника, но и простым горожанам, были опубликованы первые, подслащённые версии случившегося. С теми же розово-радужными прогнозами…

Которые, конечно, и не подумали сбыться.[54]

Посмотрите, например, несколько фотографий, снятых в разное время после опубликования мажорно звучащих прогнозов. [Комментарии спелестологов – участников Спелео.Ру и авторов снимков.]

На фото хорошо видно как провал поглотил старую ветку федеральной жд. Демонтировать ее не стали – рельсы так и висели в провале. Новая

---

[53] См., например, "Российская газета" – Федеральный выпуск №4221 от 14 ноября 2006 г., Илья Чанов – «Березники вздохнули с облегчением». Тратить текст на пересказывание этой параши желания нет. Статья и комментарии специалистов присутствуют на

http://www.speleo.ru/phpBB3/viewtopic.php?f=25&t=162.

[54] http://www.tass-ural.ru/redakt/?id=830 .

обходная ветка – тоже хорошо видна. По последним данным на прошлой неделе между ней и провалом образовалась трещина шириной до метра. Видать скоро рухнет огромный кусок.

К 10 марта 2009 года провал заполнился рассолами и водичка потекла в сторону Камы...

В настоящее время повал этот продолжает расти как вширь, так и вглубь.

Каме грозит экологическая катастрофа – вода в реке ниже города станет солёной. Причём соли эти – не обычный NaCl,– помимо заявленных в официальной статье металлов, в изобилии присутствуют соединения фтора (галиты) "и прочие, не совместимые с жизнью химические соединения".

А Кама, как известно, впадает в Волгу. Крупнейший её приток…

11/18/2008

Провал перед прорывом солевого раствора в Каму.

: Примеров таких – конечно, разной степени катастрофичности – я мог бы привести очень много.

Особенно в краях, где хождение в каменоломни “непопулярно”, или власть своими мудацкими действиями сделала его невозможным.

< Да что я – о закрытых каменоломнях, когда *в действующих ПГВ* настолько лихо не соблюдаются основные требования ТБ, что возникают провалы, подобные Березняковскому?.. >

— Как же быть? Как совместить наш интерес к Миру Подземли и вполне естественное требование наземного мира защититься от пагубного влияния садящейся каменоломни?

За 70 лет совеЦкая власть испробовала все негативные меры борьбы с Подземлей. Принимались указы, запрещающие спелеологию и спелестологию. Входы в пещеры взрывались и заливались бетоном. Спелестологи подвергались репрессиям. Спелестологическая информация вымарывалась из официальных архивных закромов; неофициально (и официально) созданные спелестологические архивы Стеллецкого, Грицая и прочих исследователей изымались “компетентными органами”. < Компетентными – в чём?... > И исчезали в архивных нетях. Остановило это процессы карстообразования или обрушения кровли потерянных каменоломен?

: Власть полагала, что может обойтись без спелестологов. [Вообще-то она традиционно ничего не полагала – ибо “полагать” было

нечем,– правильно сказать: “власть положила”.] Известно: каменоломня непосещаемая (с замурованными входами) садится быстрее, чем та, в которую ходят спелеотуристы – и в которой, естественно, проводят необходимые крепёжные работы. На посещаемую полость составляются схемы и карты, которые при необходимости можно привязать к поверхности. И однозначно сказать: под этим участком проходит подземный ход – а под этим монолит. Стройте смело.

Если в посещаемой каменоломне началось разрушение свода, его не только можно остановить соответствующим крепежом,– с большой точностью можно определить, на какой участок поверхности может спроецироваться данный обвал.

Замурованный вход не только не позволяет исследовать каменоломню и составить её точную топосъёмку – сулит неостановимое разрушение подземного объёма при полной неопределённости: какому участку поверхности грозит проседание/разрушение.

Организации, что проводят георазведку местности прежде, чем приступить к застройке, *в принципе не заинтересованы* в тщательном обследовании предполагаемого участка застройки на предмет наличия искусственных или естественных полостей. У них есть геологический план местности, и если там официально не указано никаких полостей – какой спрос? Жопа прикрыта. Из районных архивов поступили какие сведения? Нет. Даже если вдруг заморочился кто в стройуправлении перепиской с упомянутыми архивами. [Никто не заморачивается, потому как знают: архив – инстанция, что способна меньше всего располагать нужной информацией.] Контрольное бурение полостей на необходимой для строительства глубине (скажем, до 10 метров) не вскрыло. [Даже если буры и были способны дотянуться до уровня каменоломни – один прошёл сквозь бутовый отвал, другой сквозь монолит между штреками, третий угодил точнёхонько в колонный целик посреди огромного зала,– четвёртый пронзил уже случившийся обвал,– и так далее.] Геофизическая разведка…

– Ну просто смешно: с какого такого ляду звать геофизиков, и тратить на них бюджет строительства?..

Впрочем – как знаем мы – даже если бы “и позвали” — толку особого не было. Ибо точность геофизических методов в применении к спелестологическим целям не высока. Лишь геотомография (сейсмотомография) может дать более-менее адекватную картину того, что скрывается у нас под ногами. Но сколько она стоит? Кто будет заморачиваться такими расходами? Опять же: для точной интерпретации полученной “картинки” необходим грамотный спелестолог. Он же (причём не один, а команда) необходим для прохождения в обнаруженную полость. Для истинно профессионального обследования её и составления спелеотопосъёмки. Для вскрытия и обследования полости необходимо соответствующее снаряжение. То есть расходы, расходы…

: Ясно — никакие строительные управления на эти расходы не пойдут. Им просто незачем. Их жопы прикрыты, а фонды и без того ограничены.

: Такая вот неприглядная картинка. Такой порочный круг. Сулящий новые обвалы и бедствия. И пока власть не изменит своего

отношения к спелестологии — изменений не будет.

— Но защита поверхности от подземли должна быть. И она должна быть комплексной. Причём осуществить весь комплекс защитных мер способна лишь структура, органично включающая в себя не любителей – *профессиональных спелестологов.*

Как представляется мне [это не “благие мечты и пожелания” – вполне естественное требование времени], комплекс мер спелеоэкологической безопасности должен выглядеть следующим образом:

1) В районе, подработанном подземной добычей камня или интенсивным былым подземным строительством, проводится должный архивно-исторический поиск. Даст он какие результаты или нет – неизвестно. Но если даст – однозначно позволит сэкономить средства. Аналогичный поиск проводится в спелестологических архивах и кадастрах частных исследовательских групп, ибо часта следующая ситуация: район с “архивно несуществующей” [неотмеченной в доступных источниках] добычей камня был обследован спелестологами – и каменоломни найдены были. Или подземные ходы, храмы. В случае отрицательного результата обследования это, опять же, позволяет сэкономить средства.

2) Территория предполагаемой застройки исследуется современными методами геофизической разведки (с обязательным применением геотомографии) и биолокационным способом. Один метод не только не исключает другого – сравнение их результатов позволяет скорректировать возможные ошибки и разночтения полученных данных.

3) В случае обнаружения пустот проводится их предварительная разведка бурением. Если полость незначительна по объёму и не имеет сообщения с поверхностью – через скважину заполняется бетоном с отрицательным коэффициентом сжатия. [Так называемый безусадочный цемент, применяемый в этих целях при горно-проходческих работах.] Процесс карстообразования “затыкается” путём закачки в грунт специальной щелочной смеси. Если полость занимает значительный объём, или по происхождению является спелестологическим объектом – проводится её вскрытие с целью спелестологической разведки.

4) По заключению спелестологов полость может быть признана обвалоопасной, безопасной, имеющей историческую ценность или незначащей в культурно-историческом аспекте. В случае положительного спелеоэкологического заключения проводятся меры по укреплению сводов и опорных колонн (установка свай и стягивание колон стальной лентой с целью предупреждения вертикального расслоения нагруженного пласта – абляции, возведение опорных кладок). Если проникновение в полость осуществлено с территории будущего частного участка – что ж: хозяин его получает в своё пользование “частную пещеру”. Как он распорядится ей, его личное дело. Применений не счесть – от весьма объёмистого погребка и подземной грибницы до прикольно-музейного. Можно оборудовать персональный подземный спелеотерапевтический релаксационный комплекс или убежище. Тайный склад.

Если полость находится в аварийном состоянии и исторической (спелео-

биологической) ценности не представляет < вспомним о том, что любая подземная полость, особенно вмещающая большое количество всевозможных узостей, лабиринтовые структуры и бутовый камень — “по определению” очистительные лёгкие данного района > — что ж: тогда (и только тогда) её необходимо “тампонировать”. Гарантированно всю и по возможности “мягким” способом. Что, опять же, способны сделать лишь спелестологи. *И только тогда начинать строительство на поверхности.*

Не забыв убедиться с помощью буровых установок в том, что посадка кровли прошла успешно, вторичных гравитационных полостей над бывшей каменоломней не образовалось.

Коль такие полости образовались – их следует бетонировать через пробуренные скважины.

: Дорого? Долго?..

– Не дороже восстановления обрушившегося строения. Не дороже человеческих жизней, что может унести обвал.

И уж подавно не измерить деньгами культурно-историческое значение памятника нашей истории, памятника ремесла – чьё исследование станет возможным при осуществлении данной программы.

Как, между прочим, спокон веку делается в странах, называемых нами “развитыми”.

Например – в Голландии, Бельгии, Франции, Австрии, Германии и Англии.

А также в Чехии, Словакии, Венгрии, Болгарии и Польше.

И, разумеется, в США и Турции.

SUMMA EQUINOXUM

«Убей бобра – спаси дерево!!!»
: зелёный позыв

Теперь на основе вышесказанного попробуем прийти к каким-то “реально спелеоэкологическим” выводам.

Во-первых – очень важно понимание того, что пещерный микроклимат и сложившийся в полости биоценоз весьма хрупки и *в принципе не восстановимы* — равно как не восстановимы запасы пещерных натёков и прочих “красивостей”. Уничтожить их можно “на раз” любого рода вмешательством – хоть промышленным разграблением, хоть приспособлением для “массового организованного туризма”,– восстановить будет невозможно.

Во-вторых, как уже неоднократно замечалось мной и другими исследователями Подземли, “пещеры – лёгкие Земли”.[55] В сложных извилистых лаби-

[55] См. журнал “Свет” – № 1 (21), 2000 год,– «Естественные предпосылки самоочищения подземной атмосферы», В. Н. Андрейчук и В. С. Лукин; также «Пещеры – лёгкие Земли»,– В. Н. Андрейчук, “Наука Урала”, 01. 03. 1990.

ринтах, богатых разного рода узостями, а также большими объёмами рыхлого бутового камня, происходит адсорбция и абсорбция пылевого аэрозоля из воздуха — в результате чего уже на расстоянии ста метров от входа в пещеру из воздуха практически полностью удаляются пылевые и аэрозольные агрегаты, включая микробиологическую составляющую, а сам воздух насыщается неизбежными для Подземли отрицательными аэроионами,– что придаёт ему известные целительные свойства.

Понятно, что *доля каменоломен, расположенных близ больших городов, в очищении земной атмосферы много выше, чем доля вертикальных карстовых полостей* — развивающихся в отдалённых горных районах. Учтите так же, что в отличие от массивов зелёных насаждений, каменоломни очищают воздух и наполняют его целебными отрицательными ионами круглый год, вне зависмости от метеорологической обстановки на поверхности.

: Этот простой факт хорошо ощущается на примере Старицкого района, долина Волги в котором буквально “нафарширована” старинными каменоломенными выработками не только сложнейшей постобвальной конфигурации с весомым бутовым наполнением, но и расположенных в изобилующих трещинами и карстовыми пустотами породах. Приезжайте в эти места и убедитесь в особенной чистоте и свежести тамошнего воздуха – не трудно заметить, что в долине Волги и прилегающих каньонах с обильными подземными выработками он кажется свежее “воздуха равнины” в любое время года. Аналогичное ощущение возникает, когда зимой мы заходим в сосновый или еловый лес,– а всё потому, что кпд очищения воздуха в этих каменоломнях весьма высок. Но не столь низок он и в пересечённых постзавальных лабиринтах типа Никитского, или в заполненных на 70 – 80 % бутовым камнем иных каменоломнях Ближнего Подмосковья. Все они, вне зависмости от своих размеров, топологической сложности и спелестологической значимости, вносят в очищение подмосковного воздуха свой вклад – причём вне зависимости от того, сколько кейвлайверов постоянно или эпизодически посещает их.

С пещерами (а так же каменоломнями), переоборудованными для “массового экскурсионного туризма”, картина складывается иная:

В книге З. К. Тинтилозова «Новоафонская пещера» [“Мецниереба”, Тбилиси, 1983] – книге, посвящённой исключительно спелеологической и естественнонаучной стороне дела,– написанной вполне нейтральным и неэмоциональным языком “таблиц, измерений и фактов”, даётся, по сути, хладнокровное описание процесса уничтожения прекраснейшей пещеры. Тем страшнее читать отдельные её страницы – посвящённые изменению сложившегося микроклимата, возрастающей с каждым годом коммерческой эксплуатации бактериологической загрязнённости, прекращению роста натёков и развитию ламповой флоры. В настоящий момент из списка “подземных лёгких Земли” этот объект можно вычеркнуть – как, впрочем, и из списка естественных пещер. И перевести в реестр техногенных подземелий, типа метро или транспортных тоннелей. Конечно, свои социальные функции эти объекты выполняют исправно — но к очищению атмосферы и к спелеологии отношение имеют весьма отдалённое.

– Из чего со всей однозначностью следует: *закры-*

тие (тампонирование, обрушение, уничтожение) пещер-каменоломен, практикуемое властями,– равно как “приспосабливание” пещер для массового посещения или любое их закрытие — вандализм, сходный с глупостью.

“Сдача пещер” государству “в промышленных интересах” – столь же аморально-бесстыжий поступок, как уничтожение пещерных входов (и собственно пещер – не важно, каким способом: эксплосионным или бетонно-заливочным).

: Обо всём этом не мешает помнить радетелям коммерческого использования пещер,– паче чаяния они задумают рядиться в шкуры спелеоэкологов.

А теперь — неизбежное **“в-третьих”:**

: Наше постоянное бытиё в каменоломнях – что, собственно, и отличает спелестологию от спелеологии – приносит в искусственно созданную Подземлю [специально подчёркиваю: искусственно созданную априори!] какое-то количество неизбежных отходов нашей жизнедеятельности. Называть их “мусором” или полагать за сопутствующие “знаки присутствия”, не отделимые от самого образа искусственно созданной пещеры, или “неизбежные научные результаты” исследования Подземного Мира – личное дело каждого. Но в любом случае попытки довести спелеоэкологическую деятельность до её логического апофеоза равнозначны не только запрещению спелестологии, как кейвлайвинга – но и как науки. Ибо только полный отказ от посещения и вскрытия пещер даст прекрасный экологический результат…

Следствием которого неизбежно станет не только финальное разрушение пещеры, но и исчезновение спелестологии, как жанра нашей жизни; исчезновение кейвлайвинга, как андеграундного социально-культурного феномена. Так за что боремся, уважаемые экологи? За пещеру без спелестологов?? Или за спелестологию без пещер???

— Или за мир без первого, второго и третьего?

Банальная жанровая истина: спелеологи не могут не посещать пещеры и не могут их при этом не изучать,– причём результаты этих посещений не менее важны, чем тотальное (практикуемое ныне в США) “закрытие пещер”, либо посещение их исключительно в режиме “в белых тапочках”.

Спелестология не мыслима без свободного и нерегламентированного посещения пещер. Какими бы “издержками”, с точки зрения абстрагировавшегося от реальной спелеожизни и упаковавшегося в белоснежный киот экологически ориентированного гоблина Васи, эти посещения ни сопровождались. Ибо не издержки это вовсе, а жанровая норма. С *реальными издержками* которой жанр способен справиться сам. Без рекоменаций и постановлений почти сторонних наблюдателей, ‘за грины писающих’,– как справлялся он 40 лет и с излишним мусором, и с безмотивными граффити, и с чайничьими нитками, и с топосъёмочным хламом в каждой конкретной пещере. Причём по очень простому принципу: “в собственном доме на ковёр не гадят” – а для любого кейвлайвера, спелестолога или спелеонавта пещера, по определению — родной дом. Если кто-то начинает вести себя в нём по-свински, срабатывает эффект коммуналки:

либо очистит от своих безобразий загаженное место общего пользования, либо от него это место очистят.

Причём без всяких правил-распорядков, вывешенных на стене, и без графиков уборочных дежурств. Ибо правила, кому-то кем-то из нас навязываемые, пусть даже с самой благой целью, не всегда реалиям жизни соответствуют, и поневоле хочется их нарушить. Иной раз — только чтоб ‘шибко раматный Вася’ не висел над душой со своими штрафными нарядами за оскорбившее его нежное ушко выражение.

Или за надпись на стене своего грота – Васе, в силу табуреточного IQ, просто непостижимую.

: Вы вообще помните, куда приводят дороги, мощёные благими намерениями?..

Тотальный “экологическо-воспитательный запрет” на графические настенные новоделы в каменоломнях неизбежно приведёт к мысли, что “в воспитательных целях” нужно очистить ВСЕ СТЕНЫ КАМЕНОЛОМЕН ОТ ВСЕХ НАДПИСЕЙ,– ибо пока хоть одну из них видит чайник на стене, она может “спровоцировать” его на творение новой. Ведь для чайника нет разницы, когда была сделана надпись: вчера или сто лет назад, углём или художественной гуашью. «Если Пете было можно – почему мне нельзя?..»

: Коль воспитатели-экологи видят “подземное зло” не в осмысленности или творческой направленности подземной графики, *а в самом факте её существования* — останавливаться нельзя, все надписи следует ликвидировать. Без разбора. И все рисунки. По херу значимость и ценность. Рассуждение это не столь безумно, ибо если, скажем, “в воспитательных целях” запретить художественно-информацонный *новодел* < понятно, что неинформационные надписи и пахабную “живопись” следует всячески искоренять; но ведь и здесь границы условно-зыбки > – как отнестись к историческим настенным каракулям? Надписи семидесятых оставить? А шестидесятых или восьмидесятых годов прошлого века??? В двух третях из них, между тем, нет ни художественного, ни информационного смысла. А в граффити Одесских каменоломен конца XIX века и пенисов хватает, и матерщины. Да и с храмами подземными, особенно индуистскими и уж тем более неолитическими, фаллическим культам посвящённым, тоже не всё в порядке.

А ведь ещё есть и *политика* —

: В пещере ДХБ в Старице в семидесятые годы прошлого века Петей Кротом была сделана очень, на то время, неполиткорректная надпись – «НАМ СВЕТА НЕ НАДО, НАМ ПАРТИЯ СВЕТИТ»,– с точки зрения ревнителя тогдашней “жанровой чистоты”, ангажированного коммунистическим воспитанием, моветон был типично диссидентский. А для нормальных людей – прекрасный образец фронды. Думаю, что точно такая же надпись, сделанная в той же пещере сейчас, значила бы тоже самое и чувства вызывала бы соответствующие. Запретить её существование, или милостливо разрешить?..

: Кто будет решать и какими критериями “информационности” или “художественности” руководствоваться? Кто возьмёт на себя труд безжалостного очистителя рукотворных пещерных стен, кто сотрёт в лету

имена первооткрывателей и их рисунки?..

– И главное: каким диктатом это будет навязано всем существующим спелеумам?

: Спелеум – он по природе своей индивидуально-независим, он никакого диктата не приемлет. Ибо он вырос на этом, и независимость наша вполне природная, от индивидуального очувствования каждым из нас Подземли проистекающая. Иные – что ходят строем и оправляются по команде – не способны к *очувствованию Подземли,* и уж подавно не несут миру никакого художественно-творческого наследия.

Но готовы уничтожать его, аки доктор Геббельс — что хорошо продемонстрировала упомянутая мной дискуссия. Устроенная с самыми, казалось, благими целями: чтоб глупые неофиты, обнаружив в дальних окоёмах КА2 надписи Никитского Круга, не перенимали дурной пример…

: Отчего-то кажется мне, что за экологическими воплями такого сорта (как и за призывами к созданию спелестологии без спелестологов) стоит вовсе не экология. А банальная политическая ангажированность. Но ведь с “экономически ангажированными” спелеоэкологами всё получается до боли аналогично:

Пещера, за вход в которую ты платишь ради нескольких часов общения, никогда не станет в очувствовании ТВОЕЙ, и посещение её никогда не вызовет светлого чувства фундаментальной сопричастности к миру белого камня, что ощутили мы в начале семидесятых (а первое поколение спелестологов на десять лет раньше) в режиме “вольного посещения”,– следствием которого наш кейвлайвинг и явился.

: Сопричастности с пещерой, за общение с которой ты заплатил денежку, будет не больше, чем с креслом в кинотеатре или с ресторанным стульчиком. В результате получим (если и получим) осложнённую врождённым нашим хулиганством и криминальностью бледную тень коммерческой западной спелеологии. Свою потеряем безвозвратно — ту самую, от которой все кейвлайнинговые достижения наши, и наше понимание и ощущение Подземли. Как только кончится свободно-вольное, нерегламентируемое наземным социумом, посещение Подземли — кончится российский кейвлайвинг.

А потому любая попытка “повлиять” на существующий спелеум, как-то “изменить”, “исправить” его или принятые в нём культурно-этические и эстетические коды — какой бы “экологической философией” эта попытка ни оправдывалась — по сути своей антиэкологична.

: Нет массового спелестологического этноса, на свободном кейвлайвинге основанного, или изменён он в сторону, скажем, административно-командного “клубного туризма” (в которой организующая поверхностная структура по определению является главной; пещеры лишь сфера приложения эпизодических экскурсионных усилий), либо коммерческого туризма “экскурсионного подземного часа” (да хоть и полного “выходного дня”! – всё равно ж понятно: без ночёвки, без реального свободного подземного бытия) — кончается свободный поиск новых потерянных каменоломен и прочих подземных объектов, кончается посещение пещер в режиме “вольного пребывания”, что ведёт к оборудованию стояночных гротов, расчистке входов

и мониторингу сводов с их своевременным укреплением,–

– и пещеры неизбежно кончаются. Потому что прогрессорам коммерческой спелестологии важно начать,– далее бизнес продиктует свои условия, и по законам, от спелестологии весьма далёким. Тем более, когда этот бизнес – российский. Жажда коммерческой наживы потребует увеличения потока посетителей любой ценой и любым способом — а значит, свободные для вольного доступа открытые норки будут закрыты, чтоб направить их былых посетителей в оборудованные для отъёма бабла. И поток этот в немалой (если не превосходной степени) будет разбавлен не имеющими никаких спелестологических целей пингвинами-экскурсантами.

Тут “подземные лёгкие Земли” и прекратят своё существование на пару с российским кейвлайвингом.

: Вариант, близкий по своему результату к простому закрытию пещер.

Возможно, желающие изменить *социальный облик российской спелестологии* делают это без задних мыслей. Возможно, им всего лишь “хочется порулить”, или сделать вид, что действительно рулят. Возможно, они пытаются реализовать какие-то личные амбиции и проекты,–

А быть может, выполняют заказ. Политический, социальный, экономический или ещё какой – гадать не намерен. Потому что в любом случае о просчитывании последствий не идёт речи.

Разве что — о морали.

О которой следующий период моих рассуждений – к теме спелеоэкологии имеющий, увы, самое непосредственное отношение.

ВАНДАЛЫ И ВАРВАРЫ

«Береги пещеру, твою мать!!!»
: хороший спелеолозунг

Почему-то спелеологи-вертикальщики не жалуют каменоломни... [56]

Это давно известный факт, и не стоило бы к нему возвращаться, если бы не одно обстоятельство. При том, что современные клубные спелеки негативно относятся к фактам вандализма в естественных пещерах, в отношении искусственных подземных полостей у этих спелеологов наблюдается мораль, по меньшей мере двойная. *«Каменоломня не пещера»,*– считают они,– а значит, нормы спелеологической, да и просто человеческой этики ни на каменоломни, ни на их обитателей не распространяются.

[56] Этот период написан на основе материала «Грабители пещер» из спелеосайта РОСС, созданного А. Никольским. [http://speleoastronomy.org/] Так что фактически он – соавторский.

Пользуясь случаем, выражаю Саше горячую благодарность за всё, что он сделал и продолжает делать для развития спелестологии.

Вот несколько фотографий – первая из которых сделана в Музее Землеведения МГУ.

Отвлечёмся от шокирующей катахрезы,– надписи “растущий сталагмит” под убитым и помещённым под витринное стекло натёчным осколком — а обратим своё внимание не только на то, что “образцы сталактитов” в Музей Землеведения МГУ предоставил будущий небезизвестный “борец за экологию пещер” (в те годы активно сотрудничавший с ПАМИРКВАРЦСАМОЦВЕТАМИ, ведущими хищническую добычу пещерного оникса) – но что “добыты” натёчные образцы не там, где они в изобилии валяются под ногами в прямом смысле этого слова, но где *каждый натёк* является безусловной ценностью и редкостью:

В ПОДМОСКОВНОЙ КАМЕНОЛОМНЕ НИКИТСКАЯ.

Или – как называем её мы – в Никитах.

— На следующих фотографиях можно увидеть место, откуда были отбиты сталактиты, выставленные ныне в Музее Землеведения МГУ на 26 этаже Главного здания:

С тех пор, как Владимир Мальцев, будучи студентом, отломал натёки в Никитских каменоломнях и отнёс в музей, прошло немало времени. Известный спелеолог, автор книги «Пещера мечты, пещера судьбы», он уже не занимается грабежом пещер. Но сталактиты за это время так и не выросли заново.

: Добыть обломок сталактита путем этически нейтральным вполне возможно. Зачем же "добывать" их именно там, где они "не просто на вес золота" – много дороже?

Ибо культурологическое (эстетическое, творческое, нравственное) значение живых и не тронутых лапой вандала кристаллических образований в рукотворных пещерах вербальной оценке не поддаётся. В них не только красота удивительного явления природы; в них — та самая неразрывная связь Подземли всех типов, искусственной и естественной.

: живая, неделимая связь.

Понятно, что обломанные ради "научно-образовательных целей" < вот оно: снова то самое "оправдание наукой" элементарного вандализма! > пеньки для следующих, не сильно подкованных в спелеоэтике посетителей, выглядели разрешанием (и даже приглашением) "продолжить процесс". И "процесс пошёл" – с тех самых первых пеньков. Ради науки похеренной этики.

А потому не надо обвинять спелестологов в том, что они заваливают проходы в гроты со сталактитами и вообще неохотно делятся информацией о красивых местах в подземельях.

– Ещё один печальный пример. В феврале 2003 года в тех же многострадальных Никитских каменоломнях был ограблен постоянный ПБЛ "Сапфир". Опрос местных жителей привёл к выводу, что четверо грабителей принадлежат к одному из известных спелеоклубов – грабителей выдала специфическая униформа, которая не могла не запомниться встретившим их после выхода из пещеры местным. Впрочем, перечень похищенного говорил за себя, ибо украдены были аварийный запас продуктов, базовые аккумуляторы (предназначенные для намеченного пребывания!), общеспелеологическое и лагерное снаряжение,– в том числе запасы кухонной посуды и утвари, а так же специальные, сшитые на заказ спальники – найти которые в любой подмосковной каменоломне можно было бы легко уже в следующие выходные (как, впрочем, и характерное лагерное оборудование, а потому для постоянных обитателей других подмосковных каменоломен красть эти предметы было просто бессмысленно),– но самое забавное и омерзительное: из обитаемого модуля была выпорота хорошая пластиковая "молния-трактор" — вот крохоборы-то!.. Кроме того, эти люди не записались в привходовом Контрольном Журнале – что обязательно сделали бы посетители других подмосковных каменоломен.

— Можно ли после этого обвинять спелестологов, не дающих посторонним карты каменоломен? [Например, традиционные посетители Никитской Системы всеми силами не допускают "хождения в Интернете" карт этой Системы и "более, чем критически" относятся к тем, кто распространяет существующие карты или приводит в пещеру не проверенных, в этическом смысле, новичков.]

А теперь – пример просто знаковый. В 1999 году известный питерский “официальный спелеолог” Ю. С. Ляхницкий самовольно захватил песчаниковую каменоломню Помойка под Санкт-Петербургом. На вход была повешена металлическая дверь и приставлены два человекообразных цербера, которые не пускали внутрь никого, кроме экскурсий, организованных самим Ляхницким. Началась интенсивная работа по переоборудованию каменоломни под экскурсионный объект. На стены были нанесены надписи и рисунки [компилятивного, не имеющего никакого отношения к спелестологии, да и к истории Саблинских пещер, содержания], мусор выбрасывался наружу, к реке. Такое самоуправство вызвало естественную волну негодования и протестов со стороны спелестологической общественности. В ответ поступили заявления от спелеологов-вертикальщиков: *«Не трогайте **нашего** Ляхницкого»,*– требовали они. Корпоративная солидарность (увы) оказалась превыше справедливости и даже закона.

Окончилась “помоечная история” вполне ожидаемым образом: после того, как Ляхницкий, поспособствовав очередному расслоению спелеомира на “официальную спелеологию” и “андеграундную спелестологию”, запустил в работу проект, просто чудовищный во всех смыслах [изъятие из открытого спелестологического ресурса освоенной спелестологами пещеры, гибель местной популяции летучих мышей, создание крайне эпигонской и компилятивной “подземной экспозиции”, имеющей лишь смутное отношение к данной пещере – и так далее, включая проведённую поверх официальных законов и норм землепользования передачу пещеры в частные лапы откровенно бандитской структуры, отмывающей на этом проекте деньги] — Ляхницкого из этого проекта попёрли, как отработанный материал. Он потерял в глазах спелестологов Имя; спелестологи лишились известнейшей пещеры Ленобласти.

Об этом не мешает помнить всем, кто пожелает – не важно, из каких соображений – “посотрудничать с властью” в нелёгком деле “официализации” подземного туризма. Пусть и под самым благим предлогом. Пусть даже не вполне с властью – а [нужное слово добавлять по вкусу].

— Кто считает, что грабёж оборудованных для стоянок гротов, разукрашивание девственных стен пещеры **не несущими топономически-художественный смысл** граффити или изъятие популярной пещеры из открытого спелестологического (спелеологического) регистра не имеет отношения к спелеоэкологии — тот крепко заблуждается. Либо лукавит, оправдывая собственные “маленькие невинные шалости”.

Ибо наплевательское отношение к постоянным посетителям пещеры-каменоломни, приравнивание их к неким “варварам” (“недоспелеологам”), в отношении которых «всё позволено», равняется столь же наплевательскому отношению к самой пещере. Это подмечено давно, и разве можно тут спорить?

— И вовсе не странно, что говоря о спелеоэкологических проблемах, мы вновь, к сожалению, сталкиваемся с антитезой “спелеология – спелестология”.

Это противопоставление не придумано спелестологами (основная масса любителей “искусственной подземли” толерантно относится к любому виду

подземной полости, вне их генезиса, а также “вертикальности” или “горизонтальности”) — в семидесятые годы оно старательно культивировалось радетелями “исключительно вертикальной”, то бишь “чисто конкретно спортивной”, *официально-клубной* спелеологии. В глазах которых заброшенные каменоломни, подземные храмы, ходы сообщения и пещерные города “слова доброго не стоили”,– а значит, по отношению к ним и их посетителям-исследователям было “дозволено всё”.

: От грабежа оборудованных гротов, уничтожения кристаллических и натёчных подземных богатств, замусоривания полости при её “случайно-тренировочном” посещении — до обливания помойными измышлениями через общественную и узко-специальную прессу тех, кто связал свою жизнь с исследованием ПАС и ПГВ.

: Основное количество мусора, который нам приходится утилизировать в каменоломнях, оставляют не случайные чичаки и чайники (средь них немало людей, кто приходит под землю с открытой, светлой душой,– намусорить такие люди могут лишь по начальному неразумению, и при указании на необходимость соблюдения экологических норм исправляют содеянное; часть новичков, зная о суровом нраве постоянных обитателей данной каменоломни, мусорить просто-напросто не решается),— ***основное количество мусора в искусственных пещерах оставляют “залётные клубные орлы-спелеологи”.*** Приходящие в эту, по их разумению, “недо-подземлю”, с целью “отметиться”,– блеснуть спелеокрутизной, “потренироваться” и т.п.

Для них даже вертикальная пещера – разновидность спортивного снаряда; отношение к каменоломенной “недопещере” и к её постоянным обитателям очевидно.

И поскольку их визиты по определению случайны, а отношение к каменоломне крайне уничижительное, нам приходится выгребать из облюбованных ими гротов килограммы отработанного и неотработанного карбида, бытовой мусор и дерьмо в самом прямом смысле этого слова. И поминать очередные, уничтоженные пришельцами, подземные красоты. Которым, по их высокому мнению, в нашей “недоподземле” не место.

Как, очевидно, не место постоянному оснащению оборудованных нами гротов.

Но сдаётся мне, что “слухи о бережном отношении клубных спелеологов к вертикальным пещерам сильно преувеличены”. Ибо не может один и тот же человек *заставить себя* строго выполнять этические и экологические нормы в одной пещере — и повсеместно нарушать их в другой. Не может он подавать руку вылезающему из колодца товарищу в вертикальной пещере – и не делать столь же простого движения в каменоломне.

Выбираемся через вертикальный колодец выхода из Никит в марте 1994 года – трёхметровый отвес, грязь стекает по стенкам хода. Упереться практически не во что. Перед нами “выныривают” спелеологи из Перовского клуба. Естественно помогая друг другу. Подсаживаю свою десятилетнюю дочь, видя, что перовцы не отходят от входа в пещеру,– ибо в нашем кругу

подать руку вылезающему из подобной шклевотины за подвиг Геракла не считается. Потому что полагается за норму, которую обсуждать нелепо.

: Перовцы так, очевидно, не считают. Либо полагают нас за "недолюдей". Наверно, подать руку ребёнку, чтобы тот не поскользнулся на крайне скользком откосе, противоречит их спелеоэтике. А может ещё чему. За полным отсутствием слова "этика" в спелеолексиконе. А может — просто в падлу, аки древнему гордому римлянину, подать руку варвару.

: мусора, кстати, мы выгребли потом из занятого ими – точнее, "временно оккупированного" грота… Не один килограмм, в общем.

Я уже говорил, что трудно в привычных весовых и объёмных категориях подсчитать общее количество разнообразных "отходов жизнедеятельности", оставленных "клубными радетелями спелеочистоты" в любимых ими вертикальных пещерах. Ну тяжело выносить на поверхность трансы с гавном – и всё тут. Вертикальные пещеры, против горизонтальных лабиринтов, маленькие; пещеры, суммарная длина ходов которых переваливает за 10 км, по пальцам пересчитать можно. А потому мусор – на виду.

Но всё равно не выносят. А укоряют нас за "загаженность каменоломен".

– При этом: как я уже неоднократно писал, весь наш мусор прекрасно утилизируется в специально созданных для этой цели накопителях.

– При этом: основное количество мусора, что поставляют в каменоломни залётные чужаки, "официально-клубного происхождения". Основной урон пещерным красивостям – кристаллическим друзам, сталактитам и с любовью оборудованным нами гротам – наносит именно эта, как бы "организованная", спелеопублика. Против нас, кого они презрительно именуют "дикарями".

: вот такие спелеоэкологические расклады,– коль взглянуть на них чуть пристальней.

: С 2003 года в Системе Сьяны – самой протяжённой из всех подмосковных каменоломен и наиболее посещаемой чайниками и просто случайным людом – постоянно проводятся субботники по очистке пещеры от мусора. На городскую свалку вывезено несколько восьмикубовых контейнеров эксгумированных из-под земли отходов. Представьте себе этот объём. И скажите мне, апологеты вертикальной спелеоэкологии, сколько вы лично кубометров мусора вытащили из-под земли? Сколько пещер спасли от государственного и прочего разграбления?

… Они пишут полные трепета и цифирек статьи в сборники РСС и "Пещеры". Глубоко, очень глубоко (для стороннего читателя) анализируется уровень загрязнения пещерных вод, пещеры делятся на категории по своей "энергетике" (подразумевается под оным термином всего лишь количество воды, проносящейся через пещеру в возможный паводок – при этом вне словесных дебатов остаётся простое наблюдение: и в самой затопленной пещере есть постоянно сухие гроты,– их-то облюбовывают для ПБЛ "штурмующие" полость мусороносцы, вовсе не геройские следы от спелеоподвигов

которых копятся, копятся…[57]),– просто плачем исполнены некоторые писания о том, как уничтожается на корню пещерная живопись в Игнатьевской и прочих пещерах, истребляется натёчное убранство…

— Позвольте спросить: **а кто призывал спелеологию стать массовой?** Кто изгонял из неё всех, не желавших идти строго в спортивную ногу?? Кто объявил, что главная цель *советской спелеологии* — приспособить пещеру в качестве объекта массового (профсоюзного) туризма, или найти ей иное народнохозяйственное значение – например, в качестве рудника по добыче оникса,– скотомогильника, отстойника, мусорной свалки[58]???

: Кто, в конце концов, сделал все отчёты о спелеоэкспедициях (включая топосъёмку) вполне доступными для государевых слуг – скопив/централизовав их в одном-единственном архиве на Б. Коммунистической, 17 — и в принципе недоступными для спелеологов, что не имели счастья московской прописки????

В результате чего любое государственное ведомство – КГБ или георазведка, иль частная добывающая самоцветы структура, коих расплодилось “под перестройку на халяву”, получила доступ к изученным спелеозакромам Родины — и начала их применять согласно предательским рекомендациям отцов советской спортивно-массовой спелеологии…

: В мире искусственных пещер пойманному за руку любителю сбора кристаллов и сталактитов не просто бьют морду. Отбитый сталактит с любовью размещается в заднице того, кто его отбил — чем начисто отбивает потребность к повторению подобного подвига. По крайней мере, в Никитской Системе. Засравший грот невежливо тычется в свой мусор своей же мордой. (Конечно, несколько к тому моменту метаморфированной – но чувствительность морды этот метаморфоз даже увеличивает.)

– Грубо, нетактично и неэстетично? Зато работает.

: Сколько человек до сих пор рассказывают обо мне, Зелёном Змее, Мамонте и прочих никитянах небылицы и гадости, меня не интересует. Половина этих рассказов всё равно ложь. Некая часть – правда. “Некая” только потому, что живописуя, какие мы были скоты, повествователи, конечно, забудут описать, какими скотами были они по отношению к Подземле. За что заслуженно получили огребённое.

: официальная совковая спелеология создала прекрасно функционировав-

---

[57] Летом 2004 года два никитских спелестолога посетили известную вертикальную пещеру Снежная, за время двухнедельного пребывания в которой опустились до глубины в –900 м. Так вот: *они были просто шокированы количеством мусора* (относительно привычной им чистоты Никитской каменоломни), что оставили в Снежной штурмующие её клубные спелеогерои.

[58] Данное применение подземных пространств вполне официально рекомендуется и в наше время “Дублянским и к°” на страницах сборника «Классификация, использование и охрана подземных пространств». [НИСО УрО РАН, Екатеринбург, 2001]

шую карательную систему КСС и ГСС. Которая профессионально грабила “диких” туристов – и пальцем не шевельнула в направлении реальной охраны пещер от вандализма.

Официальная совдеповская спелеология создала в глазах власти (при соучастии этой власти) систему представлений о спелестологии, как о явлении исключительно маргинального характера.

: Имеем разрушения домов над залитыми бетоном и взорванными каменоломнями.

: ИМЕЕМ ВСЁ, ЧТО ИМЕЕМ — так какого, хочется спросить, Белого, они теперь пописывают полные плача статейки в издания, “тираж которых сами же потребляют” — вместо того, чтоб прекратить писать и заняться реальной охраной пещер???

Причём в первую очередь – от самих себя. Ибо любому желающему “перевернуть мир” ещё Козьма Прутков советовал в первую очередь “перевернуться самому”.

А уж потом пробовать обучать этому нехитрому искусству иного.

Особенно, если речь идёт о предмете, называемом по-русски РАВНОВЕСИЕ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ.

: Упомянутое *равновесие* (“Equinoxe”) прекрасно известно каждому спелеонавту-подземожителю со времён Антония Печерского.

Прочим, по-видимому — нет.

ВМЕСТО РЕЗЮМЕ

Мы те, кто проникал в земли глубины,
Кто рыл свой ход, не разгибая спины,
Мы все с Тобой — Пути иного нет...
: из П. Неруды

На первый взгляд, завершение этой книги должно быть печальным: современный российский кейвлайвинг, что на протяжении сорока лет был истинным андеграундом (как научным, так культурным и творческим во всех своих проявлениях) расслаивается, влекомый лебедями-экологами, щуками коммерческого спелеотуризма и раками клубной спелеологии, в стороны, исключающими былое Подземное Единение. Очередное “поколение пепси”, приходящее в каменоломни и в вертикальный спелеотуризм, несёт на себе столь глубокую коду зомбирующей рекламы “общества отвязного экстрима и потребления”, что впору выть и закрывать пещеры – а не искать пути к диалогу и творить новые подземные открытия. Иногда кажется: поколение это не просто не умеет ничего делать своими руками — за сравнительной “крутостью” готовой покупаемой снаряги и отвязно-пикниковым стилем посещения Подземли не в состоянии *задуматься*, что скрывается в каменных безднах и лабиринтовых

подземных просторах, что нас влечёт в них и заставляет творить их открытие и поиск.

Конечно, не все из приходящих в Мир Белого Камня *такие* —

: случаются прекрасные исключения. Но общий мэйнстрим современного спелеобытия таков, что подземожительством, о котором я вёл речь в этом своём повествовании, его назвать сложно. Уж слишком он стал близок к западному представлению о туризме. Причём, как и любая российская калька "гнилого запада", калька эта кривая. Почти карикатурная.

: Слишком пахнет коль не отвязно-безбашенным посещением случайных подземных мест,– отягощённым интернетными петушиными боями и молодёжным алкоголизмом с элементами урловых развлекух и наркомании,– то коммерчески ангажированной заботой: а как сделать так, чтобы пещерка давала бабло? Как заполучить её в личное пользование конкретного клуба или какой иной подземно-коммерческой организации?..

Иной раз под эти идеи подводится нехитрая экологическая мотивация: охраняемая пещера защищена от вандалов, от порчи и гибели.

Но от свободного посещения истинных любителей Подземли, для которых суть спелестологии заключается в свободном кейвлайвинге — тоже. Ибо не испытать чувство *личной сопричастности к Подземле,* коль ты посещаешь её аки ресторанный столик, синематошное креслице или музейный зал.

: Не испытать никогда – по определению.

Что ж до научной стороны современной спелестологии – в лучшем случае она ограничивается прагматично-историческим интересом: кто и когда сотворил данную искусственную полость. И только.

От иного остались воспоминания мемуарного рода — умерли Л. Н. Жданов и С. М. Брянкин,– противостояние в науке совковой косности и ретроградству не проходит бесследно для сердца,– трагически погибли Саша Мишин и Саша Морозов, иные эмигрировали за рубеж,– кто-то просто охладел к этим занятиям, избрав работу поспокойнее и поденежней…

Да и на Западе спелеонавтикой никто (или *почти никто*) не занимается, убедившись со слов мсье Сифра в её "как бы бесперспективности".

: "Куда ни кинь – всюду клин".

– Но стоит-ли заморачиваться "особенностями национальных мэйнстримов", если в годы, гораздо более прогарные во всех отношениях, единицы (из ходящих под землю тысяч) могли творить удивительные по своей длительности и научной результативности подземные пребывания,– открывать новые подземные миры и постигать скрытое в вечной подземной тьме? Никакой оглядки на мэйнстрим не делали — ни на упёрто-спортивный, что заполонил "как бы официальную спелеологию", ни на алкогольно-тусовочный, что процветал в иных "независимых от власти" подземных спелеумах.

И на власть, которая эти занятия весьма не приветствовала, не оглядывались.

— И что "бесперспективность", в которой якобы убедился Сифр? Не имея понятия о месячных и суточных часах

человека – хотя на Востоке они известны тысячелетия,– не подозревая о физиологических ресурсах человеческого организма, что высвобождаются в стрессовой ситуации, растягивая или сжимая наше внутреннее время,– не имея понятия о физиологии эндокринной и вегетативной систем организма и о ритмах неокортекса, он ставил свои эксперименты наугад, путаясь в мешанине параметрических данных и методиках их обработки.

: Сейчас наши знания и приборное оснащение позволяют на совершенно ином уровне подойти к этим вопросам — уровне, который в 60/70-х годах было трудно себе представить. Компьютерные тестирование и диагностика в сочетании с рядом методик восточных медицин и разработанных на основе современных технологий датчиков параметрии дадут действительно реальные результаты исследований. Необходимые в столь разных областях человеческой жизни, что перечислять их все – долгое и утомительное занятие.

В отличие от 60-х и 70-х годов сейчас под землёй – непосредственно в гроте пребывания – можно разместить компьютер любой требуемой мощности, телеметрически соединённый по проводным либо спутниковым каналам связи с любой другой машиной, находящейся хоть на противоположной стороне земного шара; это открывает для методологии современного спелеонавтического эксперимента поистине фантастические возможности.

: Об эниологии во времена Сифра не имели никакого представления – даже слова такого НЕ БЫЛО,– всё оснащение тех наивных опытов было – блюдечко для спиритизма да колода пресловутых карт Зенера. Современные представления и наработанная практика позволяют в каменоломнях, под землёй, совершить возможный прорыв в этой области Знания.

ИМЕННО В КАМЕНОЛОМНЯХ — потому что одна из главных ошибок Сифра была в том, что он в силу личных пристрастий избрал для своих пребываний сложнодоступные и крайне неподходящие для научной работы вертикальные естественные пещеры. Оставим их традиционному спелеоспорту – любая попытка повторить в них *научный опыт* заранее обречена на провал.

– В самом деле: удалённые от центров коммуникаций, линий энергоснабжения и связи, изначально заключающие в себе спортивно-технические трудности – на преодоление которых уйдёт львиная доля сил участников и средств спонсоров,– вертикальные пещеры меньше всего подходят для проведения медицинско-физиологических экспериментов и изучения психологических аспектов собственно подземожительства. Ибо не подземожительство получается в оных — бой, спортивное состязание с покоряемой пещерой. Ни о психологической чистоте экспериментов, ни о чистоте параметрии говорить не приходится,– любой сторонний исследователь первым делом укажет на то, что полученная в явно дистрессовых условиях информация нормальному функционированию организма соответствовать не будет.

В отличие от вертикальных пещер, каменоломни находятся вблизи городов и линий коммуникаций, в них действительно удобно организовать любое спелеонавтическое исследование, существенно сэкономив в затратах. Адекватность спелестологического подземного бытия привычной нашей жизни, думаю,

вполне вытекает из всех, написанных мной, строк. Тем более с учётом специфических “speleofrustration”, описанных в главе “Стресс, как норма жизни”. Любой эксперимент в подмосковных или старицких каменоломнях будет в десятки раз дешевле, чем в вертикальных горных пещерах, и настолько же чище по своей результативности – но при этом в сотни раз дешевле, чем в городской сурдокамере.

— Последнее, очень важное соображение: *основным фактором, смазавшим результаты исследований Сифра, была его личная НЕПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ К ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМУ ПРЕБЫВАНИЮ ПОД ЗЕМЛЁЙ.* Без смеха, жалости – а зачастую простого человеческого недоумения невозможно читать отдельные страницы его книг и отчётов. Этот человек, проводя свои эксперименты, умудрился просто жутко загадить полости своего пребывания; представление о реальной подземной экологии было у него на том же уровне, что умение приготовить пусть не дикатессную, но хотя бы вкусную и полезную пищу.

На “аналогично никаком” уровне было представление о комфортном подземном бытие.

При этом – находясь под землёй в окружении замечательнейшего по своим релаксационным свойствам Мира Белого Камня, он испытывал приступы страшнейшей депрессии. Подозреваю: причины её были глубоко внутренние,– но что она оказала огромное влияние на полученные им результаты – медицинский факт. Мало того — ему, оказывается, было просто некуда деться от скуки в окружении книг, магнитофона, проигрывателя (!!!) – и той самой работы, *ради которой шёл под землю.* Он покрылся нарывами и фурункулами, потерял в весе и так ослаб от дистрофии, что по окончании эксперимента не смог самостоятельно выбраться из пещеры…

: Нам, привыкшим к постоянным долговременным пребываниям в каменоломнях, читать об этом просто дико. Санитария и гигиена под землёй были краеугольным камням в исследованиях А. Мишина; моя группа за месяцы подземной жизни наработала такой материал, что я с полной ответственностью могу заявить: БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ ПОД ЗЕМЛЁЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Все они – мучения чайника-бойскаута, не умеющего в ясную солнечную погоду разжечь костер с одной зажигалки “зиппо”.

Вообще, сравнивая зарубежные источники с наработанным нами опытом пребываний, создаётся впечатление, что западные спелеоспортсмены *просто не понимают,* что такое комфортный подземный быт, что такое *подлинно экологическое равновесие с Подземлёй* — душевный (или, если хотите, духовный) аспект которого играет не самую последнюю роль. И это при том, что в техническом отношении они всегда опережали российскую спелеологию на 20-30 лет!..

Впрочем, если оглянуться на историю нашего кейвлайвинга, многое становится понятным. Ведь мы никогда не покоряли Подземлю – мы изначально приходили в неё ЖИТЬ.

: В этом плане наработанный нами опыт поистине бес-

ценен и не сопоставим ни с какими мнениями и выводами “отказников от спелеонавтики”. То, что западных спелеонавтов ставило под землёй в известную позу, нам почему-то было в кайф.

Будет крайне печально, если наш спелестологический опыт подземного бытия вкупе с доступными, бесплатными и удобными для серьёзной работы пещерами-каменоломнями ***останется невостребованным.***

Что же до будущего российского кейвлайвинга – поживём, посмотрим. Какие бы лозунги ни выдвигали новые спелеоэкологи и какие бы коммерческие предложения ни сулили страждущие “спасти пещеры-каменоломни от спелестологов и заработать на этом копеечку” — Интернет есть Интернет; флуд есть флуд.

А реальная подземная работа есть реальная подземная работа.

Как и реальная подземная жизнь.

С флудом не сильно пересекающаяся.

: Новые поколения приходят в пещеры-каменоломни, и обращаются именно к кейвлайвингу – как когда-то обращались мы. Люди меняются, и меняется снаряжение. А потому неизбежно меняется наш подземный быт,– современным кейвлайверам уж не объяснить, с какими трудностями мы сталкивались при своём подземожительстве всего 20 лет назад.

А значит, “прогресс-таки имеет и это место”.

И что с того, что несколько рукотворных пещер изъято из нашего подземного общения? Оставшихся пока в тысячи раз больше.

И кейвлайверов в спелестологии по-прежнему неизмеримо больше, чем коммерческих жучков или амбициозных организаторов-имбицилов.

Да и сам подземный мир в рукотворной своей ипостаси распахнулся пред нами новыми горизонтами, неведомыми и даже неугадываемыми 10 лет назад,– о чём я пишу в завершающей части своего “Катакомбного Итога”, книге “Пещеры – Человечество – Космос”.

: Горизонты эти сулят столь много, что поневоле захватывает дух.

А потому на печаль места не остаётся.

: Лишь на новую работу, по сравнению с которой былые наши исследования выглядят школьными эксерсизами.

* * *

Важнейший вопрос: напрасны или нет были наши погружения “за три света” (или, если угодно, “тьмы”) шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых и девяностых годов?

: Прошло 15 лет с описанного здесь моего трёхмесячного Пребывания – и то, чем занимался под землёй я, и чем занимались Мишель Сифр и Маурицио Монтальбини, было повторено на поверхности с применением современного компьютерного оборудования. Шлемы нейромагнитометрии стали лабораторным достоянием, и нет нужды в погружении под землю для исследования

нейромагнитных пульсаций височных долей неокортекса. Из этого не следует, что наши робкие попытки “нащупать биоритмы и приблизиться к пониманию их природы” были дёрганьем аутсайдеров “не ко времени и месту” — как со всей ответственностью заявляют современные исследователи биоритмов, без первых пребываний Сифра и его последователей, на протяжении десятков лет теребивших застоявшиеся физиологические воззрения академической науки, не было бы современного прорыва в этой отрасли. Без далёких опытов в Бахарденской пещере не появилось бы современных лабораторных методик исследования нейромагнитометрии. Понадобилось, увы, почти три десятка лет – чтоб в научном мире выросло новое поколение исследователей, в детстве жадно внимавшим рекордным подземным пребываниям и в конце концов соединивших наработанный спелеонавтами опыт с теориями и практиками современной науки.

Сейчас нам известно, что в неокортексе человеческого мозга есть зона (размером с лесной орех, находящаяся чуть ниже и сзади миндалины, или шишковидной железы), которая является теми самыми “биологическими часами”. Она генерирует отсчёт ритмов нашего организма, коррелируя его со среднесуточными колебаниями уровня мелатонина в крови. В экстремальной ситуации эта необычная зона способна в тысячи раз ускорить наши мыслительные процессы (и, по-видимому, скорость мышечной реакции),– но может и замедлить их, вызывая состояние кататонии.

Сбой в синхронизации с солнечным светом (передающийся на генетическом уровне), вызывает пожизненный циркадный сдвиг у “супержаворонков” и “суперсов”. Аналогичный сбой может вызвать нервное переутомление, перенесённый дистресс, физические перегрузки организма.

А иногда и возрастные изменения,– которые, в свою очередь, сами подчиняются “сверхдлинным ритмам” нашей физиологии…

: Настоящие полномасштабные исследования этой интереснейшей зоны коры нашего мозга только начались,– и они уже поставили перед исследователями столько проблем, что вновь встаёт вопрос о продолжительных подземных пребываниях. От которых ждут уже не теоретических догадок и не новых интересных фактов — но прямых ответов на ряд очень неудобных вопросов, связанных с происхождением Homo Sapiens sapiens.

* * *

И ПОСЛЕДНЕЕ – фрагменты из пары интернетных статей почти без комментариев (ибо что бумажный, что инетный пипифакс адекватной реакции, как правило, не достоин,– “но тем не менее”…):

17 ОКТЯБРЯ 2006 г., 16:05

Итальянский исследователь намерен провести под землей 6 лет

53-хлетний итальянец Маурицио Монтальбини, известный миру как человек, добровольно проведший под землей три года, в прошлую пятницу на некоторое время показался из своего подземного укрытия и попросил не беспокоить его еще три года, сообщает The Guardian. Таким образом, Монтальбини намерен провести под землей шесть лет.

Монтальбини уже принадлежит рекордное время нахождения под землей в одиночестве. 1992 год итальянский исследователь полностью провел под землёй. Своим добровольным заточением Мантольбини помогает ученым в исследовании следующего научного факта: ученые утверждают, что в изоляции цикл дневной активности у людей значительно увеличивается. После своего первого 366-дневного заточения в 1992 году Маурицио утверждал, что прожил под землей всего 219 дней.

Подобные эксперименты уже приводили к печальным последствиям. В некоторых случаях фиксировались случаи серьезных психологических расстройств, а один опыт закончился самоубийством. В случае же с Маурицио Монтальбини пока все проходит гладко. Команда исследователей специально для Маурицио оборудовала подземный "дом", располагающийся в итальянской пещере "Грота Фиедда". "Дом" площадью 10 квадратных метров оснащен источником питьевой воды и огромным количеством медицинской аппаратуры, неустанно снимающей физические показатели с Монтальбини. Питается Маурицио таблетками, обеспечивающими организм необходимыми веществами. Подобные же медикаменты применяют космонавты. Помимо таблеток, Монтальбини может побаловать себя медом, орехами и шоколадом. Свой досуг итальянец скрашивает при помощи книг. Пещерная библиотека Монтальбини состоит из 85 книг, которые он читает при свете тусклой лучины.

// "Газета.Ru"

Lenta.ru: Новости: http://lenta.ru/news/2008/06/21/cave/

*Обновлено **21.06.2008** в 19:18:48*

Итальянец собирается провести в пещере больше года

Итальянский спелеолог намерен провести в пещере больше 366 дней и побить существующий мировой рекорд, сообщает агентство DPA. Пещера Кампаначчо (Campanaccio) на острове Сардиния, где итальянец намерен прожить целый год, расположена на глубине 50 метров.

Исследователи из Политехнического университета Кальяри-Монсеррато намерены следить за здоровьем Джанкарло Суласа (Giancarlo Sulas), которому исполнился 51 год, с помощью закрепленных на его теле электродов. Кроме того, в пещере будут установлены камеры видеонаблюдения. Ученые надеются изучить возможности человеческого тела приспосабливаться к жизни в условиях ограниченного пространства, темноты и сырости в течение долгого времени. Исследователи называют поступок Суласа "научным экспериментом".

Предыдущий рекорд также принадлежит итальянскому спелеологу. Маурицио Монтальбини (Maurizio Montalbini) под землей год и один день в начале 1990-х годов. В 2007 году он попытался поставить новый рекорд,

однако был вынужден подняться на поверхность спустя 235 дней пребывания в пещере. Его рацион составляли питательные таблетки, а также мед, орехи и шоколад. За время, проведенное под землей, Монтальбини похудел на 22 килограмма.

: если отвлечься от очевидных журналистских нестыковок и измышлений по поводу спелеонавтического суицида и “свете тусклой лучины” — в остальном информация похожа на правду. Причём не самую пессимистическую с точки зрения развития Жанра.

Москва, апрель 2010